ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 17 15 сентября № 17

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

СПИСОК
КНИГ, ПРИСЛАННЫХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ПАРТИЗДАТ

1. **ВОЛИН, Б. Политграмота.** 3-е изд. (переработ.). 1934. 302 стр. 2 р. 50 к.

2. **ИНГУЛОВ, С. Политбеседы.** Краткий учебник политграмоты. 259 стр. 2 руб. в перепл.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ «ПРАВДА»

1. **ПОХОД «ЧЕЛЮСКИНА».** Т. I. 407 стр. 15 руб. в перепл. Т. II. 407 стр., 15 руб. в перепл.

ВОЕНГИЗ. Институт мир. хоз. и мир. пол.

1. **Мировая война в цифрах.** 1934. 127 стр. 2 р. 50 к. в перепл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБ-ВА ПОЛИТКАТОРЖАН.

1. **ФЕЛИКС КОН. За 50 лет.** Т. III. Экспедиция в Сойотию. 1934. 294 стр. 6 р. 25 к. в перепл.

2. **ВЕРА ФИГНЕР. В борьбе.** 1934. 143 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

«АКАДЕМИЯ»

1. **ФРАНЦ МЕРИНГ. Литературно-критические статьи.** Т. II. 1934. 601 стр. 8 руб. в перепл.

2. **СЕН-СИМОН. Мемуары.** Т. I. 1934. 506 стр. 10 руб. в перепл.

3. **ПАРНАХ, ВАЛЕНТИН. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции.** 1934. 188 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

4. **ДАНТЕ. Новая жизнь.** Перевод с итальянского. 1934. 240 стр. 10 руб. в перепл.

5. **БЕРАНЖЕ. Пьер-Жан.** Полное собрание песен. Т. I. 1934. 702 стр. 14 руб. в перепл.

6. **ИВАНОВ, ВСЕВОЛОД. Дикие люди.** Рассказы. 1934. 91 стр. 5 руб. в перепл.

«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1. Год семнадцатый. Альманах четвертый. 1934. 495 стр. 5 руб. в перепл.

2. **МУКАНОВ, САБИТ. Туллар.** Сборник избранных стихотворений. Перевод с казакского. 1934. 101 стр. 1 р. 75 к. в перепл.

ГИХЛ

1. **ДОБРОЛЮБОВ, Н. А. Литературная критика.** Статьи и рецензии. 1934. 675 стр. 8 р. 25 к. в перепл.

2. **БАЛУХАТЫЙ, С. Критика о М. Горьком.** Библиография статей и книг. 1934. 592 стр. 8 р. 50 к. в перепл.

3. **СМОТР СИЛ.** Сборник 2-й. 1934. 237 стр. 4 руб.

4. **СЕРАФИМОВИЧ, А. С. Сочинения.** 1934. 535 стр. 7 р. 50 к. в перепл.

5. **ТОЛСТОЙ, АЛЕКСЕЙ. Петр I.** Книга 2-я. 1934. 310 стр. 1 р. 50 к.

6. **АНТОКОЛЬСКИЙ, П. Франсуа Вийон.** 1934. 117 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

7. **КУЛИК, И. Черная эпопея.** Стихи. Перевод с украинского. 1934. 100 стр. 3 р. 50 к. в переплете.

8. **ПОЭТЫ БЕЛОРУССИИ.** 1934. 119 стр. 3 р. 50 к.

9. **ПОЭТЫ СОВЕТСКОГО ТУРКМЕНИСТАНА.** 1934. 77 стр. 1 р. 75 к. в перепл.

10. **АРАЗИ. Избранные рассказы.** Перевод с армянского. 1934. 156 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

11. **КОЦЮБА, ГОРДИЙ. Золотое руно.** Перевод с украинского. 1934. 191 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

12. **КОРНЕЙЧУК, А. Гибель эскадры.** Перевод с украинского. 1934. 98 стр. 1 р. 35 к. в перепл.

13. **ЖИД, АНДРЭ. Дневники.** Молодость. Перевод с французского. 93 стр. 2 руб. в перепл.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1. **КРУПСКАЯ, Н. К. Коммунистическое воспитание смены.** 255 стр. 2 руб. в перепл.

2. **ПИСАТЕЛИ О КОМСОМОЛЕ.** Литературно-художественный альманах. 1934. 346 стр. 8 руб. в перепл.

3. **БОБРОВ, П. С. Путь пилота.** 1934. 90 стр. 35 коп.

«ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ»

1. **ЗАВАДОВСКИЙ, М. Л. Пастер.** 1934. 168 стр. 2 руб. в перепл.

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-81-18, Кремль 3-60

№ 17 15 СЕНТЯБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О перестройке профсоюзов

Перестройка профсоюзов, проводимая на основе постановления IV пленума ВЦСПС (5—6 сентября 1934 г.), вытекает из решений XVII с'езда партии, который поставил перед всеми массовыми организациями, в том числе и перед профсоюзами, задачу повышения качества работы во всех отраслях, в первую очередь — задачу улучшения организационно-практического руководства. Необходимость этой перестройки прямо вытекает из факта резкого отставания практической работы профсоюзов от задач, поставленных перед ними партией. Смысл перестройки профсоюзов в том, чтобы привести организационную структуру профсоюзов и в первую очередь руководящего профсоюзного аппарата в соответствие с выросшими задачами советского профдвижения и тем самым обеспечить выполнение этих задач.

Укрепление диктатуры пролетариата как обязательная предпосылка дальнейшего победоносного развития социализма в нашей стране предполагает укрепление и профсоюзов, представляющих неот'емлемую составную часть всего механизма пролетарской диктатуры, один из важнейших «приводных ремней» (Сталин) от партии к массам. Воспитательные задачи второй пятилетки — превращение «всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества» — в немалой степени ложатся на плечи профсоюзов, которые уже сейчас об'единяют в своих рядах 18¼ млн. рабочих, служащих, инженерно-технических и научных работников, деятелей литературы и искусства.

В этих условиях роль профсоюзов как «школы коммунизма» неизмеримо возрастает. Тов. Каганович на IX с'езде профсоюзов (1932 г.) подчеркнул необходимость сочетать на практике заботу о нуждах рабочих с заботой о социалистическом производстве. «Лицом к производству в своей профсоюзной работе, — говорил тов. Каганович, — это значит в вопросах зар-

платы, нормирования труда, снабжения, жилстроительства быть на первом месте.

Для профсоюзов в шести указаниях т. Сталина главнейшими, решающими являются вопросы зарплаты и нормирования труда, охраны труда, снабжения и жилища. Именно отсюда должны профсоюзы «идти» к производственным вопросам».

За последние два года по всем этим направлениям перед профсоюзами встали громадные практические задачи. Дальнейшее развитие ударничества, социалистического соревнования в громадной степени зависит от овладения техникой. Именно за эти два года развернулось массовое движение в форме общественно-технических экзаменов по государственному техническому минимуму. Или возьмем вопросы рабочего снабжения: сейчас все сколько-нибудь значительные предприятия промышленности и транспорта имеют ОРС, свои пригородные хозяйства, сеть учреждений общественного питания, складов, магазинов, киосков. Возьмем жилищное строительство: только в одной тяжелой промышленности жилищная площадь возросла за время с 1928 по 1934 г. с 8 млн. кв. м до 20 млн. кв. м. В прошлом году в связи с ликвидацией Народного комиссариата труда правительство передало профсоюзам дело социального страхования и охраны труда. Бюджет социального страхования на 1934 г. составляет около 5 млрд. руб.

XVII с'езд партии постановил «передать профсоюзам все права низовых органов РКИ на предприятиях и руководство контрольными органами при ОРС, ЗРК, райпо, горпо».

Совершенно очевидно, насколько выросла и усложнилась практическая работа профсоюзов, повысилась их роль как «школы хозяйничанья, школы управления». Передача профсоюзам руководства массовым контролем особенно усиливает их практические возможности в области выращивания кадров для советского аппарата: «Хороший контролер — будущий хороший управитель» (Каганович).

Задача, поставленная XVII с'ездом партии, задача органического слияния «функций контроля со всей работой профсоюзов», как это подчеркнул на II пленуме Комиссии партийного контроля тов. Каганович, требует решительного перелома в методах работы профсоюзных организаций, требует полного отказа от «бумажной писанины», перехода к изучению и разбору «конкретных жалоб и заявлений рабочих».

В свете огромных и сложных задач жалко и комично выглядит недавняя болтовня некоторых профсоюзных работников об «отмирании» профсоюзов, о «бесперспективности» профработы. Отражая полнейшую теоретическую путаницу в головах этих — с позволения сказать — «деятелей» профдвижения, такие разговоры свидетельствовали о растерянности перед грандиозностью новых практических дел у той части профработников, которая не в состоянии их осилить. Основные кадры работников советского профдвижения, миллионные слои низового общественного профсоюзного актива со всей решительностью и энергией работают над осуществлением этих задач.

Основным звеном профсоюзов, которому на деле приходится воплощать в жизнь огромные задачи организации и воспитания масс рабочих, в частности новых рабочих, является первичная профсоюзная организация предприятия во главе с фабзавместкомом. Здесь в конечном счете решается успех каждого конкретного мероприятия. Здесь должен быть организован контроль и борьба против обсчетов по заработной плате, против обмеривания и обвешивания в магазинах, против низкого качества общественного питания и т. д. Здесь должна быть развернута борьба за правильную организацию зарплаты, поставлена работа инспекции охраны труда и работа выплатного пункта кассы социального страхования, органи-

зованы культурное обслуживание и здоровый отдых советского рабочего. Именно здесь, в фабзавместкоме, бьется пульс всей производственной, материально-бытовой и культурной жизни каждой профсоюзной организации.

Для того чтобы фабзавместком и его руководители — низовые профработники — были постоянно обращены лицом к цеху, к профгруппе, к нуждам каждого отдельного рабочего, необходимо, чтобы в первую очередь весь руководящий профсоюзный аппарат повернулся к фабзавместкому, оказывал ему действительную помощь, оперативно руководил им.

Было ли это до последнего времени? Совершенно не в достаточной степени. Если перечисленные выше большие практические задачи, поставленные перед профсоюзами, права, переданные профсоюзам, государственные средства, которыми распоряжаются профсоюзы, достаточно ярко характеризуют рост тех возможностей, которыми наши профсоюзы располагают, то перечень недостатков профсоюзной работы покажет, почему эти возможности далеко еще не в полной мере реализуются профсоюзами.

Профсоюзы — «школа об'единения», но они еще не организовали в своих рядах поголовно всех рабочих: 22% рабочих и служащих в нашей стране еще не вовлечены в профсоюзы.

Организующая и воспитательная роль профсоюзов в новой колхозной деревне бесспорна. Но как отстает еще закрепление профсоюзами этого своего влияния! Об этом говорят хотя бы цифры охвата профсоюзным членством по союзу рабочих животноводческих совхозов — 54,6% (и это в условиях мобилизации всех массовых организаций на под'ем животноводства!), торфяников — 54,2, рабочих лесосплава — 51,2, рабочих земледельческих совхозов — 49,5, сахарников — 40,2%. Иногда находятся среди профработников «защитники» этой отсталости, которые пытаются мотивировать недопустимо низкий охват профсоюзным членством «об'ективными» условиями, «специфическим» составом рабочих и т. п. Обычный оппортунистический прием! Почему же союз рабочих МТС сумел уже охватить членством 73,7% работающих? Это также совершенно недостаточный процент охвата, но он все же гораздо выше чем, скажем, в союзах совхозных рабочих или у сахарников. Совершенно очевидно, что дело не в «об'ективных причинах», а в причинах, лежащих внутри профсоюзов,—в их структуре и в методах их работы.

Возьмем ли мы руководство со стороны профсоюзов движением за овладение техникой или их участие в постановке технического нормирования, в борьбе против остатков уравниловки — и здесь мы найдем немало прорех. Всем еще памятны те вполне обоснованные упреки, с которыми «Правда» и комсомол обращались к ВЦСПС перед XVII с'ездом партии, отмечая чрезвычайно слабое участие профсоюзных организаций в общественно-технических экзаменах. На IV пленуме ВЦСПС приводились весьма показательные факты неиспользования предприятиями средств, ассигнованных на охрану труда и технику безопасности, частые случаи отсутствия борьбы профорганизаций со сверхурочными работами, с удлинением рабочего дня подростков и пр. Вряд ли найдутся такие профработники, которые станут утверждать, что 5-миллиардный бюджет соцстраха, сеть домов отдыха, санаториев, курортов, профилактических учреждений уже освоены профсоюзами.

Совершенно недостаточен размах культурно-массовой работы профсоюзов. Безобразно используются культфонды даже на таких крупнейших предприятиях и в таких промышленных центрах, как Магнитка, Челябинский тракторный или Тагил. На Магнитке, например, по союзу строителей свыше 80% культфонда расходуется на зарплату культработникам. Понятно, что в этих условиях высококачественного обслуживания культурных запросов масс поставить нельзя. А эти запросы выросли и растут с каждым днем.

Достигнув некоторых успехов в культурной работе, профсоюзы кое-где на этом «успокоились», сильно отстали от непрерывно и быстро расширяющейся тяги масс к культуре. В продолжение последних лет со страниц наших газет и журналов не сходят статьи и заметки о плохой культработе, о закрытых клубах, о халтурных постановках, о слабом развитии физкультуры и спорта в отдельных районах и областях и т. д. Но к огромному большинству этих сигналов профорганизации остаются глухи.

Бытовые вопросы, вся многообразная масса жизненных «мелочей», волнующих рабочего, работницу, жену рабочего,—ко всему этому еще не приковано повседневное внимание профсоюзных работников. Отсутствие должного и постоянного внимания со стороны профсоюзов, скажем, к жилищу рабочего, приводит к тому, что даже великолепные, недавно построенные и хорошо оборудованные жилые дома портятся, бесхозяйственно растрачивается ценный жилищный фонд. Государственные средства, затраченные на жилстроительство, не дают того эффекта, который они могли бы дать при культурном, хозяйственном отношении к жилищу.

Борьба за повышение материального уровня жизни рабочих складывается, между прочим, из огромного количества таких бытовых «мелочей», как хорошо организованная прачечная, правильный вес и правильная цена в магазине, хорошее овощехранилище или починочная мастерская, правильно организованная детская площадка при доме и т. д. и т. п. Профсоюзы еще далеко не сделали и в этой области всего того, что они должны были сделать.

Медлительность, с которой профсоюзы брались за дело массового контроля, вызвала специальное решение II пленума Комиссии партийного контроля, в котором констатируется, что «до последнего времени профсоюзами была слабо развернута массовая проверочно-контрольная работа». Еще более резкая оценка была дана особым постановлением ЦК ВКП(б) «О борьбе с обвешиванием, обмериванием потребителей и нарушением розничных цен в торговле». Показателен уже тот факт, что вопрос об обвешивании, обмеривании и т. д. был поставлен не по сигналам профсоюзов, которые не удосужились до решения ЦК по-настоящему взяться за эти вопросы.

Где же коренятся причины всех этих недостатков в работе профсоюзов? Одной из причин является несоответствие организационных форм и методов работы профсоюзов задачам, которые профсоюзы должны разрешить. Громоздкость союзов, об'единявших сотни и тысячи предприятий, нередко резко отличающихся друг от друга и размещенных по всей нашей огромной стране, наличие средостения между фабзавместкомами и ЦК союзов, разбухание платного аппарата при крайне незначительном привлечении к работе добровольческого актива, функционалка в построении аппарата, сужение инициативы и, следовательно, уменьшение ответственности производственных союзов вмешательством межсоюзных органов в их функции — таковы важнейшие недостатки организационного построения профсоюзов, сохранившиеся до последнего времени. Отсюда неповоротливость руководящего профаппарата, дерганье фабзавместкомов вместо авторитетной помощи им из одного руководящего центра, канцелярская волокита, странствование рабочих жалоб и заявлений по ступеням профсоюзной лестницы (завком — горком — обком — республиканский комитет или правление союза — ЦК союза). Отсюда руководство «вообще», без точного знания всех условий производства и производственного быта рабочих (зарплата, охрана труда, соцстрах и т. д.); отсюда и слабость проверки исполнения важнейших решений партии, правительства и самих же профсоюзов.

На XVII с'езде тов. Каганович в своем докладе по организационным вопросам дал исчерпывающую характеристику тех организационных недостатков, которые мешают профсоюзам использовать свои величайшие возможности:

«Профсоюзы имеют огромные возможности, опираясь на инициативу каждого рабочего, молодежи, новых рабочих-ударников, ставить перед правительством и ЦК вопросы. К сожалению, профсоюзы еще не полностью используют свои возможности. Они не умеют выявить главного и обобщить факты. Эмпиризм заедает профсоюзы. Они работают, они копошатся, они стараются, но еще не научились обобщить и провести в жизнь то, что намечают. Мы имеем в профсоюзах людей, которые искренне хотят работать, однако они еще не умеют возглавить ту кипучую жизнь, инициативу и энергию, которые есть на фабриках и заводах, в ударных бригадах.

И ВЦСПС неполностью выполнил директиву ЦК, директиву своего с'езда по части предоставления большей инициативы центральным комитетам производственных союзов. Он все еще держит курс на осуществление полного руководства только из ВЦСПС.

... Профсоюзам необходимо на основе решений с'езда партии перестроиться и улучшить свою работу, изгнать канцелярщину и в большей мере организовывать творческую активность ударников и всех членов профсоюзов».

Организационная перестройка профсоюзов — необходимое условие для улучшения всей профсоюзной работы. В этих целях IV пленум ВЦСПС принял решение о дальнейшем разукрупнении профсоюзов и образовании из 47 существовавших до сих пор союзов 154 самостоятельных производственных союзов, об упразднении в ряде союзов средних звеньев, а в ряде районов — райсовпрофов, о ликвидации функционалки в построении профсоюзного аппарата, о сокращении числа платных профработников и широком привлечении добровольческого актива в руководящий профаппарат, о решительном размежевании функций производственных союзов и межсоюзных профорганов (ВЦСПС и совпрофы).

Эти мероприятия должны повернуть весь руководящий профсоюзный аппарат лицом к предприятию, приблизить его к фабзавместкомам, обеспечить конкретную помощь и оперативное руководство низовыми профорганизациями, расширить и укрепить профсоюзную демократию и усилить борьбу с бюрократизмом в профсоюзном аппарате. Эти мероприятия должны еще больше приблизить профсоюзы к массам, еще больше повысить роль производственных союзов. Такова суть принятых ВЦСПС решений о перестройке профсоюзов.

Инициатива разукрупнения профсоюзов принадлежит товарищу Сталину. Это есть дальнейшее развитие того развернутого большевистского наступления, которое партия проводит шаг за шагом под руководством своего гениального вождя.

Наше социалистическое хозяйство, в особенности его ведущее звено — тяжелая индустрия, гиганты выросло и укрепилось за эти годы. Громадное развитие получили самые разнообразные по условиям производства совхозы; сформировалось в особую разветвленную отрасль промышленности строительное дело. В народном хозяйстве занято свыше 22 млн. рабочих и служащих. Такова об'ективная обстановка работы профсоюзов. Она определяет и те требования, которые пред'являются к организационной структуре профсоюзов. Нынешняя структура уже не отвечает этим требованиям. Отсюда возникла необходимость решительного разукрупнения профсоюзов. Опыт предыдущего разукрупнения, проведенного по решению ЦК ВКП(б) от 15 января 1931 г., показал, что это единственно правильная предпосылка действительной перестройки профсоюзной работы.

65 центральных комитетов союзов (из 154) в связи с проводимым разукрупнением переедут из Москвы в другие промышленные центры страны — ближе к своему производству. 43 союза совсем не будут иметь средних звеньев. Центральные комитеты союзов приближаются к фабзавместкомам.

Производственный принцип построения профсоюзов — основной принцип советского профдвижения — не только сохраняется целиком и полностью, но еще резче выступает во всей практике руководства со стороны центральных комитетов союзов. Теперь перед центральными комитетами союзов будут стоять не расплывчатые вопросы машиностроения «вообще», земледелия «вообще», т. е. условий труда, заработной платы, снабжения, овладения техникой в этих громадных областях народного хозяйства, а неизмеримо более конкретные вопросы — станко-инструментальной промышленности, или точного машиностроения и т. д., производства зерна, или овощей, или фруктов, или хлопка.

Только безнадежные, неисправимые путаники или явные оппортунисты могут заниматься всякого рода разговорчиками, о «попятном движении» профсоюзов к «цеховщине».

В результате перестройки производственный характер советских профсоюзов усиливается.

Старое, правооппортунистическое руководство ВЦСПС держало курс на уничтожение самостоятельных производственных профсоюзов, на превращение их в «секции общероссийского центра профессионального движения».

На IX с'езде профсоюзов тов. Каганович подверг жесточайшей критике этот курс на бюрократическую централизацию профдвижения так же как и другой уклон — троцкистов и шляпниковцев — в сторону цеховой замкнутости производственных союзов и отрыва их от общего советского профдвижения.

Партия даст жестокий отпор каждому, кто попытается словами или делами препятствовать усилению роли производственных профсоюзов, тормозить самостоятельность и инициативу их центральных комитетов.

Новым в работе руководящих органов производственных профсоюзов является организация секций в е д у щ и х п р о ф е с с и й. Теперь, когда союзы разукрупнены, появляется возможность путем секций организационно выделить обслуживание рабочих ведущих профессий (врубовые машинисты — в союзах угольщиков, сталевары — в союзах металлургов и т. п.). Усиление производственного принципа построения союзов не ослабляет, а, наоборот, усиливает возможность особой заботы о рабочих важнейших профессий данного производства.

Размежевание функций, при котором центр тяжести в работе совпрофов переносится на проверку исполнения производственными профсоюзами директив партии и правительства, решений руководящих профсоюзных органов (с'ездов ВЦСПС, пленумов центральных комитетов союзов), должно ликвидировать такое положение, когда совпрофы вместо об'единения работы местных органов производственных союзов пытались подменять их, непосредственно руководить фабзавместкомами, вмешиваться в мелочи текущей работы.

Хватаясь за несвойственное им оперативное руководство низовыми профорганизациями, совпрофы не занимались ни проверкой исполнения, ни обобщением опыта местных профорганизаций. Изменение методов работы совпрофов во главе с ВЦСПС нанесет серьезный удар бесконтрольности и эмпиризму в практике профсоюзной работы.

* * *

Профсоюзы — «приводной ремень» от партии к массам рабочего класса, проводник ее коммунистического влияния.

Перестройка профсоюзов не может пройти «самотеком». Нужна громадная работа: решения ВЦСПС о перестройке, принятые на основе указаний товарища С т а л и н а и под руководством ЦК ВКП(б), надо сделать известными каждому рабочему и работнице; надо поднять широкую волну са-

мокритики против недостатков профсоюзной работы; надо привлечь к активному участию в перестройке все профсоюзные массы; надо выдвинуть десятки и сотни тысяч низовых активистов, рабочих-ударников в помощь платному профаппарату — и не только в качестве добровольных работников центральных комитетов союзов и совпрофов, но и в качестве добровольцев, помогающих своему фабзавместкому. Вслед за сокращением на 35% аппарата ВЦСПС, центральных комитетов союзов, совпрофов и средних союзных звеньев должно быть сокращено число платных профработников и на предприятиях.

Некоторым бюрократам кажется, что это неизбежно ведет к ухудшению работы. Это неверно. Нужно со всей энергией взяться за привлечение актива, а нытиков и болтунов, не могущих работать без разбухшего аппарата, надо с позором изгонять из среды профработников.

Под руководством большевистской партии наши профсоюзы должны путем коренной перестройки всей работы преодолеть свое отставание и выполнить стоящие перед ними величайшие задачи организации, сплочения, воспитания десятков миллионов пролетариев нашей страны для успешного движения вперед, к бесклассовому обществу.

Беседа т. Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом

(23 июля 1934 года)

Уэллс. Я Вам очень благодарен, м-р Сталин, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир...

Сталин. Не так уж много...

Уэллс. Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

Сталин. Крупные деятели, вроде Вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, Вы смотрите на мир, не как «простой человек».

Уэллс. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Содиненных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация всеоб'емлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

Сталин. У США другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют американцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частно-капиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем

случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Суб'ективно эти американцы может быть и думают, что перестраивают общество, но об'ективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому, об'ективно, никакой перестройки общества не получится.

Не будет и планового хозяйства. Ведь что такое плановое хозяйство, каковы некоторые его признаки? Плановое хозяйство стремится уничтожить безработицу. Допустим, что удастся, сохраняя капиталистический строй, довести безработицу до некоторого минимума. Но ведь ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой—давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки. Вот Вам уже одна прореха в «плановом хозяйстве» буржуазного общества. Плановое хозяйство предполагает, далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А Вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделавшись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства.

Уэллс. Я согласен со многим из того, что Вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится социализм в том смысле, в каком его понимают в англо-саксонском мире. Рузвельтовские лозунги «нового порядка» имеют колоссальный эффект и, по моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами.

Сталин. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Рузвельта—его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Рузвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой Вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно, в условиях капитализма, понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую Вы называете социализмом в англо-саксонском толковании этого слова. Но что будет означать этот «социализм»? В лучшем случае—некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Рузвельт или какой-либо другой ка-

питан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Рузвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии—не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот—все это в руках частных хозяев. И, наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Рузвельта, а у частных хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это—институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому, я боюсь, что Рузвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой Вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным.

Уэллс. Я, быть может, сильнее, чем Вы, верю в экономическую интерпретацию политики. Благодаря изобретениям и современной науке приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, т. е. к социализму. Организация и регулирование индивидуальных действий стали механической необходимостью, независимо от социальных теорий. Если начать с государственного контроля над банками, затем перейти к контролю над транспортом, над тяжелой промышленностью, над промышленностью вообще, над торговлей, и т. д., то такой всеоб'емлющий контроль будет равносилен государственной собственности на все отрасли народного хозяйства. Это и будет процессом социализации. Ведь социализм, с одной стороны, и индивидуализм—с другой, не являются такими же антиподами, как черное и белое. Между ними имеется много промежуточных стадий. Имеется индивидуализм, граничащий с бандитизмом, и имеется дисциплинированность и организованность, равносильная социализму. Осуществление планового хозяйства зависит в значительной степени от организаторов хозяйства, от квалифицированной технической интеллигенции, которую можно, шаг за шагом, завоевать на сторону социалистических принципов организации. А это самое главное. Ибо,—сначала организация, затем социализм. Организация является наиболее важным фактором. Без организации, идея социализма—всего лишь идея.

Сталин. Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того,— социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет. Но разве можно отрицать контраст между классами, между классом имущих, классом капиталистов, и классом трудящихся, классом пролетариев? С одной стороны,—класс имущих, в руках которых банки, заводы, рудники, транспорт, плантации в колониях. Эти люди

не видят ничего, кроме своего интереса, своего стремления к прибыли. Они не подчиняются воле коллектива, они стремятся подчинить любой коллектив своей воле. С другой стороны,—класс бедных, класс эксплуатируемых, у которых нет ни фабрик, ни заводов, ни банков, которые вынуждены жить продажей своей рабочей силы капиталистам и которые лишены возможности удовлетворить свои самые элементарные потребности. Как можно примирить такие противоположные интересы и устремления. Насколько я знаю, Рузвельту не удалось найти путь к примирению этих интересов. Да это и невозможно, как говорит опыт. Впрочем, Вы знакомы с положением в Соединенных Штатах лучше, чем я, так как я в США не бывал и слежу за американскими делами преимущественно по литературе. Но у меня есть кое-какой опыт по части борьбы за социализм, и этот опыт говорит мне: если Рузвельт попытается действительно удовлетворить интересы класса пролетариев за счет класса капиталистов, последние заменят его другим президентом. Капиталисты скажут: президенты уходят и приходят, а мы, капиталисты, остаемся; если тот или иной президент не отстаивает наших интересов, найдем другого. Что может противопоставить президент воле класса капиталистов?

Уэллс. Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых. Конечно, есть категория людей, стремящихся исключительно к наживе. Но разве этих людей не считают точно так же, как и здесь, помехой? Разве на Западе мало людей, для которых нажива не цель, которые обладают известными средствами, хотят их инвестировать, получают от этого прибыль, но совсем не в этом видят цель своей деятельности? Эти люди рассматривают инвестирование средств, как неудобную необходимость. Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива? По моему, имеется многочисленный класс попросту способных людей, сознающих неудовлетворительность нынешней системы и призванных сыграть большую роль в будущем, социалистическом обществе. Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма в широких кругах инженеров, летчиков, в военно-технических кругах и т. д. Подходить к этим кругам с прямолинейной пропагандой классовой борьбы—бесцельно. Это круги, понимающие, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото, но эти круги считают ваш примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом.

Сталин. Вы возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. Конечно, есть средние слои, есть и та техническая интеллигенция, о которой Вы говорите, и в среде которой есть очень хорошие, очень честные люди. Есть в этой среде и нечестные, злые люди. Всякие есть. Но, прежде всего, человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплуатируемых, и отвлечься от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми—значит отвлечься от основного факта. Я не отрицаю наличия промежуточных средних слоев, которые либо становятся на сторону одного из этих двух борющихся между собой классов, либо занимают в этой борьбе нейтральную или полу-нейтральную позицию. Но, повторяю, отвлечься от этого основного деления общества и этой основной борьбы между двумя основными классами—значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих.

Уэллс. Но разве мало не-бедных людей, которые работают и работают продуктивно?

Сталин. Конечно, имеются и мелкие землевладельцы, ремесленники, мелкие торговцы, но не эти люди определяют судьбы стран, а те трудящиеся массы, которые производят все необходимое для общества.

Уэллс. Но ведь имеются очень различные капиталисты. Имеются такие, которые только думают о профите, о наживе, имеются и такие, которые готовы на жертвы. Например — старый Морган: этот думал только о наживе, он был попросту паразитом на теле общества, он лишь аккумулировал в своих руках богатства. Но вот возьмите Рокфеллера: он блестящий организатор, он дал пример организации сбыта нефти, достойный подражания. Или Форд: конечно, Форд себе на уме, он эгоистичен; но не является ли он страстным организатором рационального производства, у которого и вы учитесь? — Я хотел бы подчеркнуть, что за последнее время в англо-саксонских странах произошел по отношению к СССР серьезный перелом в общественном мнении. Причиной этому является, в первую очередь позиция Японии и события в Германии. Но есть и другие причины, не вытекающие из одной только международной политики. Есть причина более глубокая: осознание широкими кругами того факта, что система, покоющаяся на частной наживе, рушится. И в этих условиях, мне кажется, что надо не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени. Мне кажется, что я левее Вас, м-р Сталин, что я считаю, что мир уже ближе подошел к изжитию старой системы.

Сталин. Когда я говорю о капиталистах, которые стремятся лишь к профиту, к наживе, я этим вовсе не хочу сказать, что это—последние люди, ни на что иное не способные. У многих из них имеются несомненно крупные организаторские способности, которые я и не думаю отрицать. Мы, советские люди, многому у капиталистов учимся. И Морган, которому Вы даете такую отрицательную характеристику, являлся, безусловно, хорошим, способным организатором. Но если Вы говорите о людях, готовых реконструктировать мир, то их, конечно, нельзя найти в среде тех, которые верой и правдой служат делу наживы. Мы и эти люди находимся на противоположных полюсах. Вы говорите о Форде. Конечно, он способный организатор производства. Но разве Вам неизвестно его отношение к рабочему классу, разве Вы не знаете, сколько рабочих он зря выбрасывает на улицу? Капиталист прикован к профиту, его никакими силами оторвать от него нельзя. И капитализм будет уничтожен не «организаторами» производства, не технической интеллигенцией, а рабочим классом, ибо эта прослойка не играет самостоятельной роли. Ведь инженер, организатор производства работает не так, как он хотел-бы, а так, как ему прикажут, как велит интерес хозяина. Есть, конечно, исключения, есть люди из этой прослойки, которые освободились от дурмана капитализма. Техническая интеллигенция может, в определенных условиях, творить «чудеса», приносить человечеству громадную пользу. Но она же может приносить и большой вред. Мы, советские люди, имеем свой не малый опыт с технической интеллигенцией. После Октябрьской революции определенная часть технической интеллигенции не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, саботировала его. Мы всячески стремились включить техническую интеллигенцию в это строи-

тельство, подходили к ней и так, и этак. Прошло не мало времени, прежде чем наша техническая интеллигенция стала на путь активной помощи новому строю. Ныне лучшая ее часть — в первых рядах строительства социалистического общества. Мы, имея этот опыт, далеки от недооценки как положительных, так и отрицательных сторон технической интеллигенции, и мы знаем, что она может и повредить, и творить «чудеса». Конечно, дело обстояло бы иначе, если можно было бы единым ударом оторвать духовно техническую интеллигенцию от капиталистического мира. Но это утопия. Разве много найдется людей из технической интеллигенции, которые решатся порвать с буржуазным миром и взяться за реконструкцию общества? Как по Вашему, много ли есть таких людей, скажем, в Англии, во Франции? Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира!

Кроме того, разве можно упускать из виду, что для того, чтобы переделать мир надо иметь **власть?** Мне кажется, г-н Уэллс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, что он вообще выпадает из Вашей концепции. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они неспособны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут, в лучшем случае, оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который заменил бы класс капиталистов и стал бы таким же полновластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс. Конечно, надо принять помощь технической интеллигенции и надо, в свою очередь, оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю большое плавание.

Уэллс. Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

Сталин. Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

Уэллс. Большой корабль—это человечество, а не класс.

Сталин. Вы, г-н Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии.

Уэллс. Я припоминаю, как обстояло дело с технической интеллигенцией несколько десятилетий тому назад. Тогда технической интеллигенции было мало, зато дела было много и каждый инженер, техник, интеллигент находил применение своим знаниям. Поэтому это был наименее революционный класс. Ныне же наблюдается избыток технической интеллигенции и настроение ее круто изменилось. Квалифицированный интеллигент, который ранее никогда не стал бы даже прислушиваться к революционным разговорам, теперь очень ими интересуется. Недавно я был приглашен на обед Королевского Общества, нашего крупнейшего английского научного общества. Речь председателя была речью в пользу социального планирования и научного управления. Лет тридцать тому назад там не стали бы даже слушать того, что я говорю. А теперь во главе этого общества стоит человек с революционными взглядами, настаивающий на научной реорганизации человеческого общества. Ваша пропаганда классовой борьбы не посчиталась с этими фактами. Настроения меняются.

Сталин. Да, я это знаю и об'ясняется это тем, что капиталистическое общество находится теперь в тупике. Капиталисты ищут и не могут найти такого выхода из этого тупика, который был бы совместим с достоинством этого класса, с интересами этого класса. Они могут частично выкарабкаться из кризиса на четверенках, но такого выхода, через который они могли бы выйти с высоко поднятой головой, который не нарушал бы в корне интересов капитализма, они найти не могут. Это, конечно, чувствуют широкие круги технической интеллигенции. Значительная часть ее начинает осознавать общность интересов с тем классом, который способен указать выход из тупика.

Уэллс. Вы, м-р Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сами? Не считаете ли Вы установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

Сталин. Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Уэллс. Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин. Частично и на полу-инстинктивную, и на полу-сознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно.

Уэллс. Я слежу за коммунистической пропагандой на Западе и мне кажется, что эта пропаганда в современных условиях звучит весьма старомодно, ибо она является пропагандой насильственных действий. Эта пропаганда насильственного свержения общественного строя была уместной тогда, когда речь шла о безраздельном господстве той или иной тирании. Но в современных условиях, когда господствующая система все равно рушится, и без того разлагается, надо было бы делать ударение не на инсуррекции, а на эффективности, на компетентности, на производительности. Инсуррекционная нотка кажется мне устаревшей. С точки зрения конструктивно мыслящих людей, коммунистическая пропаганда на Западе представляется помехой.

Сталин. Конечно, старая система рушится, разлагается. Это верно. Но верно и то, что делаются новые потуги иными методами, всеми мерами защитить, спасти эту гибнущую систему. Из правильной констатации Вы делаете неправильный вывод. Вы правильно констатируете, что старый мир рушится. Но Вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный со столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само должно упасть на землю. Нет, революция, смена одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок.

Да, Вы правы, когда говорите, что старый общественный строй рушится, но он не рухнет сам собой. Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их?

Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут расчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу, сделайте все, чтобы вас не раздавил гибнущий старый строй, не позволяйте ему наложить кандалы на ваши руки, которыми вы свергнете этот строй. Как видите, процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным и насильственным. Коммунисты не могут не считаться с фактами.

Уэллс. Но присмотритесь к тому, что происходит сейчас в капиталистическом мире. Ведь это не просто крушение строя. Это взрыв реакционного насилия, вырождающегося в прямой гангстеризм. И мне кажется, что когда речь идет о конфликтах с этими реакционными и неумными насильниками, социалисты должны аппелировать к закону и вместо того, чтобы рассматривать полицию, как врага, поддерживать ее в борьбе с реакционерами. Мне кажется, что нельзя просто действовать методами старого, не гибкого инсуррекционного социализма.

Сталин. Коммунисты исходят из богатого исторического опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?

Уэллс. Кромвель действовал опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка.

Сталин. Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!

Но возьмем пример из нашей истории. Разве не ясно, было в течении долгого времени, что царский порядок гниет, что он рушится? Сколько крови, однако, понадобилось, чтобы его свалить!

А Октябрьская Революция? Разве мало было людей, которые знали, что только мы, большевики, указываем единственно правильный выход? Разве непонятно было, что сгнил русский капитализм? Но Вы знаете, как велико было сопротивление, сколько крови было пролито, чтобы отстоять Октябрьскую Революцию от всех врагов, внутренних и внешних?

Или возьмем Францию конца XVIII века. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов.

В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому, гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса.

Уэллс. Но во главе Великой Французской Революции стояло не мало адвокатов.

Сталин. Разве Вы отрицаете роль интеллигенции в революционных движениях? Разве Великая Французская Революция была адвокат-

ской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия? И разве адвокаты из числа вождей Великой Французской Революции действовали по законам старого порядка, разве не ввели они новую, буржуазную революционную законность?

Богатый исторический опыт учит, что добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу. Нет такого прецедента в мировой истории. И коммунисты усвоили этот исторический опыт. Коммунисты приветствовали бы добровольный уход буржуазии. Но такой оборот дел невероятен, как говорит опыт. Поэтому коммунисты хотят быть готовыми к худшему и призывают рабочий класс к бдительности, к боевой готовности. Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем значит обманывать, предавать рабочий класс. Вот почему я думаю, что то, что кажется Вам старомодным, на самом деле является мерой революционной целесообразности для рабочего класса.

Уэллс. Я вовсе не отрицаю необходимости насилия, но считаю, что формы борьбы должны быть максимально близки к тем возможностям, которые даются существующими законами, которые надо защищать от реакционных покушений. Старый порядок не надо дезорганизовать уже потому, что он в достаточной степени сам дезорганизуется. Именно поэтому мне кажется, что борьба против порядка, против закона, есть нечто устаревшее, старомодное. Впрочем, я нарочно утрирую, чтобы ярче выявить истину. Я могу сформулировать свою точку зрения следующим образом: во-первых, я за порядок; во-вторых, я нападаю на существующую систему, поскольку она не обеспечивает порядка; в-третьих, я считаю, что пропаганда идей классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма.

Сталин. Чтобы совершить большое, серьезное общественное дело, нужно, чтобы была налицо главная сила, опора, революционный класс. Нужно, далее, чтобы была организована помощь этой главной силе со стороны вспомогательной силы, которой является в данном случае партия, куда войдут и лучшие силы интеллигенции. Вы только что говорили об «образованных кругах». Но каких образованных людей Вы имели в виду? Разве мало было образованных людей на стороне старого порядка и в XVII веке в Англии, и в конце XVIII века во Франции, и в эпоху Октябрьской Революции в России? Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование—это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигенции я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигенции идет речь, ибо интеллигенты бывают разные.

Уэллс. Не может быть революции без коренного изменения в системе народного образования. Достаточно привести два примера: пример германской республики, не тронувшей старой системы образования и поэтому не ставшей никогда республикой, и пример ан-

глийской лейбористской партии, у которой не хватает решимости настоять на коренном изменении системы народного просвещения.

Сталин. Это правильное замечание.

Позвольте теперь ответить на Ваши три пункта.

Во-первых, главное для революции — это наличие социальной опоры. Этой опорой для революции является рабочий класс.

Во-вторых, необходима вспомогательная сила, то, что называется у коммунистов партией. Сюда войдут и интеллигентные рабочие и те элементы из технической интеллигенции, которые тесно связаны с рабочим классом. Интеллигенция может быть сильна, только если соединится с рабочим классом. Если она идет против рабочего класса, она превращается в ничто.

В-третьих, нужна власть, как рычаг преобразования. Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком.

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность. Против Вашего положения о том, что надо нападать на существующую систему, поскольку она не обеспечивает необходимого для народа порядка, я ничего возразить не могу.

И, наконец, Вы неправы, если думаете, что коммунисты влюблены в насилие. Они бы с удовольствием отказались от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения.

Уэллс. В истории Англии, однако, был пример добровольной передачи власти одним классом другому. В период между 1830 и 1870 г.г. произошел, без всякой ожесточенной борьбы, процесс добровольного перехода власти от аристократии, влияние которой к концу XVIII века было еще очень велико, к буржуазии, которая являлась сантиментальной опорой монархии. Этот переход власти привел в дальнейшем к установлению господства финансовой олигархии.

Сталин. Но Вы незаметно перешли от вопросов революции к вопросам реформы. Это не одно и то же. Не думаете ли Вы, что большую роль в деле реформ в Англии в XIX веке сыграло чартистское движение?

Уэллс. Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно.

Сталин. Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок, в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений. Вообще, надо сказать, что из всех господствующих классов, господствующие классы Англии, и аристократия, и буржуазия, оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Возьмем пример хотя бы из современной истории: всеобщую забастовку 1926 года в Англии. Любая буржуазия, перед лицом этих событий, когда генеральный совет тред-юнионов призвал к забастовке, прежде всего арестовала бы лидеров тред-юнионов. Английская буржуазия этого не сделала и поступила умно, с точки зрения своих интересов. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции, я не мыслю

себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства, господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ. Но было бы ошибочно думать, что эти реформы представляют революцию.

Уэллс. Вы более высокого мнения о господствующих классах моей страны, чем я. Но велика ли вообще разница между малой революцией и большой реформой, не являются ли реформы малой революцией?

Сталин. В результате напора снизу, напора масс, буржуазия иногда может идти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Поступая так, она считает, что эти уступки необходимы в интересах сохранения своего классового господства. В этом суть реформ. Революция же означает переход власти от одного класса к другому. Поэтому нельзя называть какую бы то ни было реформу революцией. Вот почему не приходится расчитывать на то, чтобы смена общественных строев могла произойти в порядке незаметного перехода от одного строя к другому путем реформ, путем уступок господствующего класса.

Уэллс. Я Вам очень благодарен за эту беседу, имеющую для меня громадное значение. Давая мне Ваши раз'яснения, Вы, наверное, вспомнили о том, как в подпольных дореволюционных кружках Вам приходилось об'яснять основы социализма. В настоящее время во всем мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт. Другие могут проповедывать сколько угодно, их не станут ни печатать, ни слушать. Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный.

Сталин. Можно было бы сделать еще больше, если бы мы, большевики, были поумнее.

Уэллс. Нет, если бы вообще умнее были человеческие существа. Не мешало бы выдумать пятилетку по реконструкции человеческого мозга, которому явно не хватает многих частиц, необходимых для совершенного социального порядка. **(Смех).**

Сталин. Не собираетесь ли побывать на с'езде Союза советских писателей?

Уэллс. К сожалению, у меня имеются разные обязательства и я смогу остаться в СССР только неделю. Я приехал, чтобы встретиться с Вами и я глубоко удовлетворен нашей беседой. Но я собираюсь говорить с теми советскими писателями, с которыми я смогу встретиться, о возможности их вступления в Пен-Клуб. Это международная организация писателей, основанная Голсуорси, после смерти которого я стал председателем. Организация эта еще слабая, но все же имеет секции во многих странах и, что еще важнее, выступления ее членов широко освещаются в печати. Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционных. Я расчитываю поговорить на эту тему с Максимом Горьким. Однако, я не знаю, может ли здесь быть предоставлена такая широкая свобода.

Сталин. Это называется у нас, у большевиков, «самокритикой». Она широко применяется в СССР.

Если у Вас имеются какие-либо пожелания, я Вам охотно помогу.

Уэллс. Благодарит.

Сталин. Благодарит за беседу.

Записал К. УМАНСКИЙ.

Вступление СССР в Лигу наций

К. Радек

I

Вступление СССР в Лигу наций — настолько крупное политическое событие, что оно вызвало в империалистской печати оживленную дискуссию, являющуюся отражением той борьбы, которая происходила в лагере мировой буржуазии в связи с вопросом об отношении Лиги к СССР.

Органы твердолобых всего мира с большим пафосом предупреждали капиталистический мир о принципиальных последствиях допущения СССР в Лигу наций. Они напоминали историю Октябрьской революции, которая упразднила власть буржуазии и помещиков, уничтожила частную собственность на средства производства и создала диктатуру пролетариата, строящего социализм. Освободив трудовые массы от эксплоатации, Октябрьская революция подорвала основы влияния религии, этого убежища бессильных народных масс, пытающихся уйти от эксплоатации в неизвестный мир, в котором должно царствовать равенство.

Разве Лига наций — защитник современной «цивилизации» — может склонить голову перед этими низвергателями идолов, перед государством, не верящим ни в бога, ни в капитал?! С подобными декламациями выступили на пленуме Лиги наций представители Португалии, Швейцарии, играющие роль героев, готовых погибнуть при безнадежной защите последних бастионов капитализма. «Но жребий брошен. Alea jacta est»,— декламировал господин Мотта, швейцарский министр иностранных дел, и испуганные слушатели с тревогой ждали момента, когда представитель швейцарской цивилизации бросится, подобно древнему герою, на собственный меч и погибнет. Но господин Мотта не собирался так трагически кончать жизнь. Он кончал только свою речь: «Мы предпочитаем играть роль того, кто предупреждает и предостерегает. Мы хотели бы, чтобы будущее показало чрезмерность наших опасений. Мы рассчитываем, что все государства помогут нам не допустить превращения Женевы в очаг разлагающей пропаганды. Мы будем стоять настраже. Таков наш долг. В настоящее время для нас достаточно того, что советская Россия не могла войти в Лигу наций при единогласном одобрении, с забвением ее прошлого, в венке победителя». Сказав все это, господин Мотта уселся.

Эта ложноклассическая сцена не произвела на мир потрясающего впечатления, а на «варваров» из СССР она вообще не произвела никакого впечатления. Ибо, как всем известно, Советский союз не только не желает, чтобы народные массы всего мира забыли его прошлое, но имеет целый ряд учреждений, задачей которых является разработка всех документов о прошлом Советского союза и ознакомление с этим славным прошлым трудящихся масс всего мира. Господин Мотта переоценил также желание Советского союза быть принятым с распростертыми об'ятиями всем капиталистическим миром. Капиталистический мир так устроен, что всеобщей любви он не знает: если бы весь капиталистический мир воспылал к нам страстной лю-

бовью, то трудящиеся всего мира наверняка спросили бы, не отказался ли Советский союз от своих целей.

На декламации «принципиальных» противников вступления Советского союза в Лигу наций ответил уже лорд Сесиль, один из отцов Лиги; в своем письме в лондонский «Таймс» он напоминает забывчивым девицам из Лиги наций о том, что они уже давно потеряли невинность. Ведь Советский союз уже принимал участие в целом ряде мелких и крупных конференций, организованных Лигой наций, в том числе в посвященных таким немаловажным вопросам, как восстановление мирового хозяйства и разоружение. Тот факт, что из этих конференций ничего не вышло, нисколько не умаляет принципиального значения участия в них Советского союза. Если мировая буржуазия хотела сохранить принципиальную «девственность», т. е. не признавать того, что миновали времена, когда капиталистическая система была единственной господствующей системой, что капитализм потерял свою монополию 17 лет назад, что, кроме капиталистической государственной системы, существует система советских государств, носящая гордое имя Союза советских социалистических республик,— об этом надо было думать тогда, когда большинство капиталистических государств заключало договоры с СССР, признавало СССР и когда Лига наций приглашала Советский союз на свои конференции. Ведь та же самая Швейцария (с Португалией нам не приходилось встречаться) давала субсидии своим купцам для установления торговых отношений с СССР! Господа «протестанты» запутались безнадежно!

Не менее смешны «доброжелательные» выступления той части мировой печати, которая, беря Советский союз под руку, высказывает надежду, что в таком хорошем обществе, как Лига наций, он «исправит свои нравы», отречется от мировой революции и станет таким же, как все порядочные государства, которым папаша оставил не только свидетельство о легальном происхождении, но и значительную ренту. Этим добрякам ответил уже тов. Литвинов в своей великолепной речи, заявляя, что Советский союз входит в Лигу наций как представитель «новой социально-экономической системы государства, не отказываясь ни от каких особенностей этого государства, и сохраняя полностью свое лицо, как сохраняют его остальные государства, здесь представленные». В подкрепление этого заявления тов. Литвинов не только отклонил вмешательство Лиги наций во внутренние дела Советского союза, не только отклонил арбитраж по прежним конфликтам с капиталистическим миром, заявил о несогласии с мандатной политикой Лиги наций, являющейся прикрытием колониальной эксплоатации, но и заявил о своем несогласии с теми бумажными методами защиты мира, которыми занималась до сего времени Лига.

Принципиальное значение вхождения Советского союза в Лигу наций состоит в том, что вступление СССР в это наиболее обширное об'единение государств в качестве равноправного члена окончательно установило раскол мира на капиталистическую и социалистическую системы государств, в том, что, голосуя в своем большинстве за принятие Советского союза в Лигу наций, капиталистические державы расписались в признании крупнейшего факта раскола мира на два лагеря, из которых каждый нашел свое государственное олицетворение. Пять шестых земного шара находятся еще под властью капитализма, но одна шестая уже находится под государственной властью пролетариата и представляет силу, с которой не могут не считаться капиталистические государства.

Бешеные выступления твердолобой прессы против принятия СССР в Лигу очень полезны как доказательство того, что мировая буржуазия не хо-

чет и не может забыть прошлое Советского союза и что она боится будущей его роли как представителя трудящихся масс всего мира. Наша задача состоит в том, чтобы показать этим массам, что дело идет не просто о злобе борзописцев, которые 17 лет кормились клеветой на Советский союз и теперь боятся, что свобода их вранья может оказаться ограниченной из-за вхождения Советского союза в Лигу наций.

Народные массы должны знать, что во всех капиталистических странах влиятельнейшие капиталистические круги ничуть не изменили своего принципиального отношения к СССР, что две великие державы — Япония и Германия — пустили в ход все средства своего закулисного влияния, чтобы не допустить вхождения СССР в Лигу наций. Массы должны знать, что открытое выступление нескольких малых держав против СССР на пленуме Лиги наций, находящееся в полном противоречии с дипломатическими нравами, столь оберегаемыми блюстителями капиталистической цивилизации, было бы невозможным, если бы эти державы не знали, что некоторые очень влиятельные, крупные государства, голосовавшие за принятие СССР, будут довольны такими протестами. Лондонский «Таймс» в статье от 10 сентября, посвященной отношениям СССР и Лиги наций, выразил, вероятно, общие чувства капиталистического мира, когда писал: «Очень жаль, что положение заставило Лигу обратиться с приглашением к Советскому союзу».

Для того чтобы понять значение вхождения Советского союза в Лигу наций, надо изучить то положение, которое заставило империалистские державы и их клиентуру взять на себя инициативу приглашения Советского союза; надо вспомнить историю Лиги наций, в которой отражается развитие взаимоотношений империалистических держав и их отношений к СССР.

II

Когда 14 февраля 1919 г. комиссия, назначенная Версальской конференцией мира, предложила устав Лиги наций, спешно выработанный ею в продолжение десяти дней, ибо американский президент, главный застрельщик создания Лиги наций, торопился обратно в Америку, Вильсон произнес речь в честь своего детища, завернутого в статут из 26 статей.

«Эта война, — сказал он, — имела страшные последствия, но она имеет и прекрасные плоды. Преступление побеждено. Мир больше чем когда-либо понял величие права. Народы, которые друг другу не доверяли, могут теперь жить как друзья и товарищи, как одна семья, и они желают, чтобы так и впредь оставалось. Зародыши недоверия и интриг устранены. Люди могут смотреть друг другу в лицо и сказать: «Мы братья, и мы имеем общую цель. Раньше мы этого не знали, теперь мы отдаем себе отчет в этом». Здесь лежит перед нами пакт братства и дружбы».

Произнося эту речь, Вильсон выступал уже не как пророк, а как шарлатан, ибо идея Лиги наций в то время уже понесла первое решительное поражение. Она возникла не как идея братства, а как идея американской гегемонии. В своих записках, изданных профессором Сеймуром, полковник Хауз, главный советник Вильсона, рассказывает, как эта идея рождалась еще перед войной в качестве идеи Лиги наций американских народов. «Лига наций американских народов» должна была стать органом, представляющим стремление капитала США к господству над государствами Центральной и Южной Америки. Когда американский финансовый капитал, вкладывая во время войны миллиарды в займы, предоставленные союзникам, должен был поставить себе вопрос, как же он обеспечит

выколачивание процентов с этих миллиардов, как же он будет контролировать дальнейшее развитие Европы, в которую он вложил такие большие средства, Вильсон выдвинул три идеи, ближайшим образом связанные друг с другом; это были идея Лиги наций, идея свободы морей и идея организации Европы на национальном базисе. Лозунг свободы морей означал для Великобритании, укрепившей во время войны при помощи блокады господство на всех морях, отказ от права на блокаду. Соединенные штаты, значительно более слабые на море чем Англия, увеличили бы таким образом свой удельный вес и, по существу, могли бы господствовать при помощи своих займов, без которых Антанта не только не могла победить в войне, но не могла мечтать и о восстановлении хозяйства, т. е. спасти себя от растущих сил революции. Англичане не выступали против основных идей Вильсона только до тех пор, пока гремели пушки. Едва Германия признала свое поражение, как английский империализм начинает решительнейшую борьбу против идеи свободы морей. Английский империализм убежден, что, вложив много миллиардов в финансирование войны, Соединенные штаты принуждены будут в дальнейшем помогать материально победителям, чтобы не потерять вложенного. Когда во время переговоров, предшествовавших установлению перемирия с Германией, представитель Вильсона полковник Хауз спросил: «А что же будет со свободой морей?», Ллойд-Джордж заявил, что если бы он признал это требование, его бы смела буря. Он готов обсудить этот вопрос позже, в более спокойное время. Вильсон, предчувствуя возможность такого хода, провел уже раньше через парламентские учреждения Соединенных штатов громадную программу морских вооружений, цель которых американский министр флота Даниэльс определил позже, перед комиссией сената, словами: «Мы не можем позволить никакой нации иметь хотя бы на грамм больше мощи на море, чем имеют Соединенные штаты». В то самое время когда господин Вильсон уезжал в Америку со статутом Лиги наций в кармане как гарантией новой исторической эпохи дружбы и братства народов, Ллойд-Джордж попросил американского министра флота переговорить с первым лордом британского адмиралтейства Вальтером Лонгом насчет американской морской программы. И Вальтер Лонг открыто заявил американскому министру флота, что «его страна очень обеспокоена программой морских вооружений США, осуществление которой сделало бы английский флот второстепенным». Лонг добавил: «Мистер Ллойд-Джордж не может поддержать Лигу наций, если Соединенные штаты не согласятся уменьшить свою морскую программу. Великобритания не может согласиться, чтобы какая-либо держава имела первенство на море». «Я не ответил, — пишет г. Даниэльс, — на этот ультиматум. На этом закончилась дискуссия. Что же вы думаете о предложении, которое об'являет, что Лига наций зависит от отказа Соединенных штатов от своей морской программы? Я не спал эту ночь».

Не будем продолжать выписок из мемуаров Даниэльса. Приведенного достаточно, чтобы показать, что в момент, когда Версальская конференция включала в Версальский договор статут Лиги наций, реальное содержание Лиги было уже изменено в основном пункте. Лига не стала органом гегемонии американского финансового капитала, как мечтал Вильсон. Это подтверждает полковник Хауз, сообщая после заключения Версальского договора из Лондона Вильсону, что отношения между Англией и США начинают очень напоминать отношения между предвоенной Англией и Германией, отношения, которые привели к мировой войне. И Хауз со вздохом говорит, что нужна осмотрительная политика, дабы США не оказались в таком же одиночестве, в каком оказалась Германия в решающий для нее момент. Вильсон пытался не-

смотря на все это обеспечить принятие Версальского договора Соединенными штатами. Это означало его согласие довольствоваться пока что англо-американским блоком, позволяющим американскому финансовому капиталу совместно с английским господствовать над миром. Но американский финансовый капитал не согласился на подобную сделку, которая связывала бы его свободу действий. Использовав сопротивление народных масс Америки—фермеров и рабочих—против продолжения политики втягивания США в европейские дела, крупный капитал Соединенных штатов отклонил Версальский договор и вхождение Америки в Лигу наций. Лига наций потеряла таким образом сотрудничество самой сильной империалистской державы. Но это означало в частности, что на Дальнем Востоке Лига оказалась без всяких средств давления на Японию.

Если английский империализм саботировал вопрос о свободе морей, то Вильсону пришлось на Версальской конференции отказаться и от такого решения национальных вопросов, которое позволило бы надеяться, что национальный вопрос перестанет быть острым вопросом в послевоенной Европе, перестанет быть рычагом, которым империализм может пользоваться для своих целей. Ему пришлось пойти на это под давлением французского империализма, который в момент своей победы не забывал, что в Европе немцев почти в два раза больше чем французов, что немецкая буржуазия владеет хорошо организованным производственным аппаратом, при помощи которого она может в любой момент воссоздать германскую военную мощь. Территориальные решения Версальского договора, являющиеся основой возникновения чехословацкого, югославского и польского государств, отражают в значительной мере стратегические интересы победившей Франции. Усилиями Вильсона и Ллойд-Джорджа удалось, обещая англо-американскую гарантию французских границ, отвоевать Рейнскую область от посягательств генерала Фоша, но национальный вопрос может и впредь быть использован монополистической буржуазией как рычаг серьезнейших трений между европейскими капиталистическими державами.

Нечего говорить о том, что Лига наций не устранила эксплоатации колониальных народов, что система мандатов, созданная с согласия Вильсона, являлась новой формой господства империализма. За кулисами Версальской конференции это не скрывалось, и господин Вильсон, подхвативший с большой радостью идею генерала Смутса об установлении мандатов, боролся только за видимость, когда убеждал австралийского и новозеландского премьер-министров отказаться от требования непосредственной передачи им захваченных у Германии тихоокеанских островов. Австралийские и новозеландские государственные люди как и японские империалисты знали, что мандатная форма обладания колониями представляет собой только дань лицемерию американского империализма, пытающегося спасти свою репутацию «освободителя» в глазах народных масс всего мира.

С отказом США вступить в Лигу наций, последняя становится на деле органом, в рамках которого происходит борьба английского и французского империализмов за гегемонию в Европе. Борьба Англии и Америки за мировую гегемонию проходит вне Лиги наций, лишь косвенным образом влияя на отношения в Лиге. Вопросы, касающиеся Дальнего Востока, вплоть до 1931 г. оставались фактически вне влияния Лиги наций, хотя в ее состав входили два дальневосточных государства: Япония и Китай. Что же является об'ектом борь-

бы, идущей в рамках Лиги наций между Англией и Францией? Этим об'ектом является Германия.

Уничтожив германский флот и отняв у Германии ее колонии, английский империализм больше не боялся Германии. Раньше чем начать свою борьбу за экспансию вне Европы, за завоевание новых колоний, Германия должна добиться свободы действий в Европе, должна настолько изменить свои границы, чтобы вырваться из капкана между Одером и Везером и получить возможность стратегически развернуться. Франция, понятно, противится этому, используя обязательства, наложенные на Германию в форме репараций, военного контроля над Рейнской областью, контроля над германскими вооружениями. Франция знает, что с исчезновением этих пут Германия начнет борьбу за восстановление своего могущества в Европе и что победа в этой борьбе, даже если бы за Францией остались Эльзас и Лотарингия, неминуемо подорвала бы значение Франции как руководящей державы в Европе, а тем самым уничтожила бы и основу мирового веса Франции.

Англия продолжает свою историческую политику поддержки более слабой из конкурирующих в Европе держав. В этой борьбе английский империализм добивается ряда крупных побед, ибо он получает поддержку Соединенных штатов Америки. Финансовый капитал Соединенных штатов считает, что Германия в версальских тисках неминуемо покатится к пролетарской революции и что победа революции в Германии потянет за собой победу революции в других странах континента, ставя таким образом под вопрос судьбу вложений американского капитала в Европе. Когда в 1923 г. франко-германская борьба привела к захвату Рура, потрясая до глубины всю социальную систему Германии, английский и американский капитал добился предоставления Германии дауэсовского займа, который является на деле началом ликвидации репараций. Уплата репараций при помощи американских и английских займов означает, что Франция лишается репарационного рычага для нажима на Германию, что создаются предпосылки освобождения Германии от репараций вообще.

Это открывает для Англии путь втягивания Германии в Лигу наций. Локарнский договор и вхождение Германии в Лигу наций представляют собой победу Англии над Францией. Англия видит в Германии не только возможного союзника против Франции, но и возможного союзника против СССР. Здесь начинается третий период развития Лиги наций, основные тенденции которого действовали и раньше, но смогли выступить более отчетливо именно с момента вхождения Германии в Лигу наций.

III

Лига наций возникла не только как орудие держав-победительниц против побежденных. Уже в колыбели Лига наций имела ярко очерченный антисоветский характер. «Яд большевизма так охотно впитывается миром потому, что это является протестом против способов, какими мир управляется», — говорил Вильсон своим спутникам, отправляясь в Европу в декабре 1918 г. на военном корабле «Джордж Вашингтон». Спасение против яда большевизма он видел только в Лиге наций. Его помощник, полковник Хауз, писал 22 марта 1919 г.: «Ежедневно до нас доходят раскаты недовольства. Народ хочет мира, большевизм везде пускает корни. Венгрия только что ему подчинилась. Мы сидим на пороховом погребе, и ежедневно искра может взорвать его». В Лиге наций Хауз видел единственный выход из положения. Ллойд-Джордж писал в пресловутом документе из Фонтенебло, в тайном меморандуме, представленном руководителям конференции:

«Революция находится в самом своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным ду-

хом. Существуют не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания. В других странах, как во Франции, Англии и Италии, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда... Если мы желаем дать Европе нечто лучшее чем большевизм, мы должны образовать Лигу наций, которая будет служить как гарантией для всех наций, лойяльных по отношению к своим соседям, так и угрозой для тех, кто будет посягать на чужие права, будь это монархический или большевистский империализм (!). Создание Лиги наций есть один из краеугольных камней здания мира, ибо она будет во всем мире верным защитником международного права и свободы».

Ллойд-Джордж предлагал пойти на уступки Германии, допустить ее в Лигу наций, но заявлял, что это не решает вопроса о мире.

«Наконец, если мирная конференция, — писал он дальше, — действительно хочет обеспечить Европе мир и порядок, которые все разумные люди должны предпочесть анархии, она должна обсудить положение дел в России. Большевистский империализм (!) угрожает не только странам, граничащим с Россией, он угрожает также всей Азии, и Америка отстоит от него не дальше чем Франция. Как бы ни был прочен мир, заключенный нами с Германией, не следует думать, что конференция может разойтись спокойно, оставив Россию в ее нынешнем положении».

Ллойд-Джордж не делал из этих положений вывода о необходимости войны против СССР, на которой настаивал Клемансо. Он, понятно, не сопротивлялся интервенции, но если ближе присмотреться к документам, то он не очень верил в это средство ликвидации русской революции, пока не удалось прибрать к рукам Германию. Программа Ллойд-Джорджа требовала в первую очередь компромисса с Германией, после того как Германия потеряла возможность бороться с Англией. Он надеялся, что этот компромисс обеспечит стабилизацию капиталистической системы в Германии, отнимет у Октябрьской революции перспективы развития и что предоставленная сама себе советская Россия будет медленно пятиться назад к капитализму; если же советская Россия заупрямится, тогда можно будет ее, изолированную, прикончить. Скептицизм Ллойд-Джорджа по отношению к перспективам интервенции оказался правильным. Миллиард, который Англия ухлопала на интервенцию, оказался потерянным. Ллойд-Джордж выдвигает идею Генуэзской конференции, которая должна была показать, не готова ли советская власть перед лицом голода пойти на самоликвидацию, приняв условия, при которых восстановление капитализма было бы неминуемым. Политика Ллойд-Джорджа диктовалась не только боязнью, что новое столкновение с СССР может привести к невиданным революционным потрясениям: она диктовалась и непосредственными интересами английского торгового капитала, стремящегося к скорейшему восстановлению мирового хозяйства. Она диктовалась стремлением открыть дорогу германскому капиталу в СССР, где он должен был играть роль младшего компаньона, а то и приказчика английского финансового капитала.

Эта политика обанкротилась. Произошло признание СССР Англией после короткого периода антисоветской вспышки Керзона и прихода к власти лей-

бористов. Лишенные всякой творческой идеи, лишенные смелости в сближении с СССР, лейбористы выражали только неспособность английской буржуазии на данном этапе воевать за низвержение советского правительства. С момента вступления Германии в Лигу наций политика создания условий для антисоветского блока получила более серьезную базу. Не подлежит сомнению, что эта политика не только была путеводной звездой твердолобых, но находила полное сочувствие и у Штреземана, с той только разницей, что Штреземан видел антисоветский блок в более отдаленной перспективе. Штреземан хотел сначала, опираясь на СССР, добиться уступок со стороны Франции, разбить франко-польский союз, чтобы, оторвав Коридор от Польши, получить таким образом стратегические позиции для войны и продать Англии за дорогую цену свою поддержку в войне против СССР.

В период между 1926 и 1930 гг. за кулисами Лиги наций шли постоянные переговоры, пока что частного характера, подготовлявшие создание антисоветского блока. Они прорывались наружу в таких актах, как разрыв сношений между Англией и СССР, как налет на Аркос, организованный министром внутренних дел Джойнсоном Хиксом. Они прорвались наружу в конфликте, приведшем к необходимости отозвания из Парижа Раковского. В своем некрологе, посвященном Бриану и помещенном в «Журналь де Женев», об этом открыто рассказал профессор Мартен, сообщая об антисоветских планах, о которых говорил с ним Бриан, как о подпочве своей панъевропейской программы. План этот состоял в стремлении к *примирению Германии с версальской системой за счет известных уступок, с тем чтобы позже повернуть всю мощь западноевропейских империалистских держав, об'единенных в один блок, против Советского союза.*

IV

Мировой экономический кризис нанес тяжелый удар всем этим планам.

Он неслыханно углубил не только классовые противоречия, не только противоречия между колониальными народами и империализмом, но и *противоречия между империалистскими державами.* Если богатейшие империалистские державы имели значительные резервы для того, чтобы выдерживать удары кризиса, если Соединенные штаты имели перспективу завоевания новых рынков при помощи займов, предоставляемых Южной Америке, Китаю, если Франция имела перспективу развертывания производительных сил в своей громадной колониальной империи, если Англия могла надеяться уменьшить свою зависимость от сокращающегося мирового рынка при помощи лучшего использования внутриимперских связей, то таких перспектив не было ни у Германии, ни у Японии. *Германия* с промышленностью, находящейся на уровне американской техники, достаточно мощной, чтобы обслужить значительную часть мирового рынка, с промышленностью, третья часть которой работала на мировой рынок, находилась перед перспективой, что мощные конкуренты при помощи займов, усиливая одновременно свои позиции развитием своей колониальной базы, вытеснят ее с мирового рынка. *Япония* — страна, в которой кризис капитализма чрезвычайно обострен пережитками феодализма, несравненно более крупными чем в других странах, страна, не имеющая накоплений, достаточных для вывоза капитала, который мог бы померяться с американским, страна, не обладающая необходимой мощностью тяжелой промышленности, — шла навстречу развитию, которое должно было неминуемо уменьшать ее удельный вес на континенте Азии. И *Япония и Германия ставят вопрос о переделе мира.*

Япония делает это открыто, захватывая Манчжурию, чтобы включением ее в японское хозяйство, создать себе продовольственную и сырьевую базу

для будущей войны за овладение Китаем. Эта база должна одновременно вооружить ее для войны с Советским союзом. Таким образом японская военщина не только начала превентивную войну с Китаем, но вынашивает план превентивной войны с Советским союзом. Она выступает в качестве «чемпиона порядка» в Азии, пытаясь заручиться в этом деле поддержкой других империалистских держав. Но одновременно она заявляет, что вашингтонские и лондонские соглашения 1922 и 1930 гг., определившие вес Японии как второстепенной империалистской державы и признавшие за ней соответственно с этим право на флот, количественно второстепенный, не соответствуют больше ее интересам. Таким образом Япония разорвала не только те части вашингтонского соглашения, которые гарантировали территориальную неприкосновенность Китая как условие политики равных возможностей для всех империалистских держав, но она поставила под знак вопроса самый Вашингтонский договор, выдвигая требование об изменении соотношения морских сил. Политика Японии на этой стадии направлена непосредственно против Китая, СССР и США, но и для английского империализма не составляет секрета, что победа японской программы означала бы ни больше не меньше, как подготовку для захвата голландских колоний. Английский империализм не может не понимать, что победа японской военщины над Китаем, США и СССР означала бы подготовку к борьбе Японии за гегемонию над всем азиатским континентом.

В Германии под влиянием кризиса ускорился приход к власти фашизма, в продолжении десяти лет создававшего программу войны за передел Европы, направленную против Франции, против Польши, против Чехо-Словакии и против СССР. Придя к власти, германский фашизм выдвигает как заслон целый короб мирных заверений, источником которых, как теперь уже можно установить документально, была боязнь, что Франция и Польша ответят на победу германского фашизма немедленными военными действиями. Но, размахивая флагом мира, германский фашизм одновременно требует во имя равноправия устранения тех частей Версальского договора, которые стесняют его свободу вооружений. Не дожидаясь результатов этих своих стараний, он лихорадочно усиливает свои вооружения, чтобы в кратчайший срок приступить к реализации своей программы.

Натолкнувшись на сопротивление Франции, германский империализм борется за подрыв французской системы союзов, пытаясь оторвать от нее Польшу; германский империализм обещает не трогать Польшу территориально при условии совместной борьбы за раздел СССР.

Обе программы экспансии: программа японского и программа германского империализма — имеют общим об'ектом СССР. Неизвестно еще, закреплена ли эта общность программ в дипломатическом договоре, но не подлежит никакому сомнению, что не только сознание общности интересов имеется у руководящих кругов германского фашизма и японской военщины, но в целом ряде случаев эта идея приводит уже к взаимной поддержке на деле.

Вероятно, германский фашизм руководится надеждой, что инициативу проявит Япония, что Япония начнет действия, которые возбудят аппетиты разных империалистических держав, и что тогда создастся обстановка, позволяющая Германии выступить, пользуясь поддержкой других империалистических держав.

В этих условиях все империалистические державы принуждены продумать и пересмотреть свою политику, решить, ставят ли они ставку на развязывание войны против СССР или нет.

V

Политика **Франции** в этом отношении не оставляет сомнений, ибо она совершенно ясно вытекает из интересов Франции. Понятно, Франция является капиталистической державой, враждебно настроенной к коммунизму. Но ее жизненные интересы не могут ничего выиграть от усиления германского империализма. Германский фашизм перед своим приходом к власти совершенно открыто прокламировал свою вражду к Франции. Попытка замаскировать эту вражду, постоянно повторяемая Гитлером и его помощниками, утверждение Гитлера, что после решения саарской проблемы нет никаких противоречий между Францией и Германией, не могут никого обмануть. Если даже согласиться с тем, что гитлеровской программой завоеваний на Востоке и Юговостоке исчерпываются цели германского империализма, если пойти еще дальше и допустить, что Гитлер стремится к «мирному» об'единению «срединной Европы», хотя нет никаких причин верить этому, то реализация этой программы означает сведение Франции к положению второстепенной европейской державы, полностью зависящей от германского империализма. Путь к реализации этой программы на востоке ведет или к уничтожению независимой Польши или к включению ее в орбиту германского экономического и политического влияния, к подчинению Варшавы Берлину. В обоих случаях Франция не только теряет союзника, но человеческие и материальные силы Польши становятся активом германского империализма. Поэтому попытка германских фашистов завоевать поддержку для своей восточной политики, провозглашая борьбу против СССР, не могла вызвать в серьезных кругах Парижа никаких симпатий. Победа восточной программы германского империализма, охватывающей и балтийские страны, означала бы **германскую гегемонию в Европе**. Эта гегемония усилилась бы после реализации **юговосточной программы германского империализма**. Присоединив Австрию к Германии, германский фашизм окружил бы со всех сторон союзника Франции — Чехо-Словакию—и, оторвав от нее германские области, передав словацкие области Венгрии, германский империализм включил бы в свою систему и Венгрию. Эта победа еще усилила бы и без того значительное германское влияние в Румынии. Германия подчинила бы себе таким образом значительную часть востока и юг Европы. Она сосредоточила бы в своих руках столь мощные экономические и человеческие ресурсы, что диктовала бы свою волю Европе. Это означало бы **конец всем позициям, завоеванным французским империализмом**.

Пребывание у власти германского фашизма, подготовка германского хозяйства для войны, мобилизация народных масс Германии во имя империалистической программы — все это не могло не ослабить во Франции тенденций к сделке с Германией, тенденций, имеющихся одновременно у части мелкобуржуазных радикалов и у части представителей монополистического капитала. Франция заняла антигерманскую позицию. Борьба, происходящая в лагере господствующих классов относительно курса внешней политики Франции, касается только методов борьбы с наступлением Германии. В то время когда правящие круги Франции пытаются в своей борьбе против опасности войны координировать свои действия с Советским союзом, наиболее реакционные элементы, использующие такие органы печати, как «Журналь де-Деба», «Аксион франсез», «Либерте», выступают против франко-советского сближения, угрожая теми опасностями, которые, по их мнению, такое сближение несет внутреннему развитию Франции. Но и в этих кругах не видно тенденции допустить усиление германских позиций на Востоке или Юговостоке Европы.

Французская дипломатия, заняв позиции, враждебные германской политике завоевания Востока Европы, стала перед вопросом о своем отношении

к японской агрессии на Дальнем Востоке. Французский империализм в начале манчжурской авантюры принадлежал к наиболее ярым защитникам японского империализма. Эта позиция зависела не только от влияния на французскую печать крупных оружейных фирм, получивших большие японские заказы, не только от боязни влияния китайской революции на Индо-Китай, не только от боязни того, что Япония, если не повернуть ее экспансию на Север, может стать опасной для Индо-Китая. Прояпонская позиция французского империализма диктовалась, понятно, и антисоветской позицией, желанием ослабить Советский союз. Позиция эта начинает изменяться с момента прихода к власти германских фашистов, с момента, когда германский фашизм всеми своими действиями показал, что он подготовляет военную развязку. Даже для антисоветских элементов во Франции стало ясным, что германский империализм видит в агрессии Японии на Дальнем Востоке элемент, благоприятствующий развертыванию германской агрессии. Представители германского империализма не скрывают, что война Японии против СССР создала бы положение, позволяющее им приступить к реализации своей программы. Война эта неминуемо связывала бы силы английского и американского империализма на Дальнем Востоке. Она изолировала бы Францию, лишала бы ее возможной поддержки бывших военных союзников. Это создало бы для германского империализма самые благоприятные условия, чтобы поставить Францию перед альтернативой: либо согласиться на немецкую экспансию на Восток, т. е. капитулировать, либо начать войну. «Всякое усиление Японии связывает европейские великие державы вне Европы. Это не касается только Германии, ибо она не имеет никаких политических интересов в Восточной Азии и на Тихом океане. Разве мы заинтересованы в том, чтобы защищать положение других европейских великих держав?.. Наше положение создает нашу заинтересованность в росте всякой внеевропейской державы, так как оно связывает силы наших соседей и освобождает немецкие силы. Всякое усиление Японии как самой крупной внеевропейской державы означает усиление немецкой позиции, означает известное освобождение наших сил, особенно после сближения СССР и Франции». Эти слова Иоганна фон-Леерса в сентябрьском номере фашистского журнала «Ди таг» повторяют только то, что говорили фашистские публицисты в продолжение последних $1\frac{1}{2}$ лет. Из этого следует, что Франция в данных условиях не может быть заинтересована в развязывании японской агрессии против СССР. Французский империализм боится, понятно, выступить против Японии, но он не может поддерживать и поощрять японское нападение на СССР, если не хочет развязать агрессии германского империализма.

Политика Великобритании значительно более сложна и менее выкристаллизировалась чем политика Франции. Английский империализм поддерживал Германию все послевоенное время, видя в ней силу, призванную в будущем ограничить французскую гегемонию и могущую оказать большие услуги в борьбе против СССР. Как мы указывали выше, эта политика Англии опиралась на убеждение, что Германия, потеряв свой морской флот и не будучи в состоянии его воссоздать в ближайшие десятилетия, не может стать опасной для английского империализма. Германские воздушные вооружения, которые за последние $1\frac{1}{2}$ года играют все растущую роль в системе германского довооружения, начинают вызывать изменения в английской политике по отношению

к Германии. Утверждение Черчилля в английском парламенте, что германский воздушный флот будет скоро сильнее английского, не вызвало опровержения со стороны министра иностранных дел сэра Джона Саймона, к которому Черчилль обращался со своим запросом. Утверждения Черчилля, опирающиеся, как видно, на донесения английской разведки и поэтому не опровергнутые министром иностранных дел, имеют все признаки вероятия. Германская гражданская авиация богата типами крупнейших самолетов, которые по своей скорости, радиусу действия и по другим качествам могут без всяких затруднений стать военными аэропланами. Обучение летному делу охватывает в Германии такое значительное количество лиц, что дело может идти только о массовой подготовке сил для военной авиации.

Германская авиационная промышленность имеет производственную мощность в 30 000 моторов в год. Возникновение авиационной мощи Германии лишает какой-либо почвы уверенность Англии в том, что германский империализм неспособен за отсутствием морского флота нанести вред Англии как островной державе. Пространство, отделяющее германскую авиацию от английских фабричных центров, не больше того пространства, которое отделяет Германию от Франции.

Понимание изменившейся обстановки вызвало усиление той группы в господствующих классах Англии, которая сохранила союзнические традиции со времен войны. Заявление Болдуина в английском парламенте о том, что линия защиты Англии находится не на скалах Дувра, а на Рейне, выражает рост тенденций к совместной антигерманской политике с Францией. Эти тенденции привели уже к известным военным переговорам. Английское правительство отрицает, что оно взяло на себя какие бы то ни было обязательства, выходящие за рамки Локарнского договора 1925 г. Вероятнее всего, это заявление формально отвечает действительности. Английское правительство не было формально связано союзным договором с Францией и в 1914 г. Но это не означает, что заявление Болдуина, наиболее типичного представителя «средней линии» английского империализма, равно повторению локарнских обязательств Англии; в Локарно Англия обязалась поддерживать Францию в случае германского нападения и Германию в случае французского нападения. В Локарно Англия заняла позицию арбитра между Германией и Францией, угрожая выступить в защиту подвергшейся нападению стороны. Если же Болдуин утверждает, что защита интересов английского империализма должна вестись на Рейне, то это выражает боязнь Англии перед германской авиацией. Германская авиация опасна для Англии независимо от того, напала бы непосредственно Германия на Францию или Франция ответила бы военными действиями на немецкое продвижение на Восток. От позиции арбитра Англия перешла — если слова Болдуина выражают политику английского правительства — к позиции противника всякой германской победы на Западе независимо от того, как пришла бы Германия к этой победе.

Английский империализм устами Болдуина говорит французской буржуазии: мы солидарны с тобой в защите французской территории. Но французская буржуазия не намерена удовлетвориться защитой своей территории. Она борется за свою позицию в Европе и во всем мире. Английский империализм заявил, что он относится благосклонно к франко-советским планам восточного пакта, но, поддерживая их дипломатически, не может принять никакой ответственности за эти планы. Франко-советский проект восточного пакта обязывает заключившие его державы к взаимной защите в случае нападения. Если на основе этого пакта Франция была бы втянута в войну с Германией, тогда Англия стала бы перед необходимостью решить,

допускает ли она поражение Франции в войне, возникшей из борьбы против германской восточной или юговосточной экспансии.

Мы видим таким образом, что европейская политика Англии находится в периоде передвижек, брожения, борьбы тенденций. Это выражается и в переходе от локарнских позиций к болдуиновским, но одновременно и в попытке сохранения старого принципа, согласно которому судьбы Восточной Европы не касаются интересов английского империализма (на практике это означало предоставление Германии свободы действий на востоке Европы). Это глубоко противоречивая позиция, на которой английский империализм удержаться не сумеет.

Еще более противоречива позиция английского империализма перед лицом развития японской агрессии на Дальнем Востоке. Империалистическая печать Англии искала поводов, могущих «об'яснить» японскую политику по отношению к Китаю; даже теория о том, что Китай не представляет собой государства в обыкновенном смысле этого слова, — основной тезис японской империалистической политики по отношению к Китаю,—находила защиту в официозном органе английского правительства «Таймс»

В Лиге наций английская дипломатия делала все, чтобы не допустить применения против Японии соответствующих параграфов устава Лиги наций. Англия руководилась при этом желанием сохранить дружбу с Японией как козырь, который может быть использован в борьбе с Соединенными штатами Америки и в борьбе с СССР. Давление Соединенных штатов Америки заставило английскую дипломатию в марте 1932 г. присоединиться к формуле, выдвинутой американским государственным секретарем Стимсоном, о непризнании изменений на Дальнем Востоке, вызванных иными методами чем дипломатические переговоры. Англия была вынуждена согласиться, чтобы эта формула легла в основу резолюции Лиги наций по манчжурскому вопросу, запрещающей членам Лиги наций признать захват Манчжурии Японией.

Но сильнее всех колебаний, вызванных давлением Соединенных штатов на дальневосточную политику Великобритании, была вражда к СССР. Английская империалистическая печать не скрывала, что она приветствовала бы нападение Японии на СССР. Она пыталась убедить Соединенные штаты в том, что предоставление Японии подобной свободы продвижения на север является единственным средством предотвращения японской экспансии в Собственно Китай и на тихоокеанские острова, что война Японии против СССР означала бы спасение интересов английского и американского империализма в Китае. Американская печать указывала, что японские морские вооружения говорят не только о подготовке войны с СССР, но что дело идет и о подготовке войны против Америки; в ответ на это английские империалисты заявляли, что именно война против СССР настолько подорвет силы Японии, что на десятки лет она окажется неспособной реализовать свою общую программу экспансии в Азии.

В этой линии поведения английского империализма на Дальнем Востоке не произошло никаких изменений. Посылка английской промышленной делегации в Манчжоу-Го в момент обострения японо-советских отношений имела, очевидно, не только экономические цели, а должна была продемонстрировать Японии, что несмотря на дипломатическую поддержку, оказанную Англией проекту франко-советского восточного пакта, и несмотря на то что Англия поддерживает французскую политику приглашения Советского союза в Лигу наций, ее политика поддержки Японии остается неизменной.

Если, как мы выше показали, английская политика поддержки мира в Западной Европе и «безразличия» к тому, что происходит в Восточной Европе, полна противоречий, то тем бóльшая пропасть зияет между политикой сохранения мира в Европе и политикой поддержки Японии на Дальнем Востоке. Ибо если Япония в надежде на предоставление Англией хотя бы серьезных займов, без которых японская военщина не может вести войну, бросится в авантюру против СССР, то война на Дальнем Востоке может развязать все агрессивные силы в Европе. Нельзя допустить, что английские империалисты не понимают этой связи между положением на Дальнем Востоке и положением в Европе. Противоречия в их политике выражают борьбу тенденций в лагере английского империализма.

На одной стороне стоят элементы, считающие, что основным врагом является СССР и что если Германия и Япония захотят взять на себя инициативу борьбы с советским государством, то их надо в этом поощрять. Эти элементы надеются, что другие капиталистические страны не посмеют выступить против японского и германского империализма, против СССР, что войну удастся «локализовать», удержать в рамках антисоветской войны, причем Англия сможет заработать и на Японии и на Германии. Этим авантюристским антисоветским элементам противостоят более реалистически настроенные элементы, склоняющиеся к убеждению, что локализовать такую войну не удастся, что она перерастет в мировую войну, в которой британскому империализму придется выбирать между Францией и Германией, между США и Японией. Эти элементы боятся, что Великобритания будет таким образом втянута в военный кризис, к которому она недостаточно подготовлена. Они боятся, что если военный кризис противопоставит Англию Соединенным штатам, то это приведет к расколу Британской империи. Исходя из этих позиций, эти более реалистические элементы английского империализма высказываются на ближайший отрезок времени против поощрения военных тенденций, даже направленных на СССР. Именно влиянию этих элементов надо приписать позицию, занятую Великобританией по отношению к восточному пакту и к вхождению СССР в Лигу наций.

Внешняя политика английского империализма находится в периоде колебаний, поисков новой ориентировки. Было бы неверно не видеть тех новых элементов в английской политике, которые могли бы привести к ослаблению вражды Английской империи против СССР, которые могли бы усилить мирные тенденции английской политики. Но еще неправильнее было бы думать, что можно положиться в ближайшем будущем на мирный курс английской политики. В английской политике происходит борьба тенденций, а в таких случаях английские господствующие классы пытаются выиграть время, не принимая решений. Но эта нерешительность усиливает авантюристские империалистические элементы, которые могут попытаться повлиять на политику Англии, поставив ее перед совершившимся фактом.

Важные изменения произошли за последний год в итальянской политике. Все перспективы внешней политики германского фашизма строились на стремлении к блоку с Великобританией и Италией. Что касается Италии, то германский фашизм полагался не столько на сходство идеологии, являющейся базой политики обоих государств, сколько на тот факт, что итальянский фашизм, «обиженный» в Версале, добивающийся от Франции серьезных территориальных уступок в колониях, стремящийся стать твердой ногой на Балканах, находился в конфликте с Францией. Это положение заставляло Италию искать союзников и в этих поисках поднимать вопрос о

ревизии Версальского договора. Италия была первой из держав-победительниц, выдвинувшей открыто и недвусмысленно лозунг ревизии Версальского договора. С момента прихода германских фашистов к власти наступило очевидное итало-германское сближение. Понятно, Италия не скрывала, что она является противницей присоединения Австрии к Германии, но руководители германской внешней политики утешались тем, что если поставить Италию перед совершившимся фактом, то во имя общих интересов с Германией Италия с этим фактом примирится.

Германские фашисты знали, что итальянские стремления к руководящей роли на Балканах упираются и в отсутствие средств и в невозможность для Италии поглотить сельскохозяйственный вывоз придунайских и балканских стран. Экономическое сотрудничество Германии с Италией на Балканах как основа итало-германского кондоминиума[1] в Придунайском бассейне и на Балканах должно было компенсировать Италию за присоединение Австрии к Германии. Вынужденный маневрировать на востоке Европы, для того чтобы разбить франко-польский союз, вынужденный временно отказаться от притязаний на Данцигский коридор, германский фашизм был принужден форсировать события в южном направлении. Он пытался несмотря на предостережение Муссолини, сделанное при торжественной встрече с Гитлером в Венеции, изнутри захватить власть в Австрии. Эта попытка, кончившаяся убийством Дольфуса, не привела к цели. Австрийский отряд национал-социализма власти не захватил, но опасность, в которой находилось австрийское правительство, связанное с итальянским фашизмом, привела к итальянской мобилизации на австрийской границе и к повороту итальянской политики. Итальянский фашизм пришел к убеждению, что ревизионистские стремления Германии в данных условиях направлены в первую очередь против Италии. Италия начала искать сотрудничества с Францией для обеспечения Австрии от дальнейших наскоков германского империализма. Переговоры о франко-итальянском сближении, начатые де-Жувенелем, продолжаемые Шамбреном, вряд ли обеспечивают полное согласование политики обоих государств. Уступки, которых добивается Италия и в колониях и на Балканах, очень значительны и вряд ли будут полностью удовлетворены Францией, которая стремится сохранить основные козыри в своих руках на случай, если дело с Германией дойдет до решающего кризиса. Франция боится, что если она теперь израсходует эти резервы, то ей нечем будет удержать Италию от сближения с Германией в решающий момент. Как бы то ни было, итальянские стремления договориться с Францией совпадают с последним антигерманским поворотом Англии и смягчают остроту вопроса о ревизии Версальского договора. Тут еще нет окончательной договоренности; и тут еще на решительном повороте дело может разбиться о ряд подводных камней. Но налицо тенденция к отходу Италии от Германии к Франции. Эта тенденция усиливает итальянскую политику сближения с СССР, которую вел Муссолини несмотря на свою зависимость от Лондона. Политика сближения Италии с СССР диктовалась и экономическими и политическими соображениями. Обмен продуктов итальянской промышленности, особенно высокоразвитой электрической промышленности, на советский хлеб, уголь и нефть, стремление Италии обеспечить дружеские отношения не только с СССР, но и с Турцией, — вот что заставляло реалистически настроенного Муссолини отказаться от соображений ненависти к коммунизму при решении вопросов внешней политики. Отношения Италии и СССР затруднялись итальянской поддержкой германского фашизма, который открыто провозглашал своей целью борьбу с СССР. Отход Италии от сотрудничества с германским фашизмом может поэтому только укрепить советско-итальянские отношения. Если Италия не вернется к политике сотруд-

[1] Кондоминиум — совместное господство.

ничества с Германией, то она не будет заинтересована и в поощрении германской экспансии. Что касается отношения Италии к положению на Дальнем Востоке, то она открыто выступала против японского демпинга, угрожающего ее шелковой промышленности. В последнее время она выступает вообще против японской политики агрессии, которая привела к попыткам вытеснить Италию из Абиссинии. Японская политика в Абиссинии диктуется не только экономическими соображениями, попытками получить хлопок в обмен на японские промышленные изделия; Япония пытается усилить свое политическое влияние по обе стороны выходов из Красного моря, дабы иметь средство давления на Англию в случае конфликта с английским империализмом. Абиссиния могла бы стать базой для воздушных сил Японии. Таким образом, исходя из своих ближайших интересов, Италия не может поощрять японской агрессии.

Если передвижения в империалистическом лагере во Франции, в Италии и отчасти в Англии усилили элементы, заинтересованные в борьбе против развязывания сил войны германским и японским империализмом, то, наоборот, в Польше происходят процессы, ставящие под вопрос ту позицию, которую Польша занимала в последние два года. До 1931 г. польская политика, идя в общем фарватере французской политической системы, занимала позиции, враждебные одновременно и Германии и Советскому союзу. Обострение германской опасности и очевидность того, что Советский союз не стремится к совместным действиям с фашистской Германией, привели к тому, что Польша начала положительно относиться к советской политике сближения со своими соседями. Это привело к заключению пактов о ненападении и об определении агрессора, к некоторому сокращению широких антисоветских кампаний в Польше, к культурному сближению Польши и СССР. Одновременно Польша прощупывала с помощью высадки войск в Данциге и военной демонстрации на литовской границе, готов ли германский империализм к немедленным действиям против нее. Германский фашизм, убедившийся в том, что с Францией сговориться не удастся и что Польша в случае нападения Германии не только может рассчитывать на помощь Франции, но что она имеет обеспеченный тыл, перешел к политике сближения с Польшей. Он не отказался от своих притязаний на Коридор, но пошел на декларацию о ненападении в продолжение десяти лет и на сближение с Польшей во всех возможных областях.

Польская дипломатия, считая, что она добилась таким образом усиления своих позиций, поставила себе в качестве ближайшей задачи завоевание юридического положения великой державы. Борьба за эту цель была направлена в первую очередь против ее союзника — Франции, которую польская дипломатия и пресса обвиняли в «недостаточно бережном отношении» к польским интересам и в рассматривании союзной Польши как державы второго ранга. Одновременно Польша старается добиться нормализирования своих отношений с Литвой и освобождения от контроля со стороны Лиги наций над положением национальных меньшинств в Польше, видя в этом несоответствие своему положению великой державы. Острую дискуссию, происходящую между польской и французской печатью об отношениях обоих союзников, попытки самостоятельного аннулирования договора о защите меньшинств, установленного Версальским договором, французская дипломатия рассматривает как атаку на основу отношений между Францией и Польшей, т. е. как услугу германскому империализму, также пытающемуся односторонне ликвидировать Версальский договор. Постоянной полемике польской печати против французской внешней политики французская дипломатия противопоставляет дружественную атмосферу, установившуюся в последние месяцы между польской и германской печатью.

Из этих фактов значительная часть мировой печати делает вывод о наличии в польской политике тенденции к разрыву союзных отношений с Фран-

цией и к сближению с Германией, что может кончиться польско-германским сотрудничеством на востоке Европы. Отрицательное отношение польской печати к франко-советскому проекту восточного пакта оценивается международной прессой как дальнейший симптом этих прогерманских тенденций. Польская пресса отрицает наличие подобных стремлений у польской политики, но не может найти аргумента, ослабляющего утверждение, что Польша является единственным государством, которое помогает Германии выйти из изоляции, в которую завела ее внешняя политика германского фашизма. В частности по поводу юговосточного направления германской экспансии польская пресса недвусмысленно заявила о своей незаинтересованности. Кроме того не подлежит сомнению, что если франко-польские отношения еще более расшатаются, то Польша будет принуждена искать опоры в Германии. Если бы даже она купила таким сближением временную безопасность своей западной границы, то платой за это была бы полнейшая зависимость от Берлина. Германская фашистская печать убеждена в возможности включить Польшу в орбиту германского влияния. Из этой перспективы она черпает надежды на возможность совместной политики на Востоке. Польская пресса заверяет, что эти надежды не обоснованы и что дело идет только о завоевании позиций в международной политике, отвечающих стремлению Польши к равноправию с союзной Францией и другими великими державами.

Будущее покажет, каково действительное значение сдвигов, происходящих в польской дипломатии.

VI

Сказанного достаточно, чтобы показать, насколько изменилось международное положение и насколько благодаря этому изменилось положение в Лиге наций. Не изменился, разумеется, характер Лиги наций как организации капиталистических держав. Не изменилось отношение Лиги наций к колониальным народам. Вступление СССР в Лигу наций не может изменить этого основного ее характера. Но Лига наций представляет теперь организацию тех капиталистических держав, в которых в данный момент налицо **тенденции к сохранению мира**. Эти тенденции выражает **французская** политика, ибо Франция сейчас ничего не может выиграть от новой войны. Эти тенденции поддерживает **Малая Антанта**, против которой направлены ревизионистские стремления Германии, Венгрии и Болгарии. Эти тенденции поддерживают **прибалтийские государства** и заинтересованные в сохранении мира **скандинавские страны**. Эти тенденции начинают пробивать себе путь и в английской политике. Если дело дойдет до франко-итальянского соглашения, то итальянская политика не будет заинтересована в поддержке тенденций, ставящих в порядок дня новый передел мира. Это создало условия, при которых, как это указал товарищ **Сталин**, Лига наций может явиться известной помехой для развязывания военных тенденций. Лучшее доказательство этого дает выход Германии и Японии из Лиги наций. Но если бы удалось об'единить те державы, которые **на данном историческом этапе** не заинтересованы в новом переделе мира, если бы эти державы сумели конкретными решениями продемонстрировать свою готовность к совместной защите мира, то это настолько угрожало бы изоляцией поджигателям новой войны, что заставило бы их стократ подумать, прежде чем бросить факел в пороховой погреб.

Для усиления этих тенденций Советский союз вступил в Лигу наций. Утверждения твердолобой прессы, что СССР, вступая в Лигу наций, преследует какие-то таинственные цели, представляют собой только увертки империалистских органов, заинтересованных в подготовке войны и боящихся помехи со стороны Советского союза. В Лиге наций нечего захватывать: она не является территорией и не является государственной

властью. Лига наций—это политика, которую решат вести входящие в ее состав главные державы. «Захватить» в Лиге наций ничего нельзя, но можно разоблачить военные тенденции, разоблачить покровительство силам, развязывающим войну, можно поддержать тенденции, служащие укреплению мира.

Советский союз, согласившись вступить в Лигу наций, видит в ней *один из рычагов, одно из возможных орудий для организации дела мира*. За вступление Советского союза в Лигу наций боролись те державы, которые на данном этапе заинтересованы в сохранении мира. Они поняли громадную силу Советского союза как фактора мира. Эта сила является результатом не только непоколебимой мирной политики Советского союза, но и грандиозных экономических и социально-политических побед, благодаря которым *Советский союз представляет собой сильнейшую опору для друзей мира и грозную опасность для врагов, которые покусились бы на его целость и независимость*. Удастся ли усилить Лигу как тормоз, действующий против войны,—будет зависеть в значительной мере от политики Великобритании. Что Соединенные штаты Америки не стремятся к немедленной войне, это на данном историческом этапе не подлежит сомнению. Если Великобритания перестанет балансировать между военными и антивоенными тенденциями, то совместные действия европейских великих держав, поддержанных малыми и средними державами, которые в случае войны были бы первыми ее жертвами, могут обеспечить мир на много лет или в случае войны — разгром агрессора. Но такие об'единенные усилия предполагают недвусмысленные решения и готовность к действенной защите мира. Тов. *Литвинов* в своей речи указал от имени советского правительства, что оно считает методы, применявшиеся до этого времени Лигой наций, неэффективными и что СССР будет бороться в Лиге за применение действительно эффективных методов.

Деятельность Советского союза в Лиге наций даст тем большие результаты, чем глубже народные массы СССР осознают, что *влияние СССР на политику Лиги будет пропорционально росту нашей экономической мощи и нашей обороноспособности и росту давления рабочих и крестьянских масс во всем мире на правительства капиталистических стран*.

Лига наций является дипломатическим инструментом, инструментом согласования политики ряда держав. Дипломатия играет в исторических решениях второстепенную роль: первостепенную роль играют действительные факторы силы. Но рабочие массы всего мира заинтересованы в том, чтобы свою силу, силу своего движения поставить на поддержку мирной политики, за которую борется дипломатия Советского союза в Лиге наций.

Впервые в истории рабочий класс в лице СССР в состоянии поддержать стремление международного пролетариата к миру мощью великой геройской армии рабочих и крестьян. Поэтому вхождение СССР в Лигу наций является не отступлением от революционного пути, а победой, одержанной на этом пути.

Вхождение советского правительства в Лигу наций для борьбы за укрепление и сохранение мира стало возможным только благодаря неизмеримо выросшей силе Советского союза.

Использование Лиги наций для борьбы за мир стало возможным только благодаря тому, что наша сталинская внешняя политика оказалась на высотах ленинского умения использовать всякое противоречие империалистского мира в интересах Советского союза, в интересах борьбы против опасности войны.

К 70-летию I Интернационала

Историческое значение I Интернационала

В. Адоратский

70 лет назад в Лондоне, на собрании в Сент-Мартинс-Холле, был основан I Интернационал — первая массовая международная пролетарская партия. Под руководством Маркса, который с начала до конца был вдохновителем и вождем этой организации, Интернационал завоевал себе мировую славу и занял выдающееся место в истории человечества. В начале 70-х годов он, по выражению Энгельса, занял положение «седьмой мировой державы».

Впервые в мировой истории Интернационал показал всем и прежде всего самим рабочим, какую могучую силу представляет рабочий класс, когда он об'единен и руководится передовой революционной теорией. Рабочий класс на собственном опыте увидел, каковы истинные условия его освобождения. Успехи Интернационала, руководимого Марксом, вселяли в массы рабочих бодрость и уверенность в победе, приводя буржуазию и всех врагов рабочего класса в неописуемый страх.

Все правительства континентальной Европы пришли в ужас перед «могущественной и страшной организацией Международного товарищества рабочих и перед быстрым развитием, которого оно достигло в течение нескольких лет» (см. циркуляр испанского министра иностранных дел испанским послам заграницей). «...папа и его епископы проклинали Интернационал, французский парламент диких помещиков (ruraux) об'явил его вне закона, Бисмарк при встрече австрийского и германского императоров в Зальцбурге угрожал ему крестовым походом священного союза, белый царь поручил Интернационал попечению своего страшного «третьего отделения»...» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 432—433).

I Интернационал стоит у истока того великого социалистического строительства, которое совершается в настоящее время в нашей стране.

Всемирно-историческое значение I Интернационала в том, что с его помощью рабочий класс совершил переход от сектантства к массовой пролетарской партии. В этой именно организации массы изжили прежние навыки утопизма и сектантства и получили первые уроки научного коммунизма Маркса.

Рассмотрим подробнее, из каких предпосылок и в каких условиях возник I Интернационал, с какими врагами приходилось ему бороться и каков был итог его славной деятельности и борьбы.

I

I Интернационал был подготовлен всем предшествующим ему развитием рабочего движения и социализма.

Более чем за 15 лет до возникновения Интернационала Маркс в «Коммунистическом манифесте», в программе Союза коммунистов четко и ясно сформулировал всемирно-историческую задачу рабочего класса — путем классовой борьбы, путем революции сделаться господствующим классом, силой упразднить буржуазные производственные отношения и на основе гигантского развития производительных сил «ликвидировать классы», создать бес-

классовое, коммунистическое общество, в котором «свободное развитие каждого будет являться условием свободного развития всех».

Но Союз коммунистов (тоже международная, только не массовая организация) не мог еще сыграть роли массовой партии в Германии в годы революции (1848—1849), потому что это была организация лишь небольшого количества передовых рабочих.

Маркс и Энгельс в «Новой рейнской газете» подняли знамя пролетариата. Они последовательно проводили политику революционного пролетариата, и эта последовательная, систематическая работа принесла свои плоды.

«Июньское восстание парижских рабочих застало нас на посту,—пишет Энгельс в статье «Маркс и «Новая рейнская газета». — С первого выстрела мы решительно стали на сторону восставших. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей... Мы были в Германии и почти во всей Европе единственной газетой, высоко державшей знамя разгромленного пролетариата в момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побежденных грязью своей клеветы» (Соч. Т. VI, стр. 9).

При всякой исторической обстановке, во всех условиях Маркс всегда содействовал пролетариату в выполнении его исторической задачи. Ленин, давая характеристику революционной тактики марксизма, всегда подчеркивал как основу этой тактики уменье связаться с массами, учет конкретной действительности, установление очередных задач на основе учета всей обстановки, не упуская из виду ни на минуту конечную цель и в то же время не отрываясь от масс, не допуская перепрыгивания через непройденные еще ступени.

«Когда кончилась эпоха революций 1848—49 гг.,— пишет Ленин в статье «Карл Маркс»,—Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы—«мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)»[1].

Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим «об'ективно измену рабочему движению на пользу Пруссии, между прочим, и именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму» (Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 30).

Находясь с 1849 г. в эмиграции, Маркс вел последовательную борьбу против всех враждебных пролетариату элементов и сил. Маркс боролся против представителей вульгарной демократии, стремясь отстоять незапятнанным знамя пролетарской партии.

В 1859—1860 гг. Маркс в тяжелых условиях должен был вести борьбу против подлой клеветы бонапартистского агента Карла Фогта. Это тоже была борьба за пролетарскую партию, организатором и вождем которой Маркс был в течение всей своей жизни, начиная с создания Союза коммунистов. Маркс расценивал клеветническую атаку Фогта как «удар буржуазной вульгарной демократии и одновременно русско-бонапартистской сволочи — против всей партии».

---

[1] Ленин ссылается здесь на издание переписки Маркса и Энгельса, опубликованное Бебелем и Бернштейном в 1913 г. Русское издание сочинений Маркса и Энгельса. Т. XXII, стр. 138—139.

В письме Фрейлиграту от 23 февраля 1860 г. Маркс говорит: «Ты ошибаешься, повидимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии».

Будучи лишен возможности — вследствие произвольного отказа со стороны прусского суда — судебным порядком разоблачить Фогта и опровергнуть его клевету, Маркс написал блестящий памфлет «Господин Фогт», вышедший в 1860 г.

Последовательная борьба Маркса против буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат, против вульгарной демократии, мужественное отстаивание знамени самостоятельной пролетарской партии и упорная работа в тяжелых условиях эмигрантской жизни над теоретическим обоснованием задач пролетарской революции, работа над большим научным исследованием по теории политической экономии — все это было необходимейшими составными элементами в подготовке Интернационала, его будущей деятельности, его успехов. Политическая борьба и научная работа Маркса в 40—50-х годах обеспечили ту огромную историческую роль, которую сыграл Интернационал в 60—70-х годах.

Интернационал возник в условиях нового под'ема и оживления революционного и рабочего движения, начавшегося после кризиса 1857 г. В 1859—1860 гг. прокатилась первая волна забастовок в Англии. Стачка строительных рабочих в Англии в 1861 г. закончилась победой рабочих, завоеванием 9½-часового рабочего дня, признанием за рабочими права собраний и союзов. В рабочем движении Франции тоже наступило оживление. В Германии в 1863 г. образовался «Всеобщий немецкий рабочий союз». В 1859 г. произошла итальянская война. В Германии и в бонапартистской Франции оживилось оппозиционное движение. В 1861 г. началась гражданская война в Америке,— бунт рабовладельцев, восставших против отмены рабства негров. В 1863 г. началось восстание в Польше.

13 февраля 1863 г. Маркс писал Энгельсу, что в Европе, видимо, снова начался период революций.

Предпосылками возникновения I Интернационала являются таким образом рост противоречий капитализма и движения, направленные к тому, чтобы завершить невыполненные еще задачи демократической революции (задачи национального об'единения Италии, Германии); опыт предшествующего революционного рабочего движения, подытоженный и теоретически освещенный Марксом; стихийное стремление рабочих масс к интернациональному об'единению в борьбе против капитала; наличие такого вождя и теоретика, как Маркс, вместе с Энгельсом сплотившего вокруг себя небольшую группу сотрудников, более десятка лет активно боровшихся под руководством Маркса за дело освобождения пролетариата, за его международное об'единение для борьбы против буржуазной и всякой иной эксплоатации.

II

Интернационал формально возник на собрании 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-Холле, устроенном Оджером (сапожником) и Кримером (плотником) — вождями английских рабочих, организованных в тред-юнионы.

Незадолго перед этим Оджер и Кример при участии либералов Брайта и Кобдена организовали большие собрания для выражения симпатии Северной Америке и в честь Гарибальди.

Собрание в Сент-Мартинс-Холле явилось одним из этапов уже раньше происходившего сближения французских и английских рабочих. На собрании, как говорит отчет о нем, напечатанный в газете «Beehive» (вначале

исполнявшей роль официального органа Интернационала), присутствовало «множество рабочих и в том числе почти все, кто принимает активное участие в современных прогрессивных движениях». Приглашен был и Маркс. Он, обычно избегавший всяких торжественных собраний и банкетов, решил присутствовать на этом собрании, так как знал, что там будут подлинные представители французских и английских рабочих, связанные с массовыми организациями. Зал был набит битком. Было много рабочих—англичан, французов, немцев, итальянцев.

Было принято решение—учредить Международное товарищество рабочих. Генеральный совет Товарищества должен был находиться в Лондоне. Постановили созвать в 1865 г. в Бельгии общий конгресс рабочих. На собрании был также избран временный комитет, куда вошли: Оджер и Кример — от Англии; майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы—от Италии; Ле-Любе и другие — от Франции; от Германии в комитет были избраны Маркс и Эккариус. Комитету было предоставлено право пополнять свой состав кооптацией. Комитет выделил комиссию для составления «декларации принципов» и «временного устава»; Маркс был избран в эту комиссию.

Целью Интернационала было «сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и таким образом стать живым представителем об'единяющей рабочих общности интересов» (брошюра об «Альянсе»). Имея в виду именно эту цель, Маркс руководил организацией Интернационала; в таком духе он и составил «Учредительный манифест» и устав Интернационала. Новая организация должна была «иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тредюнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами» (Энгельс. Предисловие к нем. изд. «Коммунистического манифеста». 1890 г.). В то же время вся работа Интернационала была направлена к тому, чтобы помочь рабочим создать организацию, обеспечивающую выполнение исторических задач рабочего класса: «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы» (Маркс — Больте от 23 ноября 1871 г.).

Привилегированное, монопольное положение английской промышленности на мировом рынке в 50—60-е годы, сложившееся в силу ряда условий, привело к тому, что «английский рабочий класс в политическом отношении стал придатком «великой либеральной партии» — партии, которой руководили фабриканты» (Энгельс. Предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии». 1892 г.).

«Особенностью Англии,— говорит Ленин,— было уже с половины XIX века то, что по крайней мере две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необ'ятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении» (Ленин «Империализм и раскол социализма». Соч. Т. XIX, стр. 306).

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс говорит: «... Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

Английская буржуазия производила подкуп верхушки пролетариата, уделяя крохи из своих гигантских монопольных прибылей, создавая некоторым слоям несколько лучшее, привилегированное положение; это обстоятельство

приводило к тому, что рабочий класс Англии в политическом отношении шел на буксире у буржуазии. Выработался особый тип английских тред-юнионистов, ставящих себе только одну цель — улучшить положение квалифицированных рабочих в рамках буржуазного строя. Сравнительное улучшение положения ограничивалось, однако, лишь двумя слоями рабочего класса: фабричными рабочими и рабочими, организованными в крупные тред-юнионы, т. е. рабочими отраслей промышленности, «в которых применяется исключительно или по крайней мере главным образом труд взрослых мужчин». «Их организованную силу до сих пор, — писал Энгельс в 1892 г., — не удалось сломить ни конкуренции женского и детского труда, ни конкуренции машин. Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, строительные рабочие об'единены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, строительные рабочие, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет (т. е. в 70 — начале 80-х годов) не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться, сравнительно, комфортабельного положения, и это положение они рассматривают как окончательно завоеванное».

Привилегированное положение некоторых верхушечных слоев рабочего класса ни в коем случае не означало, что и остальные слои пролетариата испытывали такое же сравнительное благополучие. Положение широких масс, даже в самые благоприятные времена процветания промышленности в капиталистических условиях, всюду, в том числе и в Англии, не может не быть ужасным. Маркс указывает на это в «Учредительном манифесте», иллюстрируя эту истину яркими примерами, которые сами говорят за себя. Это положение было ужасным в 50—60-х годах; таким же осталось оно и позднее.

«Что касается широкой массы рабочих, то для нее уровень нищеты и необеспеченности существования в настоящее время так же низок, как был всегда, если только не ниже»,—писал Энгельс в 1885 г. (см. цитированное выше Предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии»).

«Восточная часть Лондона представляет из себя все более расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка во время работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих то же самое происходит и во всех других крупных городах; не лучше обстоит дело в более мелких городах и в сельских округах. Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее средств существования, и другой закон, понижающий, как правило, ее среднюю стоимость до минимума этих средств существования,—оба эти закона действуют с непреодолимой силой машины-автомата, давящей рабочего между своими колесами» (Предисловие к «Положению рабочего класса в Англии»).

Чтобы завоевать массы рабочего класса, Маркс считал целесообразным и необходимым вовлечь в организацию рабочей партии представителей тред-юнионизма, хотя большинство этих вождей ни по воззрениям своим, ни по своим личным качествам не могло внушать Марксу никакого доверия. Раз'ясняя основы своей тактики З. Мейеру, одному из живших в Америке рабочих, проводивших под руководством Маркса его линию в рабочих организациях Америки, Маркс писал о себе и Энгельсе: «Мы работаем здесь в Лондоне вместе с англичанами, часть которых нам совершенно не нравится, и мы прекрасно знаем, что они хотят использовать Интернационал лишь в качестве дойной коровы для своих мелких, личных, честолюбивых целей. И все же мы вынуждены делать bonne mine au mauvais jeu (довольное лицо при дурной игре). Если бы мы из-за этих людей в негодовании

удалились, мы только укрепили бы этим их влияние, которое парализуется в настоящее время нашим присутствием. Так же должны поступать и вы». (Маркс — З. Мейеру от 21 января 1871 г.).

Узколобый практицизм, ограничение борьбы рабочего класса лишь экономической борьбой, борьбой за улучшение положения рабочих в рамках буржуазного строя, признание руководящей политической роли либеральной партии, отказ от борьбы за власть, от самостоятельной политики рабочего класса, направленной на свержение буржуазии, готовность всегда идти с буржуазией — вот основные черты тредюнионизма, с представителями которого приходилось Марксу иметь дело в I Интернационале, так как других рабочих организаций в Англии тогда не было.

Маркс своей работой в Интернационале стремился помочь массам на собственном опыте убедиться, что их насущные задачи могут быть выполнены лишь при условии придания их борьбе характера политической борьбы, лишь при условии превращения ее в революционную, классовую борьбу. В этом духе Маркс и вел систематическую пропаганду.

Результат работы Маркса не замедлил сказаться. В начале 1870 г он писал: «Англичане обладают всеми необходимыми материальными предварительными условиями социальной революции. Чего им не хватает, так это духа обобщения и революционной страсти. Только Генеральный совет в состоянии вдохнуть в них этот дух и эту страсть и ускорить таким образом истинно революционное движение в этой стране, а, следовательно, и повсюду. Крупные результаты, которых мы уже достигли в этом смысле, засвидетельствованы лучшими и влиятельнейшими газетами господствующих классов, как напр. «Pall Mall Gazette», «Saturday Review», «Spectator» и «Fortnightly Review», не говоря уже о так называемых радикальных членах нижней палаты и палаты лордов, которые еще недавно оказывали такое большое влияние на вожаков английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти задушили английский дух рабочего класса и толкнули этот класс к революционному социализму» (Маркс. Письмо Генерального совета Федеративному совету романской Швейцарии, в Женеве. При письме к Кугельману от 28 марта 1870 г.).

Представители французских рабочих тоже были очень далеки от правильного понимания исторической роли рабочего класса и стоящих перед ним задач. Находясь под влиянием идей Прудона, выразителя мелкобуржуазных взглядов, они были противниками коммунизма, ярыми защитниками мелкого производства и вообще имели чрезвычайно путаные представления в вопросах политики и тактики рабочего класса. «Коньком» прудонистов было «равенство», и, главное, спасение они рассчитывали получить от организации «взаимопомощи», дешового кредита, от организации банка для регулирования обмена. Они стремились достичь идеального строя мирным путем. «Капитал рабочих» должен одержать победу над «привилегированным капиталом» в результате «взаимопомощи», дарового, беспроцентного кредита и организации кооперативных предприятий; этот идеальный строй должен был быть основан на товарном хозяйстве. Еще в 1846 г., когда Энгельс жил в Париже, ведя пропаганду научного коммунизма в кружках главным образом немецких рабочих, он писал о том, какой прудонистский вздор приходилось ему опровергать. «Пролетарии должны копить мелкие акции. На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) строят сначала одну или несколько мастерских в одной или в нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты, произведенные там: 1) продаются акционерам по цене сырого материала + цена труда (акционеры не должны оплачивать прибыль) и 2) что остается из продуктов сверх этого — продается на рынке по рыночной цене. По мере того как капитал общества будет увеличиваться

взносами вновь вступивших членов или новыми сбережениями старых акционеров, на этот капитал будут строить новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., пока, наконец, все пролетарии не будут заняты работой, и все находящиеся в стране производительные силы не будут скуплены, и благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуазии, потеряют свою власть над рабочими, власть извлекать из них прибыль!.. Эти господа собираются, ни много ни мало, постепенно скупить всю Францию, а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, только с помощью пролетарских сбережений, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал» (Энгельс—Марксу от 18 сентября 1846 г.).

Подобным же мусором были засорены и головы представителей французских рабочих, присутствовавших на собрании в Сент-Мартинс-Холле. С ними пришлось иметь дело Марксу в комитете и в комиссии по выработке «Манифеста» Интернационала и его устава.

Если в письме английских рабочих французским, зачитанном на собрании 28 сентября 1864 г., выдвигался как основная задача «союз со всеми людьми, которые стремятся к миру, к развитию промышленности, к свободе и счастью человечества во всем мире», то и французские рабочие в своем ответном письме выдвигали как идеал такую перспективу: «Свободный обмен в соединении со свободой труда не повел бы к продолжению борьбы; наоборот, он развил бы способности и дарования каждого народа и превратил бы, наконец, врагов в соревнующихся».

Как уже было сказано, на первом заседании комитета была выбрана комиссия для выработки «декларации принципов» и устава. Маркс не был на первых двух заседаниях комиссии. Членами комиссии: представителем итальянских рабочих—мадзинистом Вольфом, старым оуэнистом Уэстоном и французом Ле-Любе — были составлены «декларация принципов» и устав.

«Я прямо в ужас пришел,— рассказывает Маркс в письме к Энгельсу от 4 ноября 1864 г.,—когда услыхал (на заседании комитета 18 октября — *В. А.*) оглашенное милейшим Ле-Любе непомерно фразистое, плохо написанное и совершенно незрелое введение, претендующее на то, чтобы быть декларацией принципов, где на каждом шагу проглядывал Мадзини, прикрашенное самыми туманными обрывками французского социализма. Кроме того был принят в общем и целом итальянский устав, который, не говоря уже об остальных ошибках, ставил себе целью нечто действительно невозможное, нечто вроде центрального правительства рабочего класса Европы (конечно, с Мадзини за кулисами)».

После возражений Маркса и после долгого обсуждения было решено снова передать все в комиссию и подвергнуть документ новой «редакции». Марксу пришлось затем затратить целый вечер на заседании комиссии и тактично добиться того, чтобы получить в свои руки эти документы. Написанный Марксом заново «Манифест к рабочему классу» и проредактированный им устав были приняты комиссией; Маркса только «обязали вставить во введении к уставу две фразы: о «долге» и «праве» и об «истине, нравственности и справедливости». Маркс вставил их так, чтобы они «не могли причинить никакого вреда». На заседании Генерального совета 1 ноября «Манифест» и устав были единогласно приняты Советом, причем «Доктору Марксу, г. Уэстону и г. Ле-Любе» была выражена благодарность «за их труд и составление такого прекрасного манифеста».

В письме Энгельсу, рассказывая о всех перипетиях выработки «Учредительного манифеста» и устава I Интернационала, Маркс говорит:

«Было очень трудно провести дело так, чтобы наши взгляды были изложены в такой форме, в которой они были бы приемлемы для теперешнего уровня рабочего движения. Те же лица будут недели через две устраивать митинги с Кобденом и Брайтом в защиту избирательного права. Нужно вре-

мя, пока возродившееся движение позволит снова пользоваться прежним смелым языком. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме. Как только эта штука будет напечатана, ты ее получишь».

«Я с интересом ожидаю Манифеста к рабочим,—писал в ответ Энгельс 7 ноября 1864 г.,—судя по тому, что ты мне пишешь об этих людях, это должно быть настоящим шедевром. Хорошо, что мы снова завязываем связь с людьми, которые представляют, по крайней мере, свой класс, в конце концов, это — самое главное. Особенно важно влияние на итальянцев, тут все же есть шансы на то, что лозунгу «бог и народ» будет положен конец среди рабочих — для бравого Джузеппе (Мадзини) это будет неожиданностью. Впрочем, я полагаю, что это новое Товарищество очень скоро расколется на теоретически-буржуазные и теоретически-пролетарские элементы, лишь только вопросы будут немного уточнены» (Энгельс—Марксу от 7 ноября 1864 г.).

В «Учредительном манифесте» были по существу изложены идеи «Коммунистического манифеста», хотя самый термин «коммунизм» там не фигурировал. Маркс ссылается на успехи в области законодательного регулирования рабочего дня и на успехи кооперативного движения не для того, чтобы рабочий класс искал освобождения путем одних мирных реформ,— Маркс ссылается на эти успехи как на доказательство «торжества принципа политической экономии рабочего класса над буржуазной политической экономией». Успех кооперации доказывает, что «производство в крупных размерах, соответствующее требованиям современной науки, осуществимо без класса хозяев, пользующегося наемными рабочими, что орудия труда для того, чтобы приносить плоды, вовсе не должны быть обязательно монополизированы в качестве орудий господства над самим трудящимся человеком и для его ограбления» («Учредительный манифест»).

Таким образом Маркс, ставя эти условия, выдвигает коммунизм как цель рабочего движения. Указав, что землевладельцы и капиталисты добровольно своих привилегий не уступят, Маркс говорит, что «завоевание политической власти стало поэтому великой обязанностью рабочего класса» (там же).

III

Давая характеристику роли Маркса в I Интернационале, делая обзор его работы за период существования Интернационала, в котором Марксу все время принадлежала руководящая, решающая роль, необходимо прежде всего подчеркнуть, что 1864—1874 годы были для Маркса годами напряженнейшей теоретической творческой работы. В эти годы Маркс на основании проделанной им огромной подготовительной работы написал всю основную часть «Капитала», подготовил к печати и опубликовал I том «Капитала», выпустил его второе издание, значительно переработанное, и проредактировал его французский перевод (о последнем Маркс говорит в предисловии, что он является новой переработкой и сохраняет самостоятельное значение наряду с немецким изданием I тома).

После выхода в свет первого выпуска «К критике политической экономии» Маркс заново изучил вопрос о производстве прибавочной стоимости. Он написал с августа 1861 г. по июль 1863 г. ряд монографий, содержащих обширный материал по всем вопросам, которые должны были быть освещены в «Капитале». Эти монографии составили 23 больших тетради. На основании этих тетрадей Маркс написал всю основную часть «Капитала», которая должна была составить, по его предположению, два тома. Начав работу над этой рукописью в июле 1863 г., Маркс закончил ее в декабре 1865 г. С 1 января 1866 г. Маркс принялся переписывать начисто («вылизывать младенца после стольких родовых мук») I том «Капитала». Эту работу он

закончил в апреле 1867 г. В августе 1867 г. он подписал последний лист к печати. После этого Маркс немедленно приступил к подготовке для печати рукописи II тома (куда входили II и III тома). Он занимался этим до начала 1870 г.

В 1871 г. Маркс, повидимому, над «Капиталом» не работал. Но с конца декабря 1871 г. в течение 1872 г. он работал над вторым изданием I тома. От начала 1872 г. до конца 1874 г. он проделал огромную работу над редактированием и обработкой французского издания.

Мы видим таким образом, что во все время существования I Интернационала Маркс с небольшими перерывами был занят «Капиталом»: сначала подготовкой рукописи к печати, а затем переизданием и переводом I тома.

Работа над основным теоретическим сочинением — чрезвычайно важная составная часть работы Маркса в Интернационале. Только на основе разработанной им революционной теории Маркс мог разгромить те сектантские, мелкобуржуазные, утопические формы социализма, которые еще оказывали свое влияние на рабочий класс.

11 сентября 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «На ближайшем конгрессе в Брюсселе я лично покончу с этими ослами-прудонистами. Я вел все это дело дипломатически и не хотел выступать **лично**, прежде чем моя книга («Капитал») не выйдет в свет и наше Товарищество не пустит корни. Кроме того я отделаю их (прудонистов) в официальном отчете Генерального совета. Несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не смогли помешать нашему переизбранию».

Маркс отмечает, далее, рост Интернационала и его влияния:

«Между тем наше Товарищество сделало большие успехи. Паршивая «Star», пытавшаяся совершенно игнорировать нас, вчера в передовой статье заявила, что мы важнее конгресса мира. Шульце-Делич не может помешать рабочему союзу примкнуть к нам. Прохвосты из числа английских тред-юнионистов, для которых мы были слишком «левыми», наперерыв прибегают теперь к нам. Кроме «Courrier Français» отчеты о нашем конгрессе дала «Liberté» Жирардена, «Siècle», «Monde», «Gazette de France» и т. д. Дело подвигается вперед. И при ближайшей революции, которая, быть может, ближе, чем нам кажется, **мы** (т. е. ты и я) будем иметь эту могучую машину **в наших руках**. Сравни с этим результаты усилий Мадзини и прочих в течение 30 лет! И притом без всяких денег! При интригах прудонистов во Франции, Мадзини в Италии, завистливых Оджера, Кримера и Поттера в Лондоне, со сторонниками Шульце-Делича и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!»

Маркс писал это после Лозаннского конгресса (1867 г.), после трех лет существования Интернационала, когда результаты последовательного, систематического руководства в духе марксизма начали уже сказываться.

Напряженно работая над «Капиталом», находясь в периоде наиболее плодотворной теоретической творческой работы, Маркс в то же время был организатором и практическим руководителем Интернационала. Он регулярно присутствовал на всех заседаниях Генерального совета. Среди протоколов Генерального совета есть листы, где отмечалось посещение заседаний. Из отметок видно, что Маркс не пропустил ни одного заседания. Все важнейшие документы Интернационала, обращения (адресы), воззвания, манифесты написаны Марксом. Из конгрессов Маркс присутствовал только на одном—на последнем конгрессе Интернационала в Гааге 1872 г. Но ни один конгресс не прошел без его непосредственного руководства: он вырабатывал порядок дня, писал доклады, давал инструкции и директивы по важнейшим вопросам. Маркс систематически, последовательно работал над тем, чтобы выяснить борющимся рабочим всю недостаточность тех всеисцеляющих «знахарских средств», которых они придерживались, и «сделать их головы более восп-

нмчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих» (Энгельс. Предисловие к «Коммунистическому манифесту»).

В письме от 13 марта 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «В последнее время, не говоря уже о продолжающихся фурункулах, дьявольски завален работой; вчера, напр., я лег лишь в 4-м часу утра. Наряду с моей работой над книгой невероятно много времени отнимает у меня Международное товарищество, так как фактически я являюсь его руководителем. И что за потеря времени! (Как раз теперь, когда одновременно происходит история с французами, выборная кампания здесь и т. д.). Вот, например, французская кутерьма:

28 февраля. Приехали из Парижа Толен и Фрибур. Происходит заседание Центрального совета, пред которым они дают свои об'яснения и грызутся с Ле-Любе до 12 час. ночи. После этого еще ночное заседание в боллетеровском кабачке, где мне пришлось подписать около 200 карточек...

1 марта. Польский митинг.

4 марта. Заседание комиссии по французскому вопросу до часу ночи.

6 марта. Заседание комиссии по тому же поводу до часу ночи.

7 марта. Заседание Центрального совета до 12 ночи. Принятие решений...

Это заседание от 7 марта, на котором Ле-Любе потерпел полное поражение, было очень мучительно, бурно и произвело, в особенности на англичан, впечатление, что французы действительно нуждаются в Бонапарте! А тут еще беготня ко мне и от меня людей по поводу конференции с Брайтом и т. д., которая состоялась в субботу, 11 марта. Я написал о ней критический отчет Джонсу (он запрашивал меня об этом заранее, в пятницу) и поручил ему передать тебе это письмо.

Ну, тут уже ничего не поделаешь. Приходится говорить Б, раз сказал А».

Этот перечень заседаний относится к 1865 г., т. е. как раз к тому времени, когда Маркс усиленно работал над рукописью основной части «Капитала».

В первую половину существования Интернационала вопрос шел главным образом о том, чтобы выяснить самые основные условия освобождения рабочего класса, чего, собственно, следует добиваться, ту цель, к которой должен стремиться рабочий класс.

На конгрессах в Женеве (1866 г.), Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.) шла дискуссия главным образом с прудонистами.

На Женевском конгрессе прудонисты выступали против стачек, против законодательного ограничения рабочего дня, против женского труда на фабриках (место женщины — у домашнего очага). При обсуждении предложенной Генеральным советом резолюции против русского царизма и за восстановление Польши прудонист Фрибур внес предложение, чтобы конгресс воздержался от голосования по «запутанному национальному вопросу», а ограничился общими фразами против деспотизма и т. д. После Женевского конгресса Маркс писал о прудонистах Кугельману:

«Я очень опасался за первый конгресс в Женеве. Но, вопреки моему ожиданию, он прошел в целом хорошо. Влияние во Франции, Англии и Америке совершенно неожиданно. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок к их развитию.

Господа парижане набили себе головы пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно от-

носятся ко всякому революционному действию, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено политическими средствами (как, напр., законодательное сокращение рабочего дня).

Под предлогом свободы и антигувернаментализма (отрицания всякого правительства), или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, которые 16 лет так спокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм, проповедуют на деле лишь прудонистски-идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство. Прудон принес громадный вред. Сначала его призрачная критика и его призрачное отличие от утопистов (сам он представляет из себя мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и т. д., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) — его лжекритика захватила и подкупила блестящую молодежь, студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старой пакости. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Организация для борьбы против капитала служила там лозунгом, и, удивительное дело, большинство выработанных мною для Женевы требований было точно так же поставлено там благодаря верному инстинкту рабочих.

Движение за реформу в Англии, которое вызвал к жизни наш Центральный совет (в котором немалая доля и моего труда), принимает теперь все более и более крупные размеры и становится непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не беспокоюсь больше об этом, раз дело пошло на лад» (Маркс—Кутельману от 9 октября 1866 г.).

Большое значение для роста влияния Интернационала имела практическая помощь, которую оказывал Генеральный совет стачкам,—этим «партизанским боям между капиталом и трудом». Правительства и пресса капиталистов изо всех сил стремились доказать, что стачки «вызваны не нищетой рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными интригами» Интернационала (см. отчет Генерального совета Базельскому конгрессу). Рабочим же помощь Интернационала показывала, что рабочий класс, когда он организован, об'единен и руководство его организацией находится в руках людей, действительно отстаивающих его интересы, представляет собой непреодолимую, могучую силу.

Приведем несколько примеров помощи Интернационала.

В апреле—мае 1866 г. возгорелся конфликт подмастерьев-портных с мастерами в Лондоне:

«Дело шло не только о том, чтобы довести заработную плату портных до уровня других отраслей промышленности, соответственно повышению цен на все предметы первой необходимости, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера старались помешать организации подмастерьев-портных посредством вербовки подмастерьев в Бельгии, Франции, Швейцарии... Секретари Генерального совета Международного товарищества рабочих опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех. Маневр лондонских мастеров был пресечен, и они были вынуждены удовлетворить справедливые требования

своих рабочих» (Письмо Маркса немецким портным от 4 мая 1866 г. Лондон).

В апреле 1867 г. благодаря поддержке из разных стран, организованной Генеральным советом, рабочие-бронзовщики в Париже добились полного удовлетворения своих требований. В 1868 г. победой закончилась стачка строительных рабочих в Женеве. Бастовавшие рабочие получили денежную поддержку путем устроенных органами Интернационала в разных странах сборов; сборы среди рабочих давали большие суммы для поддержки борющихся товарищей по классу. В 1868—1869 гг. стачки становились все чаще, борьба обострялась и в ряде случаев конфликты (главным образом в Бельгии) сопровождались кровавыми событиями, зверскими избиениями стачечников.

Умело организованные Генеральным советом помощь и поддержка стачечников, систематическое освещение в рабочей печати их борьбы, осязательные успехи — все это поднимало дух рабочих, укрепляло в них уверенность в своих силах, показывало мощь организации.

В Бельгии борьба рабочих, руководимая Интернационалом, вызвала со стороны правительства и органов буржуазии бешеную кампанию травли и клеветы.

«Международное товарищество рабочих, — писал Маркс в статье «Бельгийские избиения», — не оказалось желанным гостем в Бельгии. Преданное анафеме духовенством, осыпанное клеветой в органах респектабельной прессы, оно вскоре оказалось на ножах с правительством. Последнее усердно пыталось от него избавиться, возложив на него ответственность за стачки углекопов в Шарлеруа в 1867—1868 гг., стачки, которые закончились, по неизменному бельгийскому правилу, официальными избиениями, а затем и судебным преследованием жертв. Но эта интрига не удалась. Товарищество предприняло активные шаги, благодаря которым рудокопы в Шарлеруа были признаны невиновными, а тем самым было признано виновным само правительство. Раздраженные этой неудачей, бельгийские министры излили свою злобу в яростных выступлениях в палате депутатов, возводя обвинения на Международное товарищество рабочих и торжественно заявляя, что они никогда не допустят, чтобы всеобщий конгресс Товарищества собрался в Брюсселе. Несмотря на их угрозы, конгресс состоялся именно в Брюсселе».

Подобные факты неизменно служили росту престижа и успехам Интернационала. К нему стало примыкать все больше организаций, в разных странах образовывались новые секции, в значительном количестве к Интернационалу примыкали и неорганизованные рабочие.

На Лондонской конференции 1871 г. Маркс говорил о громадном значении этого факта. Он указывал на то, что тредюнионы представляют собой аристократическое меньшинство среди английских рабочих того времени. Рабочие, пришедшие из деревни, долгое время в них не попадают, а сама обездоленная масса вовсе не состоит в тредюнионах. Крестьяне, поденные рабочие никогда не входят в эти общества. Интернационалу же удается оказывать воздействие и на неорганизованных рабочих. Интернационал — единственное общество, внушающее рабочим полное доверие.

Стремясь организовать массовую борьбу рабочего класса за его освобождение в Англии, потому что именно в этой стране дальше всего зашло капиталистическое развитие и больше всего созрели условия социалистической революции, — Маркс глубоко, во всех подробностях, изучал условия существования английского капитализма. Он пришел к выводу, что одной из главных причин слабости английского рабочего класса является порабощение Англией Ирландии и вообще та политика колониального грабежа, на которой основывается могущество Великобритании. 1 января 1870 г. Маркс разо-

слал конфиденциальный циркуляр, содержание которого он сжато излагает в письме З. Мейеру и А. Фогту от 9 апреля 1870 г.

Национальный вопрос Маркс и Энгельс решали на конкретном примере Польши и Ирландии: уничтожить угнетение и эксплоатацию одними нациями других наций; уничтожить раскол и вражду между пролетариатом разных национальностей; об'единить и сплотить рабочих всех наций в их общей борьбе против капитализма, за полное освобождение рабочего класса. Такова была программа I Интернационала—программа Маркса и Энгельса.

IV

Высшей точкой развития деятельности I Интернационала и высшим расцветом его могущества была Парижская коммуна. При всех ее ошибках — это был «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века» (Ленин «Уроки Коммуны». Т. XII, стр. 162).

Маркс принимал самое живое, самое непосредственное участие в борьбе Коммуны. Он переживал эту борьбу со всем свойственным ему пылом и страстью. Им было написано в связи с Коммуной, в интересах ее дела, «несколько сот писем во все концы света», где существовали секции Интернационала (Маркс—Франкелю и Варлену от 13 мая 1871 г.). Маркс вопреки всем препятствиям поддерживал довольно регулярные сношения с Парижем. Генеральный совет послал в Париж своего представителя — Серрайе. Связь с Коммуной поддерживалась через одного знакомого Маркса — купца, который по делам регулярно ездил во Францию; Маркс посылал через него членам Коммуны словесные, а иногда и письменные инструкции (Маркс—Бизли от 12 июня 1871 г.).

Когда же Коммуна потерпела поражение, Маркс, «не скрывая от пролетариата ни одной ошибки Коммуны, посвятил этому подвигу произведение, которое до сих пор служит лучшим руководством в борьбе за «небо» и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «свиней» (Ленин. Предисловие к русскому переводу писем Маркса Кугельману. 18 февраля 1907 г.).

В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, Маркс видел «исторический опыт», «практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений». «Чем бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, — писал Маркс Кугельману 17 апреля 1871 г., — новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван». Маркс самым внимательным образом изучил этот исторический опыт, проанализировал его, извлек из него уроки тактики, учел то новое, что было создано историческим творчеством масс. В результате появилось одно из гениальнейших произведений Маркса — «Гражданская война во Франции». Оно было напечатано в июне 1871 г. как и «Манифест» Интернационала.

Здесь следует сказать, что Маркс должен был написать «Манифест» Интернационала, т. е. сжатое, краткое воззвание; но, изучая Коммуну, Маркс собрал материал для большой книги. Он набросал эту книгу, опубликовать же ему пришлось только два листа. Остальное осталось лежать подспудом. И только теперь вся работа в целом (все выписки из газет и все наброски) будет опубликована в выходящем из печати III томе «Архива Маркса и Энгельса».

Наброски Маркса нельзя назвать черновиками: изложение в них блестящее. Все мысли набросков переданы в опубликованной брошюре, но иногда в сильно сжатом виде; в набросках многое изложено подробнее.

Приведем несколько примеров.

В «Гражданской войне во Франции» мы читаем: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного

решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства».

Этому месту соответствуют в набросках следующие страницы. Маркс пишет об утопиях и утопистах:

«Все социалисты—основатели сект—принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить исторически действующим лицом на мировую арену, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но условия для его собственного движения еще не существовали. Утописты, основатели сект, ясно начертав в своей критике современного общества цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной силы и понимания движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которого они усматривали верное средство спасения. С того момента, как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти **утописты**, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, потому что место фантазии заняло действительное понимание исторических условий движения и все большее собирание сил боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не скрываются больше в тумане утопических басен. И потому эти друзья — покровители пролетариата, превратно толкующие громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции,— являются лишь жертвами своего собственного невежества. Парижский пролетариат невиноват в том, что для них утопические создания пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», т. е. если социальная революция для них все еще «утопична» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 349—351). Сюда же относится и следующее место: «Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и об'единенного товарищеского труда (associated labour) может быть только последовательным делом времени, что экономическое преобразование, которого он требует, является не только изменением распределения, но и новой организацией производства, или, вернее, является освобождением общественных форм производства в нынешней организации труда (порожденной современной промышленностью) из пут рабства, освобождением от их нынешнего классового характера и их гармоничной национальной и интернациональной координацией. Он знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов социальной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было в свое время заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие

экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги на этом пути могут быть сделаны сразу же благодаря коммунальной форме политической организации и что для него настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 333—335).

Приведем еще одно место из опубликованного текста: «Когда Парижская коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые осмелились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства», именно на привилегию управления, и стали в неслыханно тяжелых условиях выполнять свою работу скромно, добросовестно и успешно, — выполнять за вознаграждение, высший размер которого, по словам одного известного авторитета в науке, не превышал пятой части того, что является минимумом для оплаты секретаря лондонского школьного члена совета, — тогда старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени, символа республики труда, развевающегося над городской ратушей» («Гражданская война во Франции». «Архив Маркса и Энгельса». Т. III, стр. 49—51).

Соответственное место в набросках выглядит так: «В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью несут всю тяжесть борьбы, — нет ничего нового. Это поразительная черта всех французских революций! Это лишь повторение прошлого! Что революция произведена о т и м е н и и открыто в интересах народных масс, т. е. производящих масс, — эту черту настоящая революция разделяет со всеми своими предшественницами. Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, учредив Коммуну, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, удержать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством, привилегию, которая находится в руках «верхних десяти тысяч», и заявляют о своем желании разрушить экономическую основу классового деспотизма, который, в своих собственных интересах, распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что повергло в бешеное исступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных штатах, вот чем об'ясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 347—349).

Эти два примера показывают достаточно ясно, сколько ценного содержат в себе неопубликованные наброски Маркса к «Гражданской войне во Франции» Таких примеров можно было бы привести чрезвычайно много. По вопросу об отношении пролетариата к мелкой буржуазии, о его политике по отношению к крестьянству, по вопросу о национализме и шовинизме и т. д. многое в набросках дополняет и развивает опубликованный текст.

(Окончание следует).

ИМЭЛ приступил к изданию серии протоколов конгрессов и конференций Первого Интернационала.

Эти протоколы дают исключительно ценный материал для изучения работы Первого Интернационала, вождями и организаторами которого были Маркс и Энгельс. В раздел приложений к каждому тому протоколов включаются материалы (в значительной части публикуемые впервые) из архива Первого Интернационала, а также ряд неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.

В ближайшие дни выходит из печати один из томов этой серии — Протоколы Базельского конгресса Первого Интернационала (1869). Ниже публикуется извлеченный из этих протоколов ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА по вопросу о праве наследования. Доклад был написан Марксом для Базельского конгресса и оглашен на конгрессе.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б)

Карл Маркс

Доклад Генерального совета о праве наследования

1. Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал при жизни, а именно власть при помощи своей собственности присваивать продукты чужого труда. Например, земля дает землевладельцу при жизни власть под титулом ренты присваивать без всякой компенсации плоды чужого труда. Капитал дает ему власть делать то же самое под титулом прибыли и процента. Собственность на ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не создает этой возможности перекладывать плоды труда одного человека в карман другого—оно касается лишь смены лиц, обладающих этой возможностью. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности на средства производства, т. е. на землю, сырье, машины и пр. Точно так же право передавать рабов по наследству не есть причина рабства, а, наоборот, рабство есть причина перехода рабов по наследству.

2. Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом—а не с его юридической надстройкой. Предположим, что средства производства из источника частного благосостояния превратились в источник общественного благосостояния; тогда право наследования (поскольку оно имеет какое-либо социальное значение) отомрет само собою, ибо человек оставляет после своей смерти лишь то, чем он владел при жизни. Поэтому наша великая цель

должна заключаться в уничтожении тех институтов, которые дают некоторым людям в течение их жизни экономическую власть присваивать плоды труда многих. Там, где общество находится на достаточном уровне развития, а рабочий класс обладает достаточной силой, чтобы упразднить такого рода институты, он должен сделать это прямым путем. Например, аннулируя государственный долг, можно, разумеется, вместе с тем избавиться от перехода облигаций по наследству. С другой стороны, не обладая достаточной властью, чтобы аннулировать государственный долг, было бы глупо пытаться отменить право наследования в отношении облигаций.

Исчезновение права наследования будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но отмена права наследования никогда не может стать отправной точкой такого социального преобразования.

3. Одна из крупных ошибок, сделанных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали право наследования не как юридическое следствие, а как экономическую причину нынешней организации общества. Это нисколько не помешало им увековечить в своей социальной системе частную собственность на землю и другие средства производства. Они не сомневались в том, что возможны выборные и пожизненные собственники,—подобно тому, как существовали выборные короли.

Признать отмену права наследования отправной точкой социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество. Это было бы так же нелепо, как отменять договорное право между покупателем и продавцом, сохраняя нынешний порядок обмена товарами.

Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике.

4. Рассматривая законы наследования, мы неизбежно предполагаем, что частная собственность на средства производства продолжает существовать. Если бы частная собственность уже не существовала при жизни людей, она не могла бы передаваться ими и от них после их смерти. Поэтому все мероприятия, касающиеся права наследования, могут относиться только к переходному состоянию общества, когда, с одной стороны, нынешняя экономическая основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы заставить принять переходные мероприятия, рассчитанные на то, чтобы произвести в конце концов радикальное переустройство общества.

Рассматриваемое с этой точки зрения изменение законов о наследовании составляет лишь одно из многочисленных других переходных мероприятий, которые все ведут к той же цели.

Такими переходными мероприятиями в отношении законов о наследовании могут быть только:

а) более широкое применение уже существующих во многих государствах налогов на наследство и обращение получаемых этим путем средств на цели социального освобождения;

б) ограничение права наследования по завещанию, которое—в отличие от права наследования без завещания, или семейного права наследования—представляется произвольным и суеверным преувеличением самого принципа частной собственности.

Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию

I

Вся деятельность Маркса в Первом Интернационале была подчинена задаче подготовки пролетарской революции. Маркс строил Интернационал как международную партию рабочего класса, призванную организовать пролетариат и поднять его от «партизанских схваток» с капиталом к революционной войне по всему фронту, войне за низвержение буржуазии, за установление пролетарской диктатуры, за уничтожение классов.

Маркс и Энгельс полагали, что на долю Первого Интернационала выпадет и собирание сил рабочего класса и непосредственное руководство пролетариатом в предстоящих революционных боях за власть. «Когда наступит революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется,— писал Маркс Энгельсу в 1867 г.,—то в наших руках, т. е. у тебя и у меня, будет эта могучая машина» [1]. Местонахождение в Лондоне Генерального совета — главного рычага этой машины — Маркс мотивировал в первую очередь тем, что именно в Лондоне руководство Интернационала в решающий момент окажется в центре международной пролетарской революции.

Как известно, в вопрос о сроках история внесла свои коррективы. Но только тупицы или фальсификаторы способны изображать дело так, будто тем самым ставится под сомнение правильность политики Маркса и Энгельса в Первом Интернационале. Напротив, вся линия марксова руководства Интернационалом целиком и полностью оправдана историей. Только этому руководству, только твердому и неуклонному курсу Маркса и Энгельса на пролетарскую революцию, только их гениальной революционной стратегии и тактике Первый Интернационал обязан тем, что ему удалось, по словам Ленина, «заложить фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал» [2].

Маркс не питал ни малейших иллюзий насчет того уровня, на котором находился к тому времени пролетариат и рабочее движение. Что означало в условиях 60-х годов прошлого века построить международную массовую партию пролетариата? Это, прежде всего, означало направить в общее русло Интернационала различные потоки рабочего движения отдельных стран, отражавшие всю пестроту идейно-политического развития тогдашнего пролетариата. Международное Товарищество Рабочих, писал Энгельс, должно было «об'единить в одну великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки... Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей английским тред-юнионам, французским, бельгийским, итальянским и испанским прудонистам и немецким лассальянцам» [3].

Маркс и Энгельс сознательно шли на то, что состав Интернационала на первых порах будет чрезвычайно разнородным. Но только заведомые фальсификаторы марксизма из рядов социал-демократии способны толковать политику Маркса как политику «примирения» различных течений в лоне Интернационала. Напротив, политика Маркса в Первом Интернационале означала не примирение, а борьбу; она состояла в терпеливом раз'яснении рабочим, на основе их собственного опыта, единственно верных путей борьбы, и тем самым вела к разоблачению всех антипролетарских течений в Интернационале; она подразумевала настойчивую работу по завоеванию масс, постепенную изоляцию сектантских вождей и, в конечном счете, их полное вытеснение из Интернационала.

---

[1] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 480.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 247.
[3] Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 149.

Ко времени Базельского конгресса, четвертого по счету конгресса Интернационала, Маркс добился на этом пути больших успехов. Общая политическая обстановка была крайне благоприятна для развития Интернационала. Вторая половина 60-х годов была периодом войн и революционных потрясений во всех концах тогдашнего «цивилизованного мира». В Англии пролетариат как класс впервые со времен борьбы за хартию выступил против буржуазии на политической арене и добился частичных успехов, которыми не в малой доле был обязан помощи Интернационала. Во Франции Вторая империя на всех парах шла навстречу своему политическому и военному краху и, стало быть, навстречу новой революции; не даром Маркс писал Кугельману (весной 1869 г.) о предстоящей во Франции «новой революционной борьбе» и радовался тому, что там «снова кипит весь котел у чародейки-истории» [1]. В Германии и в Италии в ходе обостренной классовой борьбы решался главный (для этих двух стран) вопрос буржуазно-демократической революции— вопрос о национальном об'единении; в Эйзенахе в августе 1869 г. была основана первая социал-демократическая партия. Испания находилась в состоянии глубокого брожения, и 1868 год ознаменовался свержением Бурбонов — одним из многочисленных этапов буржуазной революции в этой стране. Австрия еще не оправилась от потрясения, вызванного ее разгромом в войне 1866 г. В Соединенных штатах, на почве, которая была расчищена победой северян в гражданской войне, начинался бурный под'ем капитализма и быстро развивалось рабочее движение.

В 1867—1869 гг. по Западной Европе прошла волна стачек, нередко сопровождавшихся столкновениями с войсками и полицией. Интернационал принял активное участие в стачечном движении, что в гигантской степени содействовало росту его авторитета в пролетарских массах и в то же время вызвало изрядную тревогу в лагере буржуазии. Эта тревога оказалась, с одной стороны, в обострении полицейского террора, а с другой — в усиленных попытках радикальных буржуа заигрывать с рабочим движением. «Нет ничего более комичного, — писал Энгельс Лесснеру в апреле 1869 г., — чем кисло-сладкие комплименты, которые они вынуждены делать социальному движению, в то время как они отлично знают, что в один прекрасный день это социальное движение повергнет их в прах». В том же письме Энгельс дает общую оценку международного положения. Во всем мире налицо «обострение противоречий между трудом и капиталом и более ожесточенная классовая борьба». Констатируя это, Энгельс пишет: «Дело идет лучше, чем когда бы то ни было...» [2]. Действительно, 1869 год — год бурного под'ема международного рабочего движения, год небывалого численного роста приверженцев Интернационала во всех важнейших европейских странах.

Но не только этим численным ростом об'ясняется то особое место, которое занимает Базельский конгресс 1869 г. в истории Первого Интернационала. Для правильной оценки значения этого конгресса необходимо его рассматривать в связи со всей той борьбой, которая велась в рядах Интернационала до и после конгресса и которая нашла яркое отражение в ходе самого конгресса.

Главным действующим лицом в этой борьбе был Маркс. Он был, без сомнения, и центральной фигурой Базельского конгресса, хотя не присутствовал на самом конгрессе.

Маркс непосредственно руководил всей подготовкой конгресса. На ряде заседаний Генерального совета в июне — августе 1869 г. обсуждались вопросы порядка дня предстоявшего конгресса. В своих выступлениях в Совете Маркс развернул свою позицию по всем этим вопросам и тем самым обосновал линию Генерального совета на конгрессе. Одновременно Маркс вел пе-

[1] Маркс. Письма к Кугельману. Изд. 1928 г., стр. 63.
[2] Письмо войдет в XXVI том Сочинений.

реписку по тем же вопросам с рядом деятелей Интернационала, в том числе с Либкнехтом и Де Папом. Ближайшие сотрудники Маркса по Генеральному совету перед своей поездкой в Базель получили, таким образом, от Маркса отчетливые политические директивы, которые они в меру сил и уменья проводили на конгрессе.

Перу Маркса принадлежит, далее, блестящий отчет Генерального совета конгрессу; оглашение этого отчета в Базеле произвело огромное впечатление и, по словам Лесснера, «то и дело прерывалось бурей одобрений». Наконец, уже во время хода конгресса, Маркс прислал Юнгу, который председательствовал на конгрессе, и другие материалы, в том числе доклад о праве наследования. Получив эти материалы, Юнг заявил своим товарищам по делегации Генерального совета: «теперь мы во всеоружии»[1].

II

Одним из основных вопросов конгресса был вопрос о земельной собственности.

Этот вопрос уже не впервые поднимался на конгрессах Интернационала. Он вызвал споры в Лозанне в 1867 г. и был подвергнут специальному обсуждению в Брюсселе в 1868 г.; Брюссельский конгресс 34 голосами из 64 постановил, что «экономическое развитие современного общества создает общественную потребность перехода пахотной земли во владение общества» и «сдачи земли от имени государства сельскохозяйственным товариществам на условиях, которые обеспечат ее рациональную обработку».

Прудонисты, сторонники частной собственности, оставшиеся в Брюсселе в меньшинстве, высказывали резкое недовольство тем, что земельный вопрос не был обсужден «всесторонне», и после конгресса не раз возобновляли атаку против принятой резолюции. Маркс вновь поставил этот вопрос в порядок дня очередного конгресса, имея в виду в Базеле окончательно рассчитаться с прудонистами и решительно подчеркнуть пролетарски-социалистический характер Интернационала.

Со своей стороны прудонисты тоже готовились к наступлению. «Индивидуалисты,— писал Де Пап Марксу 9 июня 1869 г.,— хотят взять реванш за постановление Брюссельского конгресса, и я очень боюсь, что если на этот раз коллективисты будут поддержаны только брюссельским и руанским докладами, то конгресс будет застигнут врасплох и откажется от выводов, утвержденных в Брюсселе».

Опасения Де Папа оказались преувеличенными. Сторонникам Маркса удалось по вопросу о земельной собственности сплотить вокруг себя огромное большинство делегатов. Противниками обобществления земли выступала только небольшая группа французских прудонистов старого толка (Толен, Шемале, Мюра, Ланглуа, Фрюно). Их аргументы сводились к вульгарной апологетике мелкой собственности и к злобным выпадам против коммунизма.

Толен и Шемале встретили резкий отпор со стороны большинства выступавших в прениях. Конгрессом была принята резолюция, которая признала, что «общество имеет право упразднить частную собственность на землю и превратить ее в общественную собственность» и что «это превращение является необходимостью».

Базельское постановление по земельному вопросу наносило сокрушительный удар буржуазным элементам в Интернационале. Как бы ни была расплывчата по своей формулировке принятая резолюция (что вполне соответствовало составу того весьма пестрого большинства, которое об'единилось на ее почве), она не случайно произвела огромное впечатление и в пролетарской и в буржуазной среде: и там и тут понимали, что речь идет не о догматиче-

[1] Письмо Лесснера Марксу от 8 сентября 1869 г.

ском споре и не о невинной реформе. Базельские решения были вдохновлены Марксом, который еще в 1850 г. заявил: «только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое рабочее правительство может положить конец их экономической нищете и общественной деградации»[1]. Маркс ставил перед Интернационалом вопрос о земле как составную часть вопроса о пролетарской революции. Для того чтобы «поднять крестьян», необходима диктатура рабочего класса; но, для того чтобы завоевать эту диктатуру, необходимо сомкнуть пролетарскую революцию с крестьянской войной.

В речах делегатов Генерального совета в Базеле, несмотря на всю политическую и теоретическую незрелость этих людей, явственно звучат прямые указания Маркса и сказывается та работа, которая была им проделана накануне конгресса. Примером может послужить речь Лекрафта, который требовал, чтобы земля перешла в руки нации, чтобы она стала «собственностью государства и обрабатывалась государством на пользу всему обществу — не под руководством привилегированного меньшинства». Лекрафт решительно выступает против увековечения мелкой собственности; он стоит за то, чтобы «земля обрабатывалась в крупном масштабе с использованием всех сберегающих труд машин, которые только можно применить», и чтобы «наука работала ко всеобщей выгоде». Далее Лекрафт говорит о том, что «рабочий класс должен овладеть политической властью, превратить парламент в рабочий парламент», и только при этом условии будет действительно осуществлен переход земли в руки народа. На преимуществах крупного сельского хозяйства перед мелким настаивают также Лесснер и Эккариус. «В настоящее время, — поясняет Лесснер, — вся выгода, которую приносит крупное сельское хозяйство, попадает в карман немногих. Наука решила вопрос и решила его в пользу общественной собственности».

Базельская резолюция по земельному вопросу имела большое значение для рабочего движения в Англии и Германии; она привела и к известному усилению позиций Интернационала в ряде стран с преобладанием крестьянского хозяйства. В развитие этой резолюции Маркс написал, по просьбе Эппльгарта, свой гениальный набросок о национализации земли, который начинался словами: «Земельная собственность — первоначальный источник всякого богатства — стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса».

С тех пор как были написаны эти строки, пролетариат прошел гигантский путь; его революционная теория, обогащенная опытом десятилетий, поднялась в ленинизме на новую, высшую ступень. Богатейший опыт Первого Интернационала, как и все великое наследство Маркса, получил свое дальнейшее развитие в теории и практике большевизма, в работах Ленина и Сталина. Это относится и к урокам борьбы, которая велась в рядах Первого Интернационала по вопросу о земельной собственности. Прямой путь ведет от борьбы Маркса и Энгельса против реакционных идеологов мелкой собственности — прудонистов — к борьбе Ленина и Сталина против реакционных утопий народничества, против либерально-буржуазных рецептов меньшевика Маслова, против оппортунистических — троцкистских и правокапитулянтских — извращений марксизма в послеоктябрьский период. Без этой последовательной и упорной борьбы на протяжении семи десятилетий была бы немыслима великая победа колхозного строя в советской деревне и тем самым немыслима окончательная победа над капитализмом, которая под гениальным руководством товарища Сталина одержана в нашей стране.

---

[1] Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. VIII.

Борьба вокруг аграрной резолюции Базельского конгресса была последней серьезной схваткой марксизма с прудонизмом. После нее прудонизм в его старой форме был мертв. На заседаниях Генерального совета, предшествовавших конгрессу, Маркс еще счел нужным резко выступить против «сторонников мелкого фермерства, представляющих идеи крестьян-собственников» [1]. Но к тому времени прудонизм уже потерял почву под ногами даже в своей метрополии — в Париже. «Большинство парижских рабочих высказывается в пользу общественной собственности на землю», — заявил Юнг в Генеральном совете после своего возвращения из Базеля; «делегаты, подавшие голос против, не выражают настоящего мнения [парижских рабочих]».

Провал «индивидуалистов» в Базеле свидетельствовал о том, что отходит в прошлое целая полоса истории Интернационала. В течение всего первого периода (1864—1869) этой истории главным вопросом, по которому проходил основной водораздел в Интернационале, был вопрос о цели пролетарского движения; на конгрессах этого периода спорили о собственности, т. е. по сути дела о социализме. Главным и наиболее воинственным противником марксизма в Интернационале был в течение этого периода прудонизм, охарактеризованный еще в «Манифесте коммунистической партии» как «буржуазный социализм». В противовес пролетарскому социализму Маркса «господа парижане» защищали «прудонистски-идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство» [2]. В этой борьбе между пролетарским и буржуазным социализмом Маркс одержал ко времени Базельского конгресса блестящую победу С этого момента в Интернационале было немыслимо серьезное выступление против марксизма под флагом открытой защиты частной собственности. Старый спор об «индивидуализме» и «коллективизме» потерял свою остроту. Отныне всякая сколько-нибудь внушительная оппозиция против руководимого Марксом Генерального совета могла выступать в Интернационале только под прикрытием революционной и социалистической фразеологии. Так оно и произошло на деле: на смену прудонизму пришел бакунизм.

Прудонизм отражал настроения консервативного мелкого собственника, суеверно цеплявшегося за свой клочок земли или за свой ремесленный верстак и еще не потерявшего надежды спастись на путях «взаимопомощи» и «кредита». Бакунизм отражал отчаяние того же мелкого собственника, уже попавшего в тиски пауперизации, неспособного подняться на уровень организованной революционной борьбы и поэтому легко поддающегося влиянию громких мнимореволюционных фраз. Реакционный утопизм Прудона и «левое» кликушество Бакунина уходят корнями в одну и ту же классовую подпочву. Бакунизм — один из классических образцов мелкобуржуазного революционаризма.

Именно в период между Брюссельским и Базельским конгрессами Бакунин энергично развернул конспиративную борьбу в рядах Интернационала, подготовляя открытое выступление против Маркса и марксизма. Бакунин задался целью захватить руководство Интернационалом и навязать ему свою анархистскую программу. Он противопоставил учению Маркса свою собственную «теорию», которую он сам определил как очищенный и реформированный прудонизм. Действительно, бакунинское учение представляло собой «смесь из прудонизма и коммунизма», «понадерганную отовсюду мешанину»,

---

[1] См. отчет в «Beehive», где имя Маркса не названо. В конспекте Постгейта это место звучит определеннее. «Маркс утверждает, что прудонисты являются представителями мелкого крестьянства» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. III, стр 320).

[2] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 478—479.

в которой «главной догмой (по-прудонистски) выставляется воздержание от участия в политике»[1]. Увенчанием этой «теории» была знаменитая «социальная ликвидация»; эта «социальная ликвидация» должна была одним ударом уничтожить капитализм и государство, водворив на их развалинах «анархию юридическую и политическую».

По замыслу Бакунина, созданная им тайная организация, Альянс социалистической демократии, должна была в результате своей заговорщической деятельности захватить «незримую диктатуру» — сначала в рядах Интернационала, а затем и во всем мире — и возвестить пришествие «социальной ликвидации». Попытка Бакунина в декабре 1868 г. легализовать Альянс как особое интернациональное общество внутри Международного товарищества встретила решительный отпор со стороны Маркса. Согласившись по требованию Генерального совета на роспуск Альянса, Бакунин не только сохранил Альянс как тайное общество, но и стал лихорадочно укреплять, собирая силы для открытого удара против Генерального совета.

Ареной для этой первой атаки Бакунин наметил Базельский конгресс. Для этого он поставил себе целью прежде всего стянуть в Базель как можно больше своих приверженцев, чтобы любой ценой получить большинство на конгрессе. «Они (альянсисты) сделали все, чтобы отвести мою кандидатуру в Базель, — писал Юнгу женевец Перре, — и кандидатуру Грослена тоже... Их маневр состоял в том, чтобы послать в Базель исключительно членов Альянса: Генга, Броссе, Бакунина». «Я написал во все места, написал абсолютно всем нашим друзьям, предлагая им встретиться в сентябре, — сообщал Бакунин 29 июля одному из своих главных сподвижников, Ришару. — Вы должны постараться быть многочисленными, так как немцы лезут из кожи вон»... «Все то, что можно было сделать, сделано в полной мере. Горе немцам, которые, судя по слухам, собираются на конгресс, чтобы потягаться с нами». Говоря о «немцах», Бакунин подразумевал, конечно, Маркса и его ближайших сторонников.

Вся эта возня, несмотря на ее сугубо конспиративный характер, не могла остаться незамеченной в Лондоне. Маркс еще не имел на руках доказательств существования тайного Альянса, но не сомневался насчет действительных намерений Бакунина. «Сам Беккер не опасен, — писал Маркс Энгельсу 27 июля 1869 г., — но его секретарь Реми, как нам сообщают из Швейцарии, навязан ему Бакуниным и является орудием Бакунина. Этот русский хочет, повидимому, стать диктатором европейского рабочего движения. Пусть он поостережется, иначе он будет официально исключен». «Что за этим скрывается жирный Бакунин,— отвечал Энгельс,— вполне ясно... Этот проклятый русский и в самом деле думает пробраться при помощи интриг к руководству рабочим движением».

Надежды, которые Альянс возлагал на сентябрьский конгресс, не оправдались. В Базеле Бакунин еще не отважился выступить с открытым забралом и поставить ребром вопрос о политической линии, о составе, о местопребывании Генерального совета. Но Бакунин все же попытался — и не вполне безуспешно — противопоставить по ряду вопросов свою позицию позиции Маркса и дезорганизовать то разнородное большинство конгресса, которое возглавлялось делегатами Генерального совета.

В земельном вопросе альянсисты поддерживали большинство. Но, выступая как бы единым фронтом с Генеральным советом против прудонистов, Бакунин уже в прениях по вопросу о земле возвестил, что все дело в «социальной ликвидации», под которой «он подразумевает упразднение полити-

---

[1] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 483—484, письмо Энгельса Куно от 24 января 1872 г.; там же, стр. 482, письмо Маркса Больте от 23 ноября 1871 г.

ческого и юридического государства». Свою поддержку резолюции большинства Бакунин мотивировал тем, что обобществление земли предполагает якобы «организацию общества снизу вверх», между тем как меньшинство комиссии «все еще говорит о государстве»...

Этот выпад не остался без ответа. Перчатку поднял Эккариус, который, полемизируя с Бакуниным, подчеркнул решающую роль пролетарского государства, без которого лозунг обобществления земли останется пустой фразой. Эккариус указал и на внутреннюю связь между прудонизмом и бакунизмом: «Бакунин в своих беседах с французами заразился, очевидно, их боязнью государства... Государство нельзя переделать, если держаться в стороне от него, и социальное преобразование должно быть произведено посредством той власти, которой рабочий класс сможет овладеть в государстве».

IV

За этой первой стычкой последовал главный задуманный Бакуниным удар — дискуссия о праве наследования.

Сенсимонистский тезис о праве наследования давно составлял одну из самых излюбленных «идей» Бакунина. Во всех вариантах его деклараций, программ и катехизисов этот вопрос занимает одно из центральных мест. Бакунин настаивал на том, что отмена права наследования законодательным путем, в рамках буржуазного государства, станет исходным моментом социалистической революции. Вот почему этот пункт бакунинской программы был намечен Альянсом как предмет генерального сражения в Базеле. Кроме того Бакуниным в этом выборе руководили и чисто тактические соображения.

Предложение поставить этот вопрос в порядок дня конгресса исходило от женевской секции Товарищества и было, разумеется, инспирировано Бакуниным. Уже при предварительном обсуждении вопроса в Генеральном совете Маркс выступил (20 июля 1869 г.) с подробным разбором бакунинского проекта. Маркс без труда разоблачил махровый реформизм, скрытый под мнимой революционностью этого предложения: «такой парламент, — говорил Маркс, — который захочет отменить право наследования и будет обладать достаточной властью, чтобы этого добиться, сможет равным образом провести и экспроприацию».

Маркс не решился доверить Юнгу и Эккариусу самостоятельное изложение на конгрессе позиции Генерального совета по этому вопросу. Маркс снабдил их докладом, который был оглашен на Базельском конгрессе от имени Совета и в котором бакунинская панацея была подвергнута уничтожающей критике. «Как и все гражданское право вообще, — говорит Маркс в этом документе, — законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которое основано на частной собственности на средства производства... Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой... Признать отмену права наследования отправной точкой социальной революции значило бы отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество... Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике».

Контраргументация Бакунина, которую он выдвинул в защиту своего проекта, красноречиво свидетельствует о том, что он сознательно ставил ставку не только на своих сторонников, но и на крайнее правое крыло конгресса. В бакунинской речи о праве наследования — ни слова о «социальной ликвидации»; зато Бакунин изо всех сил подчеркивает, что в отличие от марксистов, связывающих решение этого вопроса с революцией и

экспроприацией, «он и его друзья, предлагая отмену права наследования, руководятся прежде всего именно практическими соображениями». В этой отмене он видит способ осуществить обобществление земли мирным путем, не отпугивая мелкого собственника угрозой экспроприации, «постепенно передавая участки земли в распоряжение общества после смерти их нынешних владельцев»...

Эти маневры Бакунина при отсутствии на конгрессе достаточно твердой и теоретически вооруженной марксистской группы не могли не сказаться в прениях и при голосовании резолюции. Позицию Маркса пытался поддержать в прениях один Де Пап, заявивший, что «источник зла кроется в делении людей на капиталистов и наемных тружеников. Как положить конец такому разделению, — вот та задача, которую надо разрешить». Де Пап сумел, следуя за Марксом, подчеркнуть оппортунистический характер бакунинского рецепта: «противники права наследования рассчитывают на возможность соглашения между капиталистами и рабочим классом», между тем как в большинстве стран «пролетариату придется последовать примеру буржуазии и применить насилие»[1].

Поименный список голосовавших свидетельствует о немалой растерянности значительного числа делегатов: многие голосовали против обеих резолюций, некоторые воздержались — даже Де Пап не голосовал за резолюцию Генерального совета. Предложение комиссии собрало больше голосов чем предложение Генерального совета, но не получило абсолютного большинства. Оба предложения оказались отвергнутыми, и конгресс не вынес никакой резолюции о праве наследования.

Первая демонстративная вылазка Бакунина не увенчалась победой. Но в то же время она показала, что бакунизм стал серьезнейшей угрозой для дальнейшего развития Интернационала. По словам Маркса, базельская схватка была «сигналом к открытой и непрерывной войне, которую Альянс вел не только против Генерального совета, но и против всех секций Интернационала, отвергающих программу этой сектантской лиги и, в особенности, учение о полном воздержании от политической деятельности»[2].

V

Маркс был величайшим организатором. В Генеральном совете Интернационала Маркс неутомимо занимался всеми организационными делами Товарищества, лично входил во все детали и изо дня в день, не покладая рук, строил первую в истории массовую политическую партию пролетариата.

Ко времени Базельского конгресса Интернационал уже далеко ушел от того слабо оформленного об'единения немногочисленных и разрозненных рабочих обществ, каким он был в 1864—1865 гг. Базельский конгресс продемонстрировал огромный рост политического значения Интернационала, который был бы немыслим без пятилетней упорной организаторской работы Маркса в Генеральном совете. Новая полоса в истории Интернационала настоятельно требовала еще большего организационного укрепления рядов Интернационала, и в первую голову—решительного усиления роли Генерального совета. С точки зрения этих задач положение дел в 1869 г. оставляло желать лучшего.

Успехи Интернационала привели к созданию на местах множества новых секций и групп, во главе которых нередко становились сомнительные эле-

---

[1] Некоторый отпор Бакунину был, повидимому, оказан и на заседании комиссии по вопросу о праве наследования, хотя эта комиссия состояла в большинстве из заведомых бакунистов. 8 сентября Лесснер писал Марксу: «Он (Юнг) и Гесс вчера вечером на заседании комиссии по вопросу о наследовании здорово отколотили Бакунина».

[2] Маркс, Мнимые расколы в Интернационале (войдет в XIII том Сочинений).

менты, буржуазные демагоги и карьеристы, злоупотреблявшие именем Интернационала. Многие из местных отделений не только не подчинялись Генеральному совету и не платили установленных членских взносов, но сплошь и рядом не доводили даже до сведения Совета о своем существовании. «Мы встречаем в газетах,—заявил Дюпон в марте 1869 г. на заседании Совета,—множество извещений о присоединении [к Интернационалу], но не получаем об этом официальных уведомлений».

Вопрос о правах Генерального совета и его взаимоотношениях с местными секциями приобретал особое значение в связи с развертыванием конспиративной деятельности Альянса. Наруку Бакунину играл в этот период и И.-Ф. Беккер, который выдвинул нелепый организационный проект, в корне противоречивший принципам Интернационала: превратить Товарищество в систему об'единений по признаку языка. Если бы этот план был проведен в жизнь, то руководство местными отделениями перешло бы к «языковым центральным комитетам»; другими словами, роль Генерального совета была бы сведена на нет, а его место заняли бы в первую очередь немецкий и французский «языковые» комитеты с местопребыванием их... в Женеве. Как только Маркс и Энгельс получили женевский «Vorbote» с беккеровским проектом[1], им сразу стала ясна бакунинская подоплека этой «архиреакционной идеи, достойной панславистов». Они встретили, разумеется, эту затею в штыки. Бебель и Либкнехт (эйзенахцы) поддержали их в этом вопросе; в других странах женевский план тоже не нашел сторонников и, таким образом, блистательно провалился.

Чем ближе к Базельскому конгрессу, тем чаще и настойчивее Маркс ставит вопросы централизации Товарищества и укрепления дисциплины в его рядах. Об этом красноречиво свидетельствуют протоколы Генерального совета и переписка Маркса и Энгельса. Интернационал не мог бы расти и развиваться без этой упорной борьбы против мелкобуржуазной раздробленности, распущенности, сектантской ограниченности, без этой последовательной борьбы Маркса за пролетарскую партийность.

К сожалению, отчеты не дают ясного представления о ходе обсуждения организационных вопросов на самом Базельском конгрессе: этим вопросам по соображениям конспирации были посвящены особые, закрытые заседания. Во всяком случае, по этому пункту Бакунин в Базеле еще не решился открыть свои карты. Конгрессом был принят ряд решений, укреплявших Интернационал и значительно расширявших права его руководящего органа. Особое значение имели пункты 5, 6 и 7, предоставлявшие Генеральному совету право принимать новые секции или отказывать им в приеме, исключать секции на время до очередного конгресса и разрешать конфликты между местными организациями. В силу этих пунктов Генеральный совет облекался полномочиями, которые за ним ранее оспаривались и которые в дальнейшем облегчали Марксу задачу борьбы против его «антиавторитарных» противников.

Не даром базельские решения по организационным вопросам так часто фигурируют в последующей истории Товарищества. К базельским решениям тесно примыкают резолюции Лондонской конференции 1871 г., написанные, главным образом, Марксом и Энгельсом и заостренные против анархистов. В ходе этой борьбы в рядах Интернационала Маркс и Энгельс создавали и развивали те гениальные «основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата»[2], которые впоследствии послужили фундаментом учения Ленина и Сталина о пролетарской партии.

---

[1] «Der Vorbote» № 7, июль 1869 г., стр. 102—107, резолюция «Центрального комитета группы секций немецкого языка» за подписями Беккера, Реми и др.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма. 9-е изд., стр. 266.

* * *

1869 год был годом поворота во всей истории Международного Товарищества Рабочих. Победы, одержанные марксизмом в Интернационале, и в частности—разгром прудонизма поднимали Товарищество на новую, более высокую ступень. Со времени Базельского конгресса в центре борьбы внутри Интернационала стоит уже не вопрос о собственности, не вопрос о социализме как цели рабочего движения, а вопрос о пути пролетариата к социализму, точнее: о политической борьбе как методе революционного действия рабочего класса; о централизованной и дисциплинированной партии как руководителе пролетариата в этой борьбе; о пролетарской диктатуре как орудии социалистического переустройства общества. Именно по этим вопросам, которые отныне стали вопросами жизни и смерти Интернационала, бакунизм со времени Базельского конгресса повел бешеную наступательную войну против Маркса и Генерального совета. Вот почему все дальнейшее развитие Интернационала не могло не протекать в острейшей борьбе против бакунизма.

Базельский конгресс составляет, таким образом, важнейший рубеж, разделяющий два этапа в борьбе Маркса за революционно-пролетарскую линию в Первом Интернационале. Изучение Базельского конгресса и связанной с ним деятельности Маркса является поэтому одним из важнейших условий правильного понимания истории первой международной пролетарской партии.

---

28 сентября 1934 г. исполнилось 70 лет с тех пор, как в Лондоне, в зале Сент-Мартинс-Холл, на собрании рабочих различных национальностей, был учрежден Интернационал. Гигантский путь прошел мировой рабочий класс от Первого Интернационала до Третьего, от Сент-Мартинс-Холла до красной Москвы, от Учредительного манифеста, написанного Марксом осенью 1864 года, до работ Ленина, до работ и речей Сталина, каждая из которых является новой вехой на пути развития и обогащения марксизма-ленинизма.

Коммунисты с полным основанием провозгласили себя преемниками Первого Интернационала. Одержана великая победа над капитализмом в Советском союзе. Растет большевизм во всех странах Запада и Востока—вопреки неистовствам фашистского террора, вопреки лихорадочной деятельности «правосудия» и полиции в так называемых «демократических» странах. Все это свидетельствует о том, что мировая партия Ленина и Сталина героически продолжает и победоносно завершит дело, начатое 70 лет тому назад славным Международным Товариществом Рабочих.

М. ЗОРКИЙ

КОН'ЮНКТУРНЫЙ ОБЗОР

Экономика мирового капитализма за 6 месяцев 1934 г.

Прошло уже более двух лет с тех пор (июль 1932 г.), как производство мировой капиталистической промышленности перешагнуло низшую точку. Прежние капиталистические кризисы показывают, что после того как промышленное производство достигало «дна», как правило, проходило не более года до нового под'ема к докризисному уровню. Депрессии сравнительно быстро сменялись общим оживлением и под'смом; промышленное производство достигало затем более высокого уровня чем в предыдущем цикле.

Хотя за эти два года производство по сравнению с самой низшей точкой и поднялось, оно для мирового капитализма в целом не только не достигло уровня 1929 г., но отстоит от него в настоящее время даже дальше чем в прошлом году.

Уже одно это показывает особый характер современной депрессии, протекающей в условиях общего кризиса капитализма. Движение производства за эти два года носит чрезвычайно неравномерный характер: кратковременные периоды сравнительно быстрого роста сменяются длительным спадом. Последняя волна повышения, начавшаяся в конце 1933 г., уже с марта 1934 г. уступила место убыстряющемуся новому сокращению мирового капиталистического промышленного производства. Еще в начале июля Берлинский кон'юнктурный институт констатировал: «В мировом хозяйстве, после того как в первые месяцы этого года имело место сильное оживление, снова усилилось известное беспокойство. Мировое промышленное производство едва увеличилось с марта» [1].

Фактически же с марта началось довольно заметное падение индекса мирового капиталистического производства. Это падение, по всем данным, продолжается вплоть до настоящего времени [2].

Характерно, что если в прошлом году рост производства продолжался до июля (правда, он начался позже чем в этом году), достигнув уровня 86,3 (1928 год равен 100), то в 1934 г. перелом произошел уже в марте, когда был достигнут максимум этого года, равный всего 82. Таким образом достигнутый в этом году максимум мирового промышленного производства еще значительно отстает от уровня 1929 г., когда он составлял 106,0; в настоящее время уровень производства ниже чем в прошлом году.

---

[1] «Кон'юнктура летом 1934 г.», стр. 79. Квартальный обзор Берлинского кон'юнктурного института. 9-й год изд., 2-я тетрадь. Часть А. 1934.

[2] Было время, когда Берлинский кон'юнктурный институт должен был признать, что «если мы хотим проследить движение производства в капиталистических странах, то целесообразно не включать в мировой индекс промышленность СССР» (см. «Промышленное хозяйство» 1860—1932 гг. Берлин. 1933). Однако фашистское руководство Института теперь снова преподносит читателю «единый» индекс, включая промышленную продукцию СССР в общий мировой индекс. Таким образом успехи нашей социалистической промышленности мошеннически используются фашистскими «кон'юнктуроведами» для прикрашивания капиталистической действительности.

В этом неуверенном, сопровождающемся частыми срывами движении промышленного производства находит свое выражение особый характер современной депрессии, не создающей условий для действительного быстрого роста промышленности, который неизбежно наталкивается на все суживающиеся рамки рынка.

Снижение индекса мирового капиталистического производства за последние месяцы вытекает прежде всего из резкого свертывания американской промышленности, которая отличается особенно резкими колебаниями.

В 1933 г. с марта (месяц банковской катастрофы) по июль индекс поднялся с 54 до 90 (1928 год равен 100), а к ноябрю снова упал до 65. С конца 1933 г. начался новый рост, который закончился в мае на уровне 77 (следовательно, на значительно более низком уровне чем в 1933 г.). За последние три месяца снова происходит резкое сокращение производства, в результате которого индекс уже в августе составил 66[1].

Следовательно, в настоящее время производство лишь незначительно превышает уровень 1933 г., который составлял 59% докризисного.

Не столь быстрое, но зато непрерывное свертывание промышленного производства происходит и во Франции. За последний год из месяца в месяц индекс промышленного производства во Франции снижается. В июле 1933 г. индекс промышленного производства составлял 112, а к июлю этого года он снизился до 97 (1913 год равен 100) против 96 в среднем в 1932 г.

Несколько иную картину показывает развитие промышленности в Японии, Германии и Англии. Благодаря главным образом военно-инфляционной кон'юнктуре в Японии уже с 1932 г. наблюдается рост промышленного производства. За эти годы общий об'ем промышленного производства превысил примерно на 40% уровень 1928 г.

С 1932 г. имел место довольно устойчивый рост промышленного производства в Англии. Во II квартале 1934 г. промышленное производство в Англии впервые превысило, правда, всего на 0,8%, размеры прежнего максимума, достигнутого в последнем квартале 1929 г. С июня этого года и в Англии наблюдается свертывание промышленного производства.

В Германии официальная статистика, все время утверждавшая, что налицо быстрый рост промышленного производства, с июня также вынуждена констатировать новое свертывание промышленности.

Данные о положении в отдельных странах наглядно показывают новое ухудшение положения мировой капиталистической экономики. Это ухудшение является следствием тех острейших противоречий, которые все резче проявляются в современной депрессии особого рода.

* * *

Со все большей очевидностью обнаруживается, что теперь, в условиях общего кризиса капитализма, не создаются предпосылки для широкого обновления, технической модернизации и расширения производственного аппарата капиталистической промышленности. За годы кризиса произошла огромная централизация капитала. «...Кризисы—всякого рода, экономические чаще всего, но не один только экономические, в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии», — подчеркивал Ленин[2].

Банкротство огромного числа мелких, средних и даже отдельных крупных капиталистических предприятий, огромная волна протекционизма, не-

[1] См. «Экономическая кон'юнктура в Соединенных штатах» в «Дер дейче фольксвирт» от 31 августа 1934 г. Взят индекс Федеральной резервной палаты, перечисленный на 1928 г., причем данные за июль и август ориентировочные.

[2] Собр. соч. 3-е изд. Т. XIX, стр. 92.

посредственное содействие государства крупным монополиям и т. д. привели за последние годы к гигантскому усилению мощи верхушки финансового капитала.

Как далеко зашли процессы централизации капитала, показывают, например, последние данные о числе банков в США: если летом 1929 г. в стране имелось 25 110 банков, то летом 1934 г. число их сократилось до 14 826. Не менее яркие примеры централизации капитала мы видим и в промышленности. Однако в условиях современного кризиса этот процесс характеризуется в основном централизацией капитала, не сопровождающейся соответственной концентрацией производства на основе новой техники. Излюбленной формой об'единения все больше становятся картели, включающие и многочисленные отсталые предприятия. По существу, в том же направлении действуют и государственные мероприятия. НИРА в США, создание многочисленных принудительных картелей в Германии, правительственные проекты «реорганизации» угольной, металлургической и текстильной промышленности в Англии фактически означают образование многочисленных картельных об'единений, добивающихся монопольного положения на рынке путем повышения цен, сокращения производства и стремящихся усилить возрастание капитальной стоимости. Такой процесс централизации капитала является в первую очередь выражением все усиливающегося капиталистического загнивания и паразитизма. «Техническая концентрация прогрессивна в технике, — писал Ленин, — финансовая может укреплять и **укрепляет** всесилие монопольного капитала **при отсталой** технике...»[1].

Но картелирование, гарантирующее сбыт и рентабельные цены даже технически отсталым предприятиям, лишает их стимула к введению новых технических усовершенствований, к массовому обновлению основного капитала. Финансовый капитал в настоящее время видит все зло в «излишнем» производственном аппарате, который не позволяет одновременно значительно ограничить производство и обеспечить рентабельность предприятий. «Во Франции так же как и во многих других развитых промышленных странах после войны образовалась полнейшая диспропорция между национальной промышленной мощностью и национальным потреблением», — констатирует, например, последний официальный английский отчет о современном экономическом положении во Франции[2].

Не надеясь на возможность значительно расширить потребление, монополистические союзы направляют теперь все усилия на разрушение «излишней» части производственного аппарата. Создаются специальные общества, занимающиеся сломом и сносом устаревших промышленных предприятий. В Англии планы «реорганизации» основных отраслей промышленности в основном сводятся к уничтожению значительной части производственного аппарата. В Германии правительство запрещает новое строительство во все большем числе отраслей промышленности.

Ничего пока не слышно о проектах, предусматривающих крупное расширение и обновление основного капитала промышленности, зато чрезвычайно многочисленны всякого рода планы, направленные к разрушению промышленного аппарата и к ограничению производства. Капиталисты ищут теперь снижения себестоимости и увеличения рентабельности почти исключительно на путях интенсификации труда, удлинения рабочего дня, снижения зарплаты и повышения цен. Понятно, что в этих условиях новые частные капиталовложения сравнительно незначительны, и все усиливающиеся монопольные об'единения становятся теперь еще больше чем прежде тормозом технической модернизации производства. Поэтому на-

[1] Ленинский сборник XXII, стр. 324.
[2] «Экономическое положение во Франции», стр. 626. Лондон. 1934.

блюдающееся возрастание спроса на средства производства об'ясняется главным образом заменой изношенных уже машин или накоплением запасов в торговой сети.

Это, конечно, не исключает нового строительства и модернизации производства в отдельных предприятиях и концернах. Но опыт последних двух лет, начиная с первого американского «бума» 1932 г., показывает, что за все эти годы не было такого массового расширения и обновления основного капитала, которые могли бы создать прочную базу для дальнейшего роста производства тяжелой промышленности.

Сокращение производства тяжелой промышленности (например загрузка американской стальной промышленности упала с 60% весной 1934 г. до 18% в начале сентября[1]), происходящее за последние месяцы в ряде капиталистических стран, в основном вытекает из отсутствия длительного спроса на средства производства.

«Для того чтобы достигнуть более продолжительного оживления деятельности, — пишет «Джерналь оф коммерс», анализируя перспективы американской стальной промышленности, — необходимо, чтобы частные предприниматели снова приступили к строительству и замене средств производства на нормальном уровне при помощи капиталов, привлеченных через частные финансовые каналы. Стальная промышленность в большей степени чем большинство других зависит от готовности деловых людей делать длительные инвестиции. Без них стальная промышленность испытывает сравнительно оживленную деятельность только в течение короткого времени и то только с помощью таких искусственных мероприятий, как программа общественных работ»[2].

Между тем, как сообщает другой руководящий финансовый орган, «Уолл-стрит джерналь», «становится все более ясным, что стальной промышленности предстоит период... отсутствия спроса на такие изделия, как рельсы, оборудование, и т. д.»[3].

Отсутствие широкой частной инвестиционной деятельности во всех капиталистических странах подтверждается также низким попрежнему уровнем эмиссии капиталов и сокращением банковского кредитования.

Слабость процессов частного инвестирования в известной мере компенсируется за последние годы проведением в жизнь различных государственных мероприятий, направленных к «оживлению» хозяйственной деятельности, тесно связанных с развертыванием подготовки к войне во всех капиталистических странах. Рост затрат на вооружение лишь в слабой степени отражается в данных «Ежегодника вооружений», издаваемого Лигой наций; в последнем выпуске этого «Ежегодника» указывается, что в 1933 г. расходы на вооружение составили самую высокую сумму за последние годы (4399 млн. золотых долларов против 3522 млн. в 1925 г., когда эти данные впервые стали учитываться).

Проведение в жизнь различных государственных схем, выполнение военных заказов, конечно, создают условия для быстрого роста промышленного производства в ряде стран, особенно в Японии и Германии. Неуклонный рост продукции тяжелой промышленности в Германии без соответствующего расширения экспорта и спроса со стороны перерабатывающей промышленности подтверждает, что она работает на войну. Этот факт уже неоднократно подчеркивался.

---

[1] Ухудшающееся положение стальной промышленности в США видно также из падения отгрузок Стального треста, которые составили в июле 1934 г. 370 тыс. т против 985 тыс. т в июне и 701 тыс. т в июле 1933 г. Самая низкая кризисная точка составляла 257 тыс. т (март 1933 г.).

[2] «Джерналь оф коммерс» от 20 августа 1934 г.

[3] «Уолл-стрит джерналь» от 21 августа 1934 г.

Усиление спроса этого рода на промышленные изделия неизбежно ведет к огромному напряжению экономических сил страны и, как мы видим на опыте Германии, приводит народное хозяйство к катастрофическому положению. В то же время постоянное подталкивание производства со стороны государства фактически означает, что малейшее сокращение государственных субсидий сразу вызывает резкий срыв кон'юнктуры. «Дер Дейче фольксвирт», анализируя американскую кон'юнктуру, пишет: «После полугодового непрерывного под'ема хозяйственной деятельности, обусловленного государственными мероприятиями «накручивания», экономика США с начала июня испытывает новые ухудшения, вследствие того что консолидация хозяйства и социальной атмосферы весной не пошла настолько далеко, чтобы вызвать действительное оживление частной инициативы. Все считали возможным наступление в летние месяцы сверхсезонного ухудшения кон'юнктуры, однако фактические размеры этого ухудшения далеко превосходят эти ожидания»[1].

* * *

Огромное влияние на развитие капиталистической кон'юнктуры имеют явления, происходящие в области мировой торговли и финансов. Здесь в отличие от промышленного производства даже не наблюдалось повышения; наоборот, неуклонно продолжается сокращение об'ема мировых хозяйственных связей.

За последние четыре года движение внешней торговли (по первым полугодиям каждого года) рисуется следующими цифрами:

Индекс мировой торговли[2]

1928 = 100	1933 = 36,6
1931 = 62,4	1934 = 33,8
1932 = 41,1	

Хотя темпы сокращения размеров мировой торговли за последний год и уменьшились, но все же неуклонно продолжается снижение; при этом нельзя забывать, что за эти годы в целом имелся все же довольно значительный рост размеров промышленного производства по сравнению с 1932 г.

Сокращение об'ема внешней торговли вытекает из всей совокупности автаркических мероприятий капиталистических стран.

Эпоха, когда движение импорта регулировалось исключительно таможенным тарифом, все больше отходит в прошлое. Чудовищный демпинг в состоянии пробить любую таможенную стену. В качестве мер охранения внутреннего рынка от иностранного ввоза все больше выдвигаются контингенты, валютные ограничения, и т. д. Например во Франции, где система импортных квот была введена только летом 1931 г., уже к началу 1934 г. из 7 тыс. статей таможенного тарифа не менее 3 тыс. (из которых ⅔ относятся к промышленности) касалось товаров, которые могут быть ввезены лишь в пределах установленных контингентов по специальным лицензиям[3].

Какое значение для вывоза отдельных стран имеют новые методы «регулирования» импорта, показывают, например, данные по Германии, из

[1] «Дер дейче фольксвирт» от 31/VIII 1934 г.

[2] «Хозяйство и статистика», стр. 531. Изд. Германского статистического управления. Август 1934 г., № 16. Индекс вычислен на основе золотых цен.

[3] См. цитированный выше отчет «Экономическое положение во Франции», стр. 670, а также «Файнаншиэл таймс» от 22/VIII 1934 г.

которых видно, что в 1933 г. 43,4% германского экспорта составляли товары, ввоз которых регулировался в других странах контингентами, и 15,7% составляли товары, регулируемые девизными контингентами.

Комментируя эти цифры, Берлинский кон'юнктурный институт пишет: «Во всем мире применяются теперь многочисленные виды регулирования торговли: торговые монополии и запрещение ввоза, новые пошлины и преференциальные тарифы, ценностные и количественные контингенты, автономные и договорные контингенты, девизное регулирование, разрешительные системы, и т. д. сделались во всевозможных комбинациях орудием торговой политики»[1].

Фашистский экономический орган забывает добавить, что эту современную торговую политику в первую очередь проводит само германское правительство. После ряда всевозможных ограничительных мероприятий по импорту германское правительство в сентябре распространило разрушительно-лицензионную систему на ввоз почти всех товаров.

В результате этих автаркических мероприятий отрасли промышленности, выросшие на экспорте, продолжают переживать глубочайший кризис, что неизбежно отражается на всем народном хозяйстве в целом. Поэтому даже самые оптимистические буржуазные оценки кон'юнктуры ограничиваются утверждением, что речь идет только об оживлении на внутреннем рынке. Так например редактор крупнейшей английской финансовой газеты «Файнаншиэл ньюс», Гобсон, недавно писал[2]:

«То оживление, которое наступило после современной депрессии в этой (т. е. в Англии) и некоторых других странах, относится почти исключительно к внутренней торговле в отличие от внешней торговли... Если правительства большинства руководящих стран мира, включая и наше, будут продолжать подобную националистическую политику (а отсутствуют признаки, что они этого не будут делать), будущее развитие принесет разочарование».

Наступившее за последние месяцы ухудшение в экономическом положении Англии отчасти об'ясняется и тем, что экспорт, от которого зависят основные отрасли английской промышленности, не соответствовал росту производства.

«В некоторых кругах задают вопрос, — пишет орган другого крупного английского банка, — не достигло ли восстановительное движение своего зенита, не достигли ли уже мы лимита экспансии нашей промышленности. Независимо от того, каков будет ответ на этот вопрос, совершенно неизбежно достижение того пункта, после которого нужно ожидать ухудшения, если не наступит значительное расширение экспорта»[3].

Отсутствие условий для роста промышленного экспорта важнейших капиталистических стран ухудшает и возможности импорта для этих стран. Характерно в этом отношении положение Германии, которая за последние месяцы, как известно, принуждена была резко сократить импорт сырья, готовых изделий и продовольствия из заграницы. А это в свою очередь не может не отразиться на положении стран, являющихся главными поставщиками сырья и продовольствия на мировых рынках[4].

В целом это не может не вести к ухудшению экономического положения во всем капиталистическом мире.

---

[1] См. цитированный обзор «Кон'юнктура летом 1934 г.».

[2] См. его статью «Экономическое восстановление и будущее» в месячном бюллетене «Ллойдс банк» за июль 1934 г.

[3] Обзор «Вестминстер банк» за август 1934 г.

[4] Достаточно, например, отметить, что в 1931 г. импорт в Германию в мировом экспорте хлопка составлял 11%, шерсти—16%, железной руды—27%, меди—18%.

* * *

Развал мировых хозяйственных связей продолжается не только в области торговли, но и в кредитно-денежной сфере. Валютная борьба идет с полной силой; будущее важнейших валют все еще остается чрезвычайно неопределенным. Английский «Статист» недавно, например, писал: «Растет убеждение, что в конце этого года нужно ожидать в Соединенных штатах дальнейших валютных экспериментов»[1].

Недавнее новое снижение курса английского фунта является ярким проявлением валютной борьбы. Германская марка находится накануне катастрофы.

Колебание валют, неустойчивость экономического и политического положения, массовые банкротства привели к резкому сокращению кредитования мировой торговли. По данным Банка международных расчетов, общая сумма краткосрочных кредитов за последние годы сокращалась следующим образом: в конце 1930 г. международная краткосрочная задолженность составляла 70 млрд. швейцарских франков, в 1931 г. она упала до 45 млрд., в конце 1932 г.—до 39 млрд. и в конце 1933 г.—до 32 млрд. швейцарских франков. Но из этих 32 млрд. кредиты, которые в настоящее время являются «замороженными», составляют 11,5 млрд. франков.

Такое резкое сокращение кредитования в свою очередь способствует сокращению мировой торговли, ухудшению возможностей обмена товарами между отдельными странами. К этому прибавляется продолжающееся отсутствие значительного долгосрочного экспорта капитала. Еще в 1928 г. четыре важнейших страны—экспортеры капиталов: США, Англия, Франция и Голландия — экспортировали 2.8 млрд. долларов, а в 1933 г. экспорт составил всего 0,4 млрд. долларов. Экспорт капитала за последнее время возобновила частично только Англия, причем, согласно новому постановлению английского правительства от 19 июля 1934 г., экспорт капитала разрешается только в целях расширения английского экспорта или укрепления «стерлингового блока».

Другими словами, даже этот ограниченный экспорт капитала служит исключительно усилению английских позиций на мировом рынке и не может, следовательно, не обострить еще более валютную и торговую войну.

* * *

В развитии аграрного кризиса за последние месяцы произошло дальнейшее обострение, вызванное в первую очередь огромным неурожаем в ряде важнейших капиталистических стран. При этом нужно подчеркнуть, что неурожай нельзя об'яснять исключительно природными явлениями, в частности засухой. Катастрофические последствия засухи в значительной мере об'ясняются деградацией сельского хозяйства в капиталистических странах за годы кризиса, сокращением применения удобрения, худшей обработкой земли, и т. д.

Размеры неурожая этого года в США видны из следующей таблицы:

Урожай в США[2]

(в млн. бушелей)

	1927—1931 гг.	1934 г.
Пшеница	886	491
Маис	2516	1607
Овес	1187	545

[1] «Статист» от 24/VIII 1934 г.
[2] «Экономист» от 25/VIII 1934 г.

Насколько серьезны последствия засухи для сельского хозяйства США, показывает оценка, сделанная «Экономистом»: последний считает, что каждый пятый фермер в Америке будет затронут засухой. Если сокращение урожая поведет к повышению цен, то основная масса фермеров не получит от этого никакой выгоды, поскольку она не будет иметь продуктов для продажи на рынке [1]. В то же время повышение цен на сельскохозяйственные продукты неизбежно ухудшит бюджет трудящихся масс города и, следовательно, уменьшит их покупательную способность в отношении изделий промышленности. В американском буржуазном органе «Анналист» недавно появилась серия статей о положении сельского хозяйства в США в связи с неурожаем. Автор этих статей пишет: «Засуха в значительной части сельскохозяйственных районов, уничтожение урожая и стад, сокращение засеянной площади приведут к сокращению снабжения продовольствием до таких размеров, что цены поднимутся выше покупательной способности миллионов населения» [2].

Понятно поэтому, что неурожай не может не отразиться на положении промышленности. «Свертывание производства в настоящее время, — пишет один из наиболее серьезных американских буржуазных экономистов, Айрес, — в значительной степени об'ясняется засухой, которая превратилась в бедствие» [3].

* * *

Что касается положения рабочего класса, то два года, истекшие со времени перелома в развитии кризиса, показали, что несмотря на рост производства отсутствуют какие-либо признаки значительного уменьшения хронической безработицы — этой характерной черты общего кризиса капитализма.

Промышленное производство в Англии в этом году перешагнуло докризисный уровень, а между тем безработица в Англии в настоящее время вдвое выше чем в 1929 г. и, по официальным данным, превышает 2 млн. человек. В США, даже по оценке желтых профсоюзов, число безработных составляет больше 10 млн. человек. Что касается Германии, то данные об уменьшении числа безработных, публикуемые фашистской печатью, свидетельствуют не столько о «нормальном» втягивании рабочей силы в производство, сколько о том, что значительная часть безработных занята теперь на различных «общественных работах». В то же время в результате снижения зарплаты и продолжающегося повышения розничных цен реальная зарплата рабочих в капиталистических странах продолжает уменьшаться.

Упомянутый нами отчет о «достижениях» Рузвельта должен был констатировать, что за истекший период стоимость жизни возросла на 9,6%, в то время как номинальная зарплата рабочего, по этим данным, увеличилась всего на 8,5%. Другими словами, как пишет лондонский «Таймс», «рабочий, даже имеющий работу, живет теперь хуже чем раньше» [4]. Рост дороговизны, наступление предпринимателей на рабочих вызывают все больший отпор со стороны пролетариата капиталистических стран. Волна забастовок все шире разливается по капиталистическому миру. «Никогда еще в США не было столько забастовок, — пишет, например, «Нейе

---

[1] «Высокие цены на сельскохозяйственные товары не означают соответствующего увеличения доходов фермеров»,— констатирует один из недавно опубликованных официальных отчетов о «достижениях» политики Рузвельта.

[2] «Анналист» от 24 VIII 1934 г.

[3] Цитирую по «Нью-Йорк геральд трибун» от 16/VIII 1934 г.

[4] В этом же отчете указывается, что в настоящее время за счет благотворительности в США живет 4 млн. семейств, или, как пишет «Таймс» (от 4/VII), не менее 20 млн. человек влачат нищенское существование!

фрейе пресс»,—и, во всяком случае, не было такой готовности к забастовкам, как в настоящее время» [1].

Рост революционного движения внушает все большее беспокойство господствующим классам. «Жизненный уровень нельзя снижать продолжительное время без того, чтобы страдающие от него народные массы не революционизировались» [2],—угрожал недавно Шахт, обращаясь к иностранным кредиторам. И хотя эти слова имели целью напугать правительства стран-кредиторов и побудить их к уступкам по отношению к германской задолженности, — безусловно, они в то же время выражают тревогу германской буржуазии за свою судьбу.

* * *

Наш обзор показал, что последние месяцы развития кон'юнктуры мирового хозяйства проходят под знаком ухудшения. «Успехи восстановления определенно ослабели», — констатирует в своем последнем месячном обзоре «Экономист» [3], анализируя положение мирового капитализма в целом.

В осенние месяцы в связи с обычным сезонным оживлением возможен некоторый новый рост производства в ряде стран. Но продолжающееся падение покупательной способности широких трудящихся масс, сокращение об'ема мировой торговли, отсутствие предпосылок для широкой инвестиционной деятельности в промышленности ведут к тому, что и этот рост промышленного производства снова должен будет уже в зимние месяцы закончиться новым спадом. С каждым месяцем множатся признаки того, что развитие современной депрессии особого рода пока не несет в себе предпосылок для нового экономического под'ема мирового капитализма.

М. ИОЭЛЬСОН

[1] «Нейе фрейе пресс» от 17 VIII 1934 г.
[2] «Дейче бергверксцейтунг» от 31 VIII 1934 г
[3] «Торговое приложение» от 25,VIII.

Лицо современного германского милитаризма

«Дейче вер» («Германская оборона») №№ 1—24 за 1934 г.

«Армия, за которой не стоит твердая воля государства к мужественному самоутверждению, теряет основу своего права на существование. Вооруженная сила, которая не имеет глубоких корней в почве воински мыслящего народа, обречена на оскудение в своих лучших стремлениях».

Этими словами военного министра Бломберга начинается новогодняя передовая статья германского военного журнала «Дейче вер». Журнал этот не является официальным органом военного министерства, но он близок к рейхсверу и к руководящим кругам офицерства и группирует вокруг себя «цвет» империалистической военщины Германии. Вот почему тема, с которой журнал начинает 1934 г., приобретает чрезвычайный интерес,—это вопрос о взаимоотношениях между рейхсвером и фашистской диктатурой. Статья, о которой мы говорим, полна славословий по адресу «Третьей империи», которая подняла-де армию на небывалую высоту, вернула ей старое почетное место в системе капиталистического государства. Журнал указывает, что при Веймарской республике рейхсвер был выразителем «военной воли меньшинства». Он был «государством в государстве», и лишь теперь он полноправно вступил в «Третью империю». Журнал опровергает мнение, что рейхсвер не оказывал активной поддержки фашистскому движению:

«Оба великих соратника национальной воли к борьбе: могущественное народное движение, созданное и ведомое к победе Адольфом Гитлером, и армия — оба имеющие одно и то же происхождение, оба служащие одной цели, если даже до сих пор шли различными путями, слились теперь в одно целое, которое никто в Германии никогда не сможет разбить. И Гитлер в Мюнхене, на собрании командиров, назвал это воплощением лучших своих надежд».

Журнал подчеркивает, что если бы не поддержка рейхсвера, национал-социалисты не пришли бы к власти:

«Солдат мог поэтому (при Веймарской республике.—*И. Л.)* внешне несколько стушеваться на политической арене, отдаться выполнению чисто военных задач. Сделать, однако, на основании этой внешней картины заключение, что армия вообще стояла встороне, было бы ошибкой. Вождь часто об этом говорил, например в Ганновере: «Если бы армия в дни революции не стояла на нашей стороне, нас бы здесь не было. Мы можем заверить, что мы никогда этого не забудем».

Цитируя эти слова Гитлера, журнал указывает, что фашистская диктатура поставила армию на почетнейшее место, сделала ее центром внимания, превратила в «цвет нации». Здесь и указание на старые гогенцоллерновские флаги, которые вновь развеваются над казармами и над кораблями, здесь и подчеркивание того обстоятельства, что за армией стоит народ, воодушевленный «военной волей» и готовый бороться за свое «равноправие» и за свое «самоутверждение».

Германская военщина солидаризируется с фашистской диктатурой, которая называет себя «носительницей солдатского духа», которая не только уделяет особое внимание казармам рейхсвера, но и превращает всю Германию в сплошную военную казарму. К этой теме («единение» с фашизмом) журнал возвращается неоднократно. В № 10, в передовой статье, посвященной вопросу о создании «государственного учения о войне», журнал дает развернутую программу военно-фашистской идеологии. Он указывает, что «наука о войне» должна пронизать все стороны народного воспитания, ликвидировать все те либеральные, пацифистские иллюзии, которые еще живы в народном сознании.

«В эпоху либерализма, — читаем мы, — предоставлено было отдельным людям заниматься вопросами войны и разрешать возникавшие в связи с этим проблемы с собственной точки зрения. Правительство было далеко от того, чтобы стремиться к единой установке в этом вопросе, имеющем решающее значение как для государственно-политического обучения населения, так и для воспитания готовности приносить жертвы отечеству. В результате этого упущения в широких кругах населения господствовало полное непонимание сущности и причин войны; оценку вопросов обороны страны определяли не понимание и знание дела, а чисто личные чувства и пожелания, чуждые представления... Подобное развитие было возможным лишь вследствие того, что государство тогда отказывалось от широко поставленного и пронизанного единой идеей воспитания масс. Для нового государства, поставившего перед собой великие задачи воспитания народа в духе национал-социалистского мировоззрения, подобный ход вещей («Laufen lassen der Dinge») просто невозможен. Создание государственного учения о войне выдвигается как настоятельная задача для духовного цементирования нового государства».

Что же это за «наука о войне», которую возвещает германский военный журнал? Это та самая наука, которую проповедует известный Эвальд Банзе, указывающий, что «война отделяет сегодняшнюю германскую нужду от завтрашнего германского счастья». Наука о войне — это, по словам Банзе, наука о том, как собирать все материальные и интеллектуальные силы для нужд войны, это своего рода новая военизированная философия эпохи загнивающего и умирающего капитализма. Как известно, германское правительство запретило слишком откровенные книги Банзе («Wehrwissenschaft» [1], «Volk und Raum im Weltkrieg» [2]), так как заграницей поднялся вокруг них большой шум. Но военному журналу, имеющему ограниченный круг читателей, главным образом из военной верхушки, нечего стесняться. Он преподносит свою «науку о войне» без всяких недомолвок и околичностей. Прежде всего он устанавливает, что война — явление «вечное и неустранимое»:

«Когда мы задаемся вопросом о причинах происхождения войны в жизни народов, то оказывается, что эти причины лежат вне границ нашего познания. Если бы война принадлежала к сфере рационального, то, можно быть уверенным, человеческий разум давно бы позаботился об ее окончательном устранении».

Итак, война — явление неизбежное, внеисторическое, она была, есть и будет. Как будто германские милитаристы не слыхали, что «война есть продолжение политики иными средствами», как будто им так-таки совершенно неизвестно, что войну делают господствующие в капиталистических странах классы, что войну делают в первую очередь авторы «наук о войне» и те, чьими военными и идеологическими приказчиками они

---

[1] «Наука об обороне».
[2] «Народ и пространство в мировой войне».

являются. Современные германские милитаристы систематически стараются вытравить из сознания формулу Клаузевица, что война есть продолжение политики иными средствами. Генерал Сект в своих «Мыслях солдата» специально выпячивает задачу борьбы с этим «ходким словечком» («Schlagwort») и пытается свести формулу Клаузевица лишь к тому положению, что политика продолжается и во время войны.

«Установив», что война есть неизбежное явление, журнал подводит под нее «естественно-научное обоснование»:

«Природа не терпит застоя. Для поддержания жизни она требует от человеческих созданий сильного напряжения, сосредоточения всех сил для борьбы за собственное развитие. Отказ от борьбы означает окостенение, закат, смерть. В аспекте этого закона природы человеку дан врожденный инстинкт борьбы».

Так законы биологии жульнически переносятся на общественную жизнь, война об'является законом природы, формой «борьбы за существование». Идеологи милитаризма стараются свести международные отношения к биологическим законам, а войну об'являют естественным законом природы, осью, вокруг которой вращаются все исторические события:

«Война в действительности есть оборотное доказательство инстинкта борьбы в его высшей форме. Это, в подлинном смысле этого слова, ось, вокруг которой вращается историческое развитие. Только при помощи меча преобразовывался политический мир. Всмотримся в карту европейских государств. Как бы она выглядела, если бы не было войн!»

Война, однако, существует не только для разрешения внешнеполитических задач. С циничной откровенностью автор указывает, что армия и война разрешают также внутренние задачи:

«Однако война в руках государственного руководства есть не только средство обеспечения существования народа в наступлении или в обороне против внешнего врага. Она служит также для создания и сохранения политических организаций внутри страны. Обеспечение всей общественной и частной жизни так же как и государственных учреждений большей частью покоится на наличии вооруженной силы, а также косвенно на страхе перед ужасами войны в собственной стране. Предположим, что сегодня армия, флот и полиция уйдут в небытие, тогда правительство не будет иметь в руках никаких средств власти для осуществления своей воли. Тогда всякий авторитет перестал бы действовать, и как следствие— хаос и борьба всех против всех».

Журнал, конечно, умалчивает о том, что господствующие классы капиталистических стран ищут в войне выхода из внутренних противоречий. Но он все же откровенно выбалтывает, что вооруженная сила есть единственное «авторитарное средство» господствующих классов для угнетения народных масс. Он повторяет здесь известную формулу Муссолини, что если бы государство перестало действовать хотя бы на 24 часа, победила бы революция. Вывод отсюда заключается в том, что высшая задача народа — быть хорошим пушечным мясом для империализма. Поднявшись на вершины милитаристского пафоса, автор статьи пишет:

«В слове «война» понятие чести и свободы получило свое высшее завершение. Народ, который берется за оружие, чтобы защитить свою честь и чтобы утвердиться на своей жизненной территории, этим самым проявляет величайший идеализм... Война становится непререкаемым судьей в оценке внутренних качеств и жизненного полноправия народа. Одновременно идея войны поднимается до нравственного требования, потому что самоутверждение при помощи чрезвычайных средств войны является для

народов величайшей нравственной задачей, какую они вообще могут выполнить».

Кажется, достаточно. Воспевание империалистической войны, этого кровавого апофеоза политики капитализма, как самого святого и нужного народу дела, широчайшее внедрение этих «человекоубойных» идей в сознание народных масс—вот идеологическая программа современного германского милитаризма. Журнал, конечно, не забывает при классификации войн подчеркнуть, что мировая война 1914—1918 гг. была завоевательной войной со стороны держав Антанты, которые собирались ограбить Германию, и была... оборонительной (!) национальной (!) войной со стороны германского империализма, который, мол, собирался только «утвердить свое существование». Такие вещи, как оккупация советской Украины, Брестский мир, пангерманистская программа поглощения Европы, ныне снова поднятая на щит германским империализмом, роль германского правительства в развязывании мировой войны.— все это выпадает из памяти современных германских империалистов, ибо новую войну, которую они готовят, они тоже хотят жульнически выдать за национальную войну, за войну во имя самоутверждения германской расы, и т. п.

Идеологические установки «Дейче вер», как мы видим, не отличаются от установок национал-социализма. Но что резко бросается в глаза, это полное и абсолютное отсутствие той антикапиталистической демагогии, той «социалистической» фразеологии, которыми пересыпаны писания «правоверных» национал-социалистских идеологов, предназначенные «для народа». Как известно, в рейхсвере введено постоянное политическое обучение основам национал-социализма. Военный министр Бломберг в приказе особо подчеркнул необходимость уделить величайшее внимание политическому обучению. Но в рейхсвере национал-социализм решительно очищается от всякой антикапиталистической демагогии. Об этом можно судить по журналу «Дейче вер». Даже в своих комментариях к новому уставному положению об обязанностях германского солдата, опубликованному 25 мая 1934 г. за подписью Гинденбурга и Бломберга, «Дейче вер» (№ 23 от 7 июня) всемерно обливает помоями Веймарскую республику, славословит фашизм, но опять-таки обходится без всякой антикапиталистической демагогии. А ведь здесь речь идет об основных установках по воспитанию с о л д а т а. В этих комментариях интересно отметить один момент:

«Параграф 2-ой положения 1930 г. об обязанностях солдата отброшен. И с полным основанием. Он гласит: «Рейхсвер служит государству, а не партиям. Политическая деятельность солдатам запрещена». Этот параграф был правилен в тот момент, пока государство, народ и национал-социалистское движение не слились в одно целое. До этого времени солдат должен был быть внепартийным. До этого времени он должен был искать убежище в абстрактной государственной идеологии, так как большая часть народа представляла хаос различных интересов. Ныне «внепартийный» означало бы то же самое, что «внегосударственный».—странный парадокс для германского солдата, могущий нравиться в лучшем случае бескорыстным французским солдатам международной армии Лиги наций. Германский солдат — национал-социалист, даже если он не принадлежит формально к партии. Носящий оружие солдат не является «внеполитическим», он не может быть таковым, и он никогда им не был, потому что он не живет в безвоздушном пространстве».

Таким образом мы видим всю фальшь и лицемерие старого империалистического софизма «армия вне политики», софизма, которым буржуазия всегда старалась прикрыть истинную роль армии как орудия

капиталистической диктатуры. В настоящее время, когда в фашистской Германии процветает культ войны и военщины, когда армия начинает играть все более крупную и решающую роль в политической жизни, старый софизм стал ненужным и его выбрасывают в мусорную корзину вместе с мишурой различных других «либеральных» и пацифистских концепций.

«Солдат — это национал-социалист»,— утверждает «Дейче вер». Но национал-социализм этот — особого толка. Характерно, что «Дейче вер», уделяющий большое внимание военным организациям и учреждениям фашистской Германии (трудовая повинность, организации «полевого спорта», и т. д.), почти никакого внимания не уделяет штурмовым отрядам. В просмотренных нами номерах за 1934 г. есть только отчет о речи Рема перед дипломатическим корпусом 18 апреля. В комментариях к речи подчеркивается, что перед штурмовиками и рейхсвером стоят различные задачи и что они между собой ничего общего не имеют,— словом, то, что предназначено для заграницы. Как известно, дело обстоит как раз наоборот: и рейхсвер и штурмовики — чисто военные организации, вопрос об унификации вооруженных сил не снимался с порядка дня, после последних событий в Германии, повидимому, полностью осуществляются требования руководства рейхсвера; после событий 30 июня 1934 г. нельзя уже сомневаться, что сокращенные штурмовые отряды будут превращены в подсобные организации рейхсвера. Журнал старательно обходит все те трения и столкновения между рейхсвером и штурмовиками, между «Штальгельмом» и штурмовыми отрядами, которые предшествовали последним событиям в Германии.

Из военных деятелей национал-социализма «Дейче вер» популяризировал только Геринга, человека, наиболее близкого к рейхсверу, получившего чин генерала. В специальном приложении к журналу «Pour la merite», посвященном популяризации подвигов героев, уделено особое внимание Герингу, кавалеру ордена «Пур ля мерит». Здесь рассказывается, как Геринг после революции 1918 г. выступил против военного министра, снявшего старую форму и посоветовавшего ему надеть красный бант. Геринг указал, что настанет час, когда армия снова расправится с веймарскими изменниками. Словом, Геринг — вполне «свой человек» для рейхсвера — не даром ему пожалован генеральский чин.

Редактор журнала «Дейче вер» — германский военный писатель Георг Зольдан, сторонник Фуллера, проповедник «малой» профессиональной механизированной армии, которая должна решить в короткий срок судьбу будущей войны. Это не мешает, однако, журналу широко обсуждать вопросы массового военного обучения, давать богатые материалы для военного обучения молодежи, инструктировать и корректировать работу, связанную с формированием массовой армии германского империализма. Но характерно, что даже идея этой отборной механизированной армии, о которой мечтают Фуллеры и Зольданы, создает новые политические затруднения для милитаристов. Эти затруднения заключаются, в частности, в том, что именно для высоко оснащенной техникой армии требуется больше пролетарского человеческого материала чем для армии старого типа. В этом отношении большой интерес представляет дискуссия, которая проводится на страницах журнала «Дейче вер» по вопросу о человеке и технике в современной армии. Автор статьи, которой началась дискуссия (№ 2 от 10 января 1934 г.), указывает, что необходимость воспитать воинские качества в офицерстве находится в глубоком противоречии с необходимостью воспитать технические навыки и внедрить технические знания. В связи с этим поднимается вопрос об опасности «огражданивания» армии—термин, за которым скрывается страх перед неизбежным приходом

в армию большого количества пролетарских элементов для обслуживания новой военной техники. Журнал, конечно, не ставит вопроса во всей широте, ограничиваясь офицерскими кадрами. Но это лишь частица большого и неразрешимого для империалистической армии вопроса.

Центральное место в журнале занимают вопросы военной техники: авиация, самостоятельные действия воздушных сил, мотомеханизированные части, и т. д. В этом отношении журнал дает очень интересный и ценный фактический материал, главным образом из опыта иностранных армий, подробно освещает историю развития техники, современные технические новинки, тактическое применение новой техники, и т. д. «Дейче вер» является в этом отношении одним из самых интересных военных журналов. Достаточно указать на статьи о воздушных десантах, о современном состоянии авиации по различным странам, о развитии и современном состоянии мототанков и танкового вооружения, на статьи, посвященные противовоздушной обороне, и т. д. Описание иностранной техники сопровождается обычно слезными жалобами на «безоружность» Германии, агитацией за германские вооружения. Например в статье «Германия и тотальная воздушная война» (№ 3 от 17 января) описывается, как одна западная и одна восточная державы посылают шесть тысяч самолетов для уничтожения Германии, используя воздушный флот для «вертикального окружения», для высадки мотомеханизированных десантов, а Германия не имеет никаких средств защиты. Сплошь и рядом фотографии, иллюстрирующие заграничную технику (танки и т. д.), сопровождаются фотографиями, снятыми с германских танков-макетов, для того чтобы опять-таки подчеркнуть «безоружность» Германии. О германских явных и тайных вооружениях — ни звука! Если где и упоминается о них, то лишь для того, чтобы «дать отпор заграничным выдумкам».

Весьма любопытный отдел журнала — военные обзоры современных плацдармов войны и ведущихся ныне войн. Ближний Восток, Средиземное море, Дальний Восток, Балканы, Южная Америка — все эти плацдармы журнал подробно освещает с военной точки зрения, дает военные комментарии к текущим политическим событиям, помещает обзоры военной и гражданской печати. Надо указать, что «Дейче вер» в целях информации очень часто перепечатывает материалы из «Красной звезды», главным образом относящиеся к вооружениям иностранных армий.

Наконец, несколько слов о внешности журнала. Последний год журнал издается значительно лучше, обильно украшается фотографиями и рисунками, выходит в хорошей обложке. Раньше внешность его была несравненно скромнее...

Германский милитаризм наливается соками и кровью, и германская военная печать, как говорится, тоже шагает в ногу...

И. Л.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Об учебнике „Диалектический и исторический материализм"

Под рук. и под ред. М. Митина. Ч. 1-я. Диалектический материализм. Соцэкгиз. 1934. 354 стр. 2 р. 75 к.

Пропаганда философского материализма Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в нашей стране в настоящее время особенно актуальна в связи с задачей преодоления пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей.

Маркс когда-то писал, что традиция прошлых поколений кошмаром тяготеют над головами живых. Идеи, мысли, формы общественного сознания, раз возникнув под влиянием соответствующих общественных условий, приобретают некоторую относительную самостоятельность по отношению к бытию. Общественные условия существования классов могут коренным образом измениться, а идеи, явившиеся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового. Примером может служить еще не изжитое среди отсталых слоев колхозников и даже рабочих прежнее отношение к труду. Примером являются пережитки религиозных верований среди отсталой части трудящихся. Подобные идеи обладают большой консервативной силой, и, чтобы выкорчевать их, нужно было прежде всего создать новые формы хозяйственной жизни, заменить примитивную технику хозяйства современной машинной техникой, внедрить в широкие трудящиеся массы грамоту, культуру, поднять их классовое самосознание. Только эти великие мероприятия способны оздоровить психологию вчерашнего мелкого собственника, нынешнего колхозника, способны поднять на более высокий политический и культурный уровень трудящихся нашей страны. Уничтожение пережитков капитализма в сознании людей не может произойти само собой, как стихийный процесс, самотеком. Остатки, пережитки старого мировоззрения уничтожаются в борьбе. Пропаганда материалистического мировоззрения является одним из существенных моментов борьбы за воспитание социалистического мировоззрения масс, за превращение всех трудящихся в активных и сознательных строителей социализма.

Диалектический материализм — философия пролетариата — является мировоззрением и методом познания и действия. Этим методом должны быть вооружены все сознательные строители социализма и прежде всего те, кто призван руководить тем или иным участком нашего советского и хозяйственного строительства. Кадры советской, пролетарской интеллигенции должны в совершенстве владеть техникой своего дела, быть подкованными в вопросах революционной теории, диалектического материализма. Тов. Киров на XVII с'езде партии говорил, что пролетарские специалисты-строители должны знать не только законы сопротивления материалов, но и законы сопротивления классового врага, законы классовой борьбы, законы нашего движения вперед. Представители пролетарской интеллигенции, подлинные советские специалисты, должны знать в совер-

шенстве не только, что и как делать, но и для чего делать, должны знать, какое место занимает их работа в общей системе нашего строительства. Они должны научиться видеть, понимать, осмысливать всю окружающую обстановку, весь путь своего класса, со всеми трудностями и перипетиями борьбы. Эту ориентировку в окружающей обстановке, перспективу движения классов современного общества дает только пролетарская, марксистско-ленинская теория — марксизм-ленинизм, а живую душу этой теории составляет диалектический метод. Изложению основ диалектического материализма как мировоззрения и метода и посвящена рецензируемая нами книга «Диалектический и исторический материализм», часть первая[1].

Книга написана коллективом работников Института философии Коммунистической академии под руководством и под редакцией тов. Митина и представляет собой учебник для комвузов и втузов.

Авторы в предисловии так определяют задачу книги:

«1) Освещение основных вопросов диалектического материализма и его применение к истории общества и всемирно-исторической практике пролетариата, получивших свою разработку и классическое выражение у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; 2) ликвидация разрыва, созданного механистами и меньшевиствующими идеалистами между теорией и практикой, между философией и политикой пролетариата, между мировоззрением и методом, между материализмом и диалектикой; 3) освещение вопросов диалектического и исторического материализма на основе критики буржуазной философии и социологии, а также современных социал-фашистских воззрений; 4) освещение роли философии в борьбе за генеральную линию партии на два фронта—с правым и «левым» оппортунизмом и контрреволюционным троцкизмом, с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом как философской основой уклонов от генеральной линии партии; 5) выявление и освещение того нового, что вносит марксизм-ленинизм в лице Ленина и Сталина в общую сокровищницу философии марксизма».

Уже из перечисленных задач видно, что это не обычный учебник, в котором дается систематическое изложение предмета: разбираемая книга является продуктом борьбы с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом и как бы подводит в систематизированной форме итоги этой борьбы по каждому отдельному вопросу нашего мировоззрения. Обширность и ответственность задач, взятых на себя авторами учебника, значительнее чем в других работах этого рода. Это наложило отпечаток на всю книгу, определило в значительной мере ее содержание, форму, ее достоинства и недостатки. В ней много полемических отступлений, критическая часть преобладает над положительным изложением предмета, но в общем книга все же дает связное, цельное, последовательное изложение основных вопросов диалектического материализма.

То обстоятельство, что учебник написан коллективом в двенадцать человек, причем некоторые главы писались, как видно, без учета того, что пишется в других, привело к ряду повторений, нарушающих стройность и последовательность изложения (например вопрос о философской эволюции в I и II главах; проблема практики в I, III, V и VI главах, вопросы борьбы с ревизионизмом, и т. д.). Это привело также к тому, что все же книга скорее напоминает очерки по диалектическому материализму чем учебник. Здесь же следует указать, что не все главы находятся на одинаковом уровне: различна степень популярности, различен язык, и т. д. Это заставляет нас при рецензировании говорить не только об учебнике в целом, но останавливаться и на отдельных главах.

---

[1] Вторая часть, посвященная вопросам исторического материализма, вышла раньше.

В I главе дается общая характеристика условий возникновения марксизма, характеристика его содержания и определяются место и значение диалектического материализма в общей системе марксизма-ленинизма как его философской основы. В этой же главе кратко рассматривается развитие марксизма, его борьба с различными видами ревизионизма. Глава завершается характеристикой ленинизма как высшей ступени в развитии марксизма. В общем глава содержательна, написана неплохо, местами даже хорошо, хотя и неравномерно (раздел о ленинизме—слабее). В главе есть лишь отдельные, частные ошибки и неверные формулировки, которые следовало бы устранить в следующем издании учебника. Так, на стр. 8, где выясняются условия возникновения марксизма, говорится:

«В трех ведущих в то время (в эпоху возникновения марксизма. — *Ф. К.)* странах Европы—Англии, Франции и Германии, стоявших на разных уровнях капиталистического развития, с разной силой и с разных сторон выпячивались эти антагонистические противоречия капитализма. Три главнейших течения передовой человеческой мысли—классическая немецкая философия, классическая английская политическая экономия, французский социализм в связи с французскими революционными учениями вообще — отражают движение этих противоречий. В этих противоречиях буржуазного общества и в общественных теориях, отражающих их, следует искать исторические корни марксизма».

Здесь содержится несколько ошибок исторического и принципиального порядка.

Во-первых, неверно, что немецкая классическая философия была выражением антагонистических противоречий капитализма: она была прежде всего выражением противоречий между развивающимся капитализмом и старыми, феодальными порядками.

Немецкая классическая философия, особенно гегелевская философия, об'ективно была выражением революционных стремлений поднимающейся буржуазии: «Подобно тому как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому краху»` (Энгельс «Людвиг Фейербах», стр. 5. Партиздат. 1933).

Во-вторых, английская классическая политическая экономия могла возникнуть и получить развитие лишь тогда, когда антагонистические противоречия капитализма еще не обнаружились резко. Период, когда антагонистические противоречия капитализма резко выступили наружу, был концом английской классической политической экономии: место науки заняла жалкая апологетика.

Немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм имеют свои исторические корни, а марксизм — свои особые исторические корни, прежде всего и главным образом — наличие пролетариата и классовых противоречий, раздирающих капиталистическое общество. Авторы учебника спутали разные понятия: «источник» и «исторические корни». Источники марксизма — это то состояние философских, экономических и исторических учений, которые предшествовали марксизму, перерабатывая, критикуя и преодолевая которые Маркс и Энгельс создали свое учение. Исторические его корни — это классовые отношения конца первой половины XIX в. в Западной Европе и возникновение пролетариата как особого класса, идеологией которого и явился марксизм.

Справедливость требует указать, что автор этой главы на стр. 17 сам дает правильную оценку условий возникновения английской политической экономии, но эта оценка противоречит написанному на стр. 8.

Вторая глава учебника посвящена рассмотрению борьбы материализма и идеализма в философии. Эта борьба в конечном счете отражает историю борьбы классов.

Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма, авторы пишут:

«За словесной мишурой многочисленных философских систем, за разнообразием пестрых ярлычков, наклеиваемых на свои учения философами, кроется длительная и жестокая борьба двух основных линий в философии: материализма и идеализма. История философии при всей своей сложности представляет собой историю борьбы и развития этих двух антагонистических философских направлений. Все философские течения и школы суть их разновидности. Каждое философское учение, заявляет ли оно об этом открыто или всячески старается это скрыть, необходимо примыкает либо к лагерю идеализма либо к лагерю материализма» (стр. 36).

Далее, авторы показывают эту борьбу на богатом материале из истории философии и на примере современных философских течений выявляют корни этой борьбы, находящиеся в борьбе классов.

Анализируя причины возникновения и существования идеологических систем, авторы не упрощают вопроса, правильно вскрывая классовые и гносеологические корни идеализма. В частности при рассмотрении современных форм идеализма авторы, следуя Ленину, вскрывают связь между идеализмом и кризисом, переживаемым современным естествознанием. В этой главе показано, что и сам материализм, противостоящий идеализму, имеет свою историю. От ограниченного, метафизического материализма XVII и XVIII вв. через материализм Фейербаха развитие завершается возникновением диалектического материализма — высшей формы материализма, опирающейся на все достижения всемирно-исторической практики, на все достижения естественных и общественных наук.

Наименее удачной является первая часть этой главы (стр. 36—44): она криклива, многословна и неконкретна, читателя раздражает обилие пустых, трескучих фраз вместо живого содержания. Вторая часть главы (стр. 45—89) значительно лучше, богаче содержанием: прочтя ее, читатель-вузовец почувствует, что не зря потратил время, что приобрел новые знания.

Заключительная часть этой главы, посвященная философской эволюции Маркса, страдает следующими недостатками:

1) она в некоторой части повторяет I главу;

2) усиленно подчеркивается наличие материалистической тенденции в работах Маркса — Энгельса в ранний, гегельянский период их развития, причем в подтверждение этого не приводится буквально ни одного доказательства. В нашей литературе иногда встречаются попытки такого упрощенного толкования философского развития Маркса: некоторые считают, что Маркс уже в первых своих литературных работах был и материалистом и идеологом пролетариата. Эти утверждения не отвечают исторической действительности. Ленин писал в статье «Карл Маркс», что в 1840—1841 гг. «по взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом». 1842—1843 годы были годами бурного революционного развития Маркса: в своих статьях, напечатанных во «Французско-немецком ежегоднике», Маркс выступает уже как революционер, апеллирующий в своей беспощадной критике буржуазного строя уже к пролетариату.

Изложению собственно диалектического материализма посвящены III и IV главы. Здесь дается характеристика материалистической диалектики как философской науки, излагаются учение о материи и формах ее существования, а также основные законы и категории материалистической диалектики.

Достоинство глав, посвященных изложению материалистической диалектики, как, впрочем, и всего учебника, в том, что здесь используются

сравнительно широко работы классиков марксизма-ленинизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В особенности следует отметить использование «Ленинских философских тетрадей», которые являются подлинной сокровищницей материалистической диалектики, но, к сожалению, мало доступны для использования в качестве учебного пособия. Тем большее значение приобретает популярное, систематическое изложение гениальных мыслей Ленина, разбросанных в этих «Тетрадях». Меньшевиствующие идеалисты и механисты игнорировали ленинское философское наследство, и именно поэтому очень ценно показать шаг за шагом то новое, что внес Ленин в развитие диалектического материализма по каждой его проблеме. Авторы эту линию последовательно проводят во всем учебнике.

В III главе почти отсутствуют примеры и иллюстрации. Изложение вопроса правильное, но сухое, неинтересное — словом, не такое, какое требуется в хорошем **учебном пособии**. Когда читаешь III главу, почти на каждой странице хочется видеть пример, доказательство. Но авторы почему-то не считают нужным приводить доказательства или примеры, как будто каждый читатель учебника — уже философски образованный материалист и диалектик. Иногда вместо примера или доказательства приводится вырванная из контекста цитата, которая сама по себе, взятая вне контекста, еще ничего не говорит, не доказывает, не убеждает. Отсюда некоторый налет декларативности, догматизма в изложении предмета — черта, противоречащая самому существу диалектического материализма.

На стр. 114 написано:

«Считать, что наши представления о времени и пространстве должны оставаться неизменными, как это полагают наши механисты, скатываться в вопросе о времени и пространстве к метафизическим представлениям Декарта или к механистическим представлениям физиков фарадеевской школы, как это делает А. Тимирязев: смешивать эфир как одну из форм материального движения с пространством, т. е. об'ективно-реальной формой бытия, — это значит становиться на позиции метафизического материализма — на позиции отрицания движения и развития».

Все это совершенно правильно и понятно тому, кто знает, почему неверно декартовское и фарадеевское представление о пространстве. Но для тех, кто этого не знает, вся тирада — пустой звук. Почему отождествление эфира и пространства ведет к отрицанию движения и развития? Ведь это же надо в учебнике не только декларировать, но и показать, подвести к этому неискушенного читателя, убедить. Иначе студент должен или пропустить весь абзац или зазубрить его как попугай. Возникает также вопрос: почему метафизический материализм отрицает движение? В том же учебнике студент прочитал об английских материалистах, о французских материалистах, которые были метафизиками, но не только не отрицали движения как основного свойства материи, но признавали движение вечным, несотворимым и неразрушимым. Другое дело, что движение они, как правило, понимали механистически. Они констатировали, что вселенная находится в движении, но им еще чуждо было понимание движения как саморазвития, развития через противоречия. Однако это не то же самое, что отрицание движения вообще. Спиноза тоже признавал движение, хотя и считал его только бесконечным модусом (первого рода), а не атрибутом. Известно, что уже Дж. Толанд признавал движение атрибутом, т. е. основным и вечно присущим свойством материи.

В следующем абзаце говорится:

«**Новейшее естествознание блестяще подтвердило диалектически-материалистическое понимание про-**

странства и времени. Связанное с именем Эйнштейна современное научное понятие пространства непреложно устанавливает его материальность, единство пространства и времени, относительность наших представлений о пространстве и времени» (стр. 114).

Прочтя это, хочется сказать: «Может быть, это и верно, но где доказательства?» Из литературы механистов читатель, например, может узнать, что эйнштейновское учение о пространстве и времени есть по существу махистское, идеалистическое, суб'ективистское; почему же верно именно то, что написано в учебнике? Вот опять результат того, что авторы учебника не подумали, для кого и для чего они пишут; иначе они обязательно привели бы доказательства, убедительные факты в подтверждение сказанного — это во-первых. Во-вторых, формулировка авторов не совсем точная, как нужно для учебника. Следуя буквальному смыслу приведенного положения, можно понять его так, что только эйнштейновское учение доказало материальность пространства и единство пространства и времени. Авторы, вероятно, хотели показать, что современная наука дает дополнительные и все более богатые доказательства правильности марксистско-ленинского учения о пространстве и времени.

Отсутствуют примеры и на следующих страницах, где излагается теория отражения. Не показано, почему наши понятия есть копии, снимки с действительных, реальных вещей, а не условные знаки или иероглифы. Теория отражения — важнейший момент в философии марксизма-ленинизма. В последующих изданиях учебника этот вопрос необходимо разработать более тщательно и обосновать на конкретном материале истории знания и современного состояния науки. Раздел, посвященный теории отражения, принципиально дан на достаточном теоретическом уровне, но изложение опять-таки сухое, без примеров, не такое, какое нужно в учебнике.

Значительно лучше обстоит дело с IV главой, где излагаются законы и категории материалистической диалектики. Здесь как содержание, так и форма изложения находятся в большем соответствии, глава вполне доступна, содержательна и читается с интересом, за исключением разделов, посвященных диалектике «Капитала», написанных плохим, трудным языком (см. стр. 152—153), и некоторых мест о сущности, форме и содержании, изложенных труднее чем у Гегеля (стр. 177—188). Следует указать также, что между этой главой и предыдущей нет перехода. Нам кажется, что законы диалектики следует рассматривать вместе с проблемой движения. Нельзя проблему движения и его источник понять вне основного закона движения и развития — закона единства противоположностей. Так же нельзя понять и различные формы движения материи вне проблемы качества, оторванно от закона перехода количества в качество и обратно.

Отдельные ошибки и неточные формулировки, имеющиеся в этой главе, мы здесь разбирать не будем.

Особенно следует отметить последние, V и VI главы, посвященные борьбе на два фронта в философии и ленинскому этапу. Шаг за шагом здесь показывается антимарксистский, ревизионистский и реакционный характер философских воззрений механистов и меньшевиствующих идеалистов, устанавливается внутренняя связь между философским ревизионизмом и антипартийными уклонами, между философией и политикой Эти главы написаны просто, популярно и по своему содержанию боевые, партийно заостренные. В главе о ленинском этапе делается попытка дать обобщающую характеристику того нового, что внес великий гений Ленина в сокровищницу философии марксизма, обогатив ее глубочайшим анализом новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, анализом достижений науки, в особенности естествознания, за период

после смерти Энгельса. Здесь же дается характеристика развития материалистической диалектики в работах вождя нашей партии товарища Сталина Эта глава понятна, доступна и вооружает читателей на практическое революционное действие.

В заключение — еще раз о форме, о языке всего учебника. Это, конечно, внешняя сторона, но она имеет существенное значение. Тут дело не в форме самой по себе, а в практическом интересе. Каждая наша книга — стрела, пущенная в противника. Чтобы эта стрела была смертоносной, чтобы она разила наибольшее количество врагов и с наибольшей силой, надо, чтобы она была хорошо отточена.

Наши книги имеют широчайший круг читателей. Важно, чтобы книгу прочитали с наибольшей пользой, хорошо понимая и усваивая прочитанное. Не только по содержанию, но и по форме книга должна отражать огненное дыхание нашей революции. В области философии примером такой литературы в прошлом могут служить произведения французских материалистов накануне Великой французской революции. Эти произведения, написанные около 200 лет назад, еще и теперь дышат свежестью, бодрым. боевым духом. Не даром Ленин рекомендовал эти произведения перепечатывать как образец атеистической литературы.

У нас есть величайшие образцы того, как надо писать по самым трудным вопросам, — это произведения наших учителей, Ленина и Сталина. «Вопросы ленинизма» — лучший образец того, как просто, ясно можно изложить великие, гениальные идеи, оделав их доступными миллионам. Надо учиться у классиков марксизма-ленинизма не только тому, что они пишут, но и тому, как они пишут.

* * *

Подводя итоги краткого разбора первой части учебника «Диалектический и исторический материализм», необходимо сказать, что несмотря на ряд серьезных недостатков и ошибок, часть которых мы указали, книга в целом является не только полезной, но и необходимой для начального систематического ознакомления с философским учением марксизма-ленинизма.

В последующих изданиях книга (обе ее части) должна быть значительно переработана и улучшена. Общий размер ее должен быть сокращен по крайней мере на четверть, от этого учебник только выиграет. Должно быть обращено очень серьезное внимание на стиль: нужно добиться ясности, простоты и точности изложения.

Надо осуществлять прекрасные традиции Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина в выработке блестящей формы изложения.

Надо использовать так же в смысле формы изложения опыт таких популяризаторов марксизма, как Плеханов, Поль Лафарг, Фр. Меринг и Роза Люксембург, умевших труднейшие вопросы преподносить в живой и увлекательной форме.

Особое внимание при переработке учебника должно быть уделено освоению с точки зрения материалистической диалектики всего нового, что дает современное состояние науки во всех областях и величайший опыт классовой борьбы пролетариата и социалистического строительства.

Ф. КОНСТАНТИНОВ

Сети партийного просвещения—большевистский учебник

(*Б. Волин. Политграмота. 3-е изд., перераб. 1934. 302 стр. 2 р. 50 к.*

С. Ингулов. Политбеседы. Краткий учебник политграмоты. 1934. 259 стр. 2 руб.)

На XVII с'езде ВКП(б) товарищ Сталин исчерпывающе определил задачи партии в области идейно-политической работы. Эти задачи таковы:

«1. Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2. Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3. Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4. Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;

5. Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6. Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Данные о работе сети партпросвещения (Белоруссия, Ивановская область, Азово-Черноморский край и др.) показывают, что многие коммунисты и даже партийные организации еще не поняли, почему на данном этапе столь остро стоит задача идейного вооружения членов и кандидатов ВКП(б). Именно недопониманием об'ясняется и тот факт, что некоторые организации не ведут достаточно напряженной подготовки к партучебе в этом году.

Надо понять, что идейное вооружение членов и кандидатов партии, их большевистское воспитание в духе указаний товарища Сталина являются делом чести, боевой задачей каждой партийной организации. Без этого нет перестройки партийной работы в духе решений XVII с'езда ВКП(б).

Чистка партии показала, что теоретический уровень многих членов партии невысок. С другой стороны, грандиозный размах хозяйственной, политической и культурной работы во второй пятилетке—пятилетке построения бесклассового, социалистического общества — ставит как никогда остро вопрос об идейном вооружении коммунистов. Коммунист — это член правящей партии, под руководством которой созидается социалистическое общество. Надо понять, что без овладения основами теории ленинизма коммунист не сможет быть вожаком, организатором, строителем и борцом за вторую пятилетку.

Товарищ Сталин указывал на XVII с'езде ВКП(б), что врагов партии: оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода—мы разбили, но «остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать». Наша партия, учит товарищ Сталин, не есть нечто оторванное от окружающей ее среды. Поэтому не удивительно, что «в партию проникают нередко извне нездоровые настроения». Ибо почва для таких настроений имеется в нашей стране: мы еще не преодолели всех пережитков капитализма не только в сознании людей, но и в экономике; мы еще не преодолели всех трудностей, стоящих перед нами в процессе социалистического строительства. Наконец, наша социалистическая родина окружена врагами — капиталистическими странами. Пока «существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, — говорил товарищ Сталин,— должны все время держать порох сухим».

Вот почему так остро стоит теперь задача идейного вооружения коммунистов. Вот почему все внимание сети партпросвещения в этом году должно быть приковано к изучению доклада товарища Сталина и решений XVII с'езда ВКП(б), дающих развернутую программу построения бесклассового. социалистического общества.

Хорошо организованная и проведенная подготовка нового учебного года (комплектование сети партпросвещения, подбор пропагандистов, обеспечение сети партпросвещения учебниками) решает дело.

Одним из важнейших условий нормальной работы сети партпросвещения является своевременное снабжение партучебниками, причем доброкачественными, партийно-выдержанными, отвечающими тем задачам, которые поставлены в области партийно-воспитательной работы товарищем Сталиным.

* * *

«Политграмота» Б. Волина уже известна нашему партийному пропагандисту. Она вышла сейчас третьим изданием и таким образом будет в течение третьего учебного года обслуживать сеть кандидатских партийных школ, для которых она предназначена. Наряду с другими учебниками политграмоты книга Б. Волина рассчитана на более или менее политически подготовленных товарищей.

Несмотря на свою стабильность учебник тов. Волина в новом, третьем издании значительно отличается от предыдущих изданий. Снова, как и во втором издании, выходит в переработанном виде. Надо сказать, что такая переработка от издания к изданию улучшила книгу, привела к устранению ряда крупных недочетов, имевшихся в прежних изданиях. Эти недочеты не раз отмечались пропагандистами, работавшими над книгой тов. Волина.

Недостатки учебника носили преимущественно методический характер. Они состояли в следующем:

1) Книга была слишком велика (во втором издании в ней было 23½ печатных листа); проработать в течение одной зимы столь большую книгу в кандидатской партшколе было чрезвычайно трудно.

2) В книге не было соблюдено то, что можно назвать «единством стиля». К тому же в книге имелся ряд повторений, большое количество цитат.

3) И главный недостаток: книга была все же трудна для многих кандидатов в члены ВКП(б), проходивших по ней курс политграмоты.

Известно, что очень многие элементарные теоретические вопросы чрезвычайно трудно поддаются популярному изложению. Возьмем, например, теорию стоимости. Знакомство с ней необходимо, для того чтобы усвоить понятие прибавочной стоимости и эксплоатации. Но, для того чтобы об'яснить сущность стоимости, надо об'яснить, что такое абстрактный общественно-необходимый труд. Последние два понятия чрезвычайно сложны несмотря на их кажущуюся простоту. Несомненно, что в учебнике политграмоты для кандидатских школ, в котором надо раз'яснить сущность капиталистической эксплоатации, не стоит вдаваться в подробности учения Маркса о стоимости и ее моментах. Это можно сделать позднее, когда кандидат в члены ВКП(б) усвоит политграмоту и перейдет в кружок по изучению политической экономии.

Между тем в прежних изданиях «Политграмота» тов. Волина пыталась охватить подробными рассуждениями отдельные вопросы. Это создавало излишние трудности в изложении, вело к нагромождению проблем и вызывало справедливые нарекания со стороны пропагандистов. Одобряя книгу в целом, пропагандисты жаловались на то, что учебник далеко не всегда бывает по силам тому, для кого он предназначен, — кандидату в члены ВКП(б).

В новом, третьем издании «Политграмота» тов. Волина значительно улучшена в смысле устранения отмеченных недостатков. Книга сокращена до 19 печатных листов. Значительно выравнен стиль. Устранено большинство повторений. Многочисленные цитаты, перегружавшие прежние издания, заменены самостоятельным изложением. Изложение дано на достаточном теоретическом уровне.

В целом «Политграмота» Б. Волина является небольшим, методически продуманным, построенным по последовательному плану, систематическим пособием по важнейшим политико-экономическим вопросам.

Первая глава «Политграмоты» дает сравнительную характеристику двух систем хозяйства: капиталистической и социалистической. Характеристика капиталистической системы хозяйства начинается изложением общих, элементарных понятий о капитализме, о капиталистической эксплоатации, об основном противоречии капитализма и о неизбежности гибели капиталистического строя. Вслед за этим дается характеристика общего кризиса капитализма и его современного состояния. На этой основе показаны безработица, голод, нищета, политическое бесправие и угнетение трудящихся масс капиталистических стран; капиталистическим странам противопоставляется страна социализма, Советский союз. Первая глава носит вводный характер. Ее основная задача — дать общее представление о капитализме и капиталистической эксплоатации, а так же общее, в порядке беглого сравнения с капитализмом, представление о советской системе.

Надо сказать, что эта вводная глава всегда оказывается трудной для проработки в школах политграмоты. Несомненно, усвоить сущность капиталистической эксплоатации, хотя бы в той элементарной форме, в какой она дается в «Политграмоте» тов. Волина, усвоить, почему неизбежна гибель капитализма, в чем состоит основное противоречие капитализма, каково соотношение общего кризиса капитализма и экономического кризиса, и т. д., кандидату в члены партии, может быть, впервые пришедшему в партшколу, не всегда легко.

Однако избежать этих трудностей нельзя. То, что дается в первой главе, служит основой, на которой развивается затем дальнейшее содержание курса. Проработка первой главы требует особенного внимания со стороны пропагандиста, который обязан помочь учащимся в усвоении наиболее трудных положений этой главы.

Вторая, небольшая глава говорит о двух фазах коммунизма. Характеристика первой фазы коммунизма тесно связана с практикой строительства социализма в Советском союзе. Поэтому здесь ставятся вопросы, которые должны быть узловыми при проработке этой главы: вопросы об уравниловке и ее отличии от марксистско-ленинского понимания равенства при социализме, об укреплении диктатуры пролетариата и о государстве при социализме, о значении т р у д а при социализме. Включение этих вопросов в главу, дающую характеристику двух фаз коммунизма, несомненно, даст учащимся правильное представление о великой полосе социалистического строительства в СССР.

Основным содержанием третьей главы (о диктатуре пролетариата) является строение органов советской власти. Глава дает сжатое изложение Конституции Советского союза. При проработке этой главы руководителям школ политграмоты придется привлекать и самый текст Конституции СССР. Имеющиеся данные говорят, что в прошлом недостаточно внимания уделялось изучению Советской конституции в школах политграмоты (в связи с общей проработкой курса политграмоты) и кандидаты в члены партии не знали Конституции.

Глава третья показывает путь к коммунизму через диктатуру пролетариата. Главы четвертая и пятая излагают учение о партии как руководителе рабочего класса и трудящихся масс в борьбе за диктатуру пролетариата, за социализм. Содержанием четвертой главы являются устав партии и основные организационные принципы большевизма. Глава пятая кратко излагает историю большевистской партии. Следует отметить, что пятая глава написана лучше других в отношении доступности и живости изложения. Однако и в пятой главе есть трудные места, в частности в изложении ленинского учения о перерастании. Руководителю школы политграмоты, несомненно, и здесь придется помогать слушателю.

Главы шестая, седьмая и восьмая излагают программу партии. Глава шестая знакомит читателя с сущностью нэпа, с понятием социалистической индустриализации в отличие от капиталистической индустриализации, а также с итогами первой пятилетки.

Седьмая глава, посвященная социалистической реконструкции сельского хозяйства, заостряет внимание на задачах колхозного строительства. Она говорит об организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов, о задачах политотделов в деревне, о борьбе за зажиточную жизнь, и т. д.

Глава восьмая излагает основные установки и задачи второй пятилетки. По своему построению глава эта соответствует в общем докладу тов. Молотова на XVII с'езде ВКП(б). Необходимо отметить, что эта глава трудновата: несколько перегружена цифрами, длинна.

Девятая глава представляет собой краткий очерк ленинских принципов национальной политики. Глава десятая — краткое изложение программы Коминтерна и решений XII и XIII пленумов ИККИ; эта глава дает так же краткую историю III интернационала.

Последняя, одиннадцатая глава содержит биографические данные о вождях и учителях пролетариата: Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине. В этой главе дается так же довольно подробная характеристика теоретических работ вождей пролетариата и того нового, что внесено ими в разработку теории научного коммунизма.

Примерно то же содержание учебник Б. Волина имел и в предыдущем издании. В новом издании, однако, заново написана глава, излагающая основные решения XVII с'езда партии о второй пятилетке. В новом издании сильно переделано так же начало первой главы (о капитализме). Облегчено изложение сущности капиталистической эксплоатации, устранены повторявшиеся во втором издании цитаты и отдельные параграфы (например о фашизме). Сильно переработана так же четвертая глава (о партии) в соответствии с новым уставом партии и решениями XVII партс'езда по организационным вопросам. В главе о вождях пролетарской революции значительно расширен биографический материал.

Новое издание «Политграмоты» Б. Волина, несомненно, значительно улучшено и приближено к тем требованиям, которые пред'являет учебнику политграмоты кандидатская партийная школа.

Несомненно так же, что в теоретическом и партийном отношении книга Б. Волина вполне выдержанна и проверена опытом двух минувших лет, когда она являлась одним из основных учебных пособий кандидатской партийной школы.

При всем том надо все-таки отметить, что сделать книгу в полной мере доступной кандидату в члены ВКП(б) и в этом новом, третьем издании автору не удалось. Более того: в некоторых главах в результате произведенных сокращений изложение даже стало несколько труднее. Трудна и новая глава о второй пятилетке.

* * *

Книга тов. Волина не ставит перед собой задачи — охватить различные по уровню политического развития кандидатские группы.

Задачу обслужить теоретически наиболее слабых кандидатов в члены ВКП(б), а также сочувствующих ставит себе новый краткий учебник политграмоты — «Политбеседы» С. Ингулова.

«Политбеседы» тов. Ингулова выходят первым изданием. Они являются попыткой дать изложение политической грамоты, вполне доступное наиболее теоретически слабым прослойкам кандидатов партии и сочувствующих. Политграмота излагается в образной, местами разговорной форме, исходя от близкого и известного. Напечатана книга крупным шрифтом.

В книге тов. Ингулова даются только самые общие, элементарные основы политической грамоты. В ней не разбирается, например, понятие прибавочной стоимости, хотя и дается понятие о капиталистической эксплоатации. Нет такого подробного разбора пяти признаков империализма, какой дан в «Политграмоте» Б. Волина, хотя понятие об империализме как последней стадии капитализма все же дается.

Первая беседа является простым описанием жизни рабочих и крестьян до революции; за этим следует краткий очерк революционной борьбы рабочих и крестьян за свержение власти помещиков и капиталистов. Описание жизни рабочих до революции выясняет незаметно для читателя (без специальных экскурсов в политическую экономию) сущность эксплоатации.

Вторая беседа продолжает первую. Здесь дается сравнительная характеристика жизни рабочих у нас, в СССР, и в современном капиталистическом обществе. Росту материального благосостояния трудящихся СССР противопоставляются голод, нищета, безработица трудящихся масс в странах капитализма. Характеристика капиталистического мира приводит к обобщениям: выясняются неизбежность гибели капитализма, сущность империализма, сущность общего и современного экономического кризиса капитализма.

Две первые главы нового учебника политграмоты тов. Ингулова написаны ярко, убедительно, популярно, местами даже художественно. Вместе с тем они являют пример того, как можно без специальных теоретических изысканий о стоимости и общественно-необходимом труде раз'яснить сущность эксплоатации в капиталистическом обществе и неизбежность гибели капитализма. Можно заранее сказать, что первые главы «Политбесед» тов. Ингулова без большого труда будут прочтены и усвоены даже самыми слабыми в смысле политического развития учащимися школ политграмоты.

Ответственная задача руководителя школы — добиться, чтобы при чтении этих глав учащийся не только получил некоторое общее представление о капитализме, но чтобы он в итоге вынес определенные теоретиче-

ские обобщения и уроки. Для этого надо помочь читателю выделить основные теоретические узлы в этих главах. Так, в первой главе должно быть выяснено, в чем состоит эксплоатация при капитализме. Вторая глава должна дать понятие о том, что такое капиталистический кризис, что такое империализм, почему неизбежна гибель капитализма и т. д.

Общий принцип построения учебника тов. Ингулова — двигаться от понятного и известного к теоретическим обобщениям. Поэтому в третьей беседе, например, сначала, раз'ясняется сущность диктатуры пролетариата, а затем, очень коротко рассказывается, что такое коммунизм.

Беседа пятая и шестая излагают программу партии; беседа седьмая посвящена уставу партии; беседа восьмая дает биографии Ленина и Сталина; беседа девятая содержит очень краткое изложение программы и последних решений Коминтерна.

Учебник тов. Ингулова еще не проверен практикой работы кандидатских школ. Он еще не подвергся всестороннему обсуждению в сети партийных школ. Несомненно все же, что издание такого учебника представляет серьезный успех и принесет большую пользу. Сеть партийного просвещения получила подлинно популярный учебник простейших основ политической грамоты; при этом тов. Ингулов избежал опасности впасть в вульгаризацию.

Изданы оба разобранных учебника хорошо.

С. ХВАТОВ и Е. СИТКОВСКИЙ

Идеология воинствующего фашизма

Перед нами последняя книга «внешнеполитического специалиста» фашистской Германии Альфреда Розенберга, автора знаменитых антисоветских «крестоносных» проектов.

В этой книге, подготовленной к печати неким Тиль фон-Трота, собраны избранные статьи и речи Розенберга за период 1919—1933 гг. Все это творчество, об'единенное названием «Кровь и честь»[1], разбито на четыре отдела: «Против старой системы», «За новую империю», «Мировоззрение и культура» и «Внешняя политика». Интереснее других, разумеется, последний раздел, и на нем мы остановимся более подробно.

Прежде всего несколько слов о самом авторе. Упомянутый Тиль фон-Трота, сообщая в предисловии к рецензируемой книге биографические сведения о Розенберге, всячески скрывает его активную антисоветскую деятельность за период 1918—1919 гг., во время так называемой «бермонтиады» (поход авантюриста Бермонта-Авалова на Советский союз через Прибалтику). Между тем, по совершенно достоверным историческим данным, Розенберг (выходец из балтийско-немецкой ревельской семьи) был одним из непосредственных организаторов так называемой «Северозападной армии» Бермонта-Авалова, фактическим командующим которой был известный генерал фон-дер-Гольц. Нам думается, что в «послужном списке» Розенберга «бермонтиада» сыграла далеко не последнюю роль в особенности при его выдвижении Гитлером на пост руководителя внешнеполитического отдела национал-социалистской партии.

[1] Alfred Rosenberg «Blut und Ehre». Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden u. Aufsätze von 1919—1933. München. 1934.

Розенберг следующим образом формулировал задачи этого отдела: «В самой общей форме в круг задач внешнеполитического отдела входит разработка проблем Восточного пространства (Ostraum), Дунайского пространства, немецкого равноправия и привлечение молодых личностей, которые могли бы быть призваны эффективно участвовать и в области внешней политики Германии» (из статьи в «Фелькишер беобахтер» от 5 апреля 1933 г.). Это было написано 1½ года назад. За эти 1½ года в странах Прибалтики и в Австрии, или, говоря языком Розенберга, в «Восточном и Дунайском пространствах», произошел ряд знаменательных событий (достаточно упомянуть события 25 июля в Австрии, движение «ветеранов» в Эстонии, неудавшийся путч Вольдемараса 7 июня в Каунас, путчистскую деятельность фашистских эмиссаров в Мемеле и т. д.), тесно переплетенных с деятельностью «молодых личностей» из внешнеполитического отдела гитлеровской партии. Правда, деятельность эта не увенчалась особыми успехами, но это уже не вина, а беда Розенберга...

Напрасно читатель искал бы во внешнеполитической «концепции» Розенберга анализ международного положения Германии, ее отношений к великим державам, к ее соседям и т. д. Розенберговская методология гораздо проще: в основу всей — и внешней и внутренней — политики фашистской Германии он кладет... чистоту крови. «Борьбе за чистоту крови» Розенберг посвятил свой главный «труд» (700 страниц убористого шрифта!) «Миф XX века»; та же многообещающая «концепция крови» фигурирует и в большинстве статей рецензируемой книги. В статье «Кровь, территория, личность», написанной в ноябре 1932 г. и помещенной в «теоретическом» органе фашистской партии «Национал-социалистские ежемесячники», Розенберг следующим образом формулирует основы национал-социалистского мировоззрения:

«Национал-социалистическое мировоззрение исходит из утверждения, что кровь и территория — суть германского народа, что культурная и государственная политика должна определяться этими двумя моментами, что чистота (буквально: «Gesundheit» — «здоровье») крови является предпосылкой для любого крупного деяния и что поэтому основной целью внутренней и внешней политики должно быть сохранение и укрепление этой крови» (стр. 242). Мы могли бы спокойно пройти мимо этой галиматьи мракобеса, если бы в ней не был заложен весьма определенный политический, антисоветский смысл. Ибо вся философия «чистоты немецкой крови», или, как выражаются некоторые фашистские расовые «теоретики», «чистоты немецкой спермы», необходима Розенбергам для обоснования того варианта империалистической войны «высшей» расы против «низшей», о котором говорил товарищ Сталин на XVII партс'езде. Розенберг и не скрывает антисоветской подоплеки своей «кровавой» философии. Вслед за цитированными выше строками Розенберг, опираясь на авторитет ряда расовых «теоретиков» — от католика-мракобеса Гобино (автора известного «Опыта о неравенстве человеческих рас») до современного фашистского «расобиолога» Гюнтера, — говорит:

«Как бездна, глубокая ненависть (повидимому, к буржуазии. — *М. Г.*) действительно убежденного большевика стала понятна как прямое выражение в расовом отношении (буквально: «в отношении крови» — «blutmässig») деградировавшего или отравленного человечества; стало понятным, что в противоположность этому героический элемент во всех областях жизни тесно переплетен с той частью арийской расы, которой распоряжается немецкий народ» (стр. 242). Перед нами обнаженная шовинистическая пропаганда антисоветской интервенции во имя интересов «выс-

шей» расы. Разнузданность этой «героической» арийской пропаганды можно сравнить лишь с разнузданностью японской антисоветской пропаганды типа знаменитого сочинения Араки «Задачи Японии в эпоху Сиова». Розенберг, занимающий официальный пост в правительственной клике гитлеровской Германии, демонстрировавшей недавно при подавлении «революции педерастов» весь арсенал своих отвратительных методов господства, смеет говорить о «героических элементах» фашистского движения! Поистине, зрелище для богов!

От «философских» концепций Розенберга перейдем к его статьям и речам, посвященным внешней политике фашистской Германии. Необходимо отметить, что статьи Розенберга, содержащие откровенно антисоветские проекты отторжения советских земель от Страны пролетарской диктатуры, в частности знаменитые «украинские проекты», в рецензируемый сборник не включены. Тем не менее интервенционистские нотки ясно звучат в интересующем нас разделе «Внешняя политика». В докладе на тему «Кризис и возрождение Европы» Розенберг, развивая свою теорию превосходства арийской расы и подчеркивая растущее возмущение «смешанных» рас (читай: угнетенных колониальных народов. — *М. Г.*), заявил:

«Это возмущение возглавляется большевистским движением. Указания на этот факт должно быть достаточно, чтобы найти практическое единство в защите всей Европы с целью преодоления этой мировой опасности» (стр. 305). Этот прямой призыв к созданию антисоветского фронта Розенберг в том же докладе дополняет следующими комментариями о разделе сфер влияния четырех империалистических держав: Англии, Франции, Италии и Германии:

«Германия направляется на восток и северовосток, Франция—на юг, Италия—на юговосток и восток, Великобритания—на заморские владения» (стр. 311).

Нет сомнения, что эти проекты легли в основу внешнеполитической активности, которая была проявлена Розенбергом в гитлеровской Германии, в частности в его известных переговорах в Лондоне. Неудача этих переговоров не приостановила, как известно, антисоветского рвения: еще в мае 1934 г. на заседании «Северного общества», происходившем под председательством Розенберга, ближайший сподвижник последнего В. Дайц заявил следующее:

«Великая задача Германии состоит сейчас в том, чтобы опять пустить в ход европейскую хозяйственную карусель, которая в течение 400 лет двигалась все медленнее, об'единить юговосток с востоком и соединить все эти территории вместе с Россией в одну общую хозяйственную единицу» («Berliner Börsenzeitung» от 15/IV 1934 г.). Те же идеи возрождения «эпохи крестоносцев», что практически означает захват фашистской Германией Прибалтийских государств, развиваются и в рецензируемой книге. Более того, Розенберг подчеркивает, что основные принципы национал-социалистского движения, в первую очередь принцип беспрекословного повиновения «вождю», заимствованы у крестоносцев.

«Германия вновь обрела старый закон построения своей политической и общественной жизни. Она вернулась к старому германскому принципу герцога и его свиты. Если мы возродим в памяти старые законы тех орденов, которые колонизировали немецкий восток, мы найдем полное сходство принципов, согласно которым управлялось когда-то государство крестоносцев, с принципами, которыми управляется национал-социалистское движение». Сказано очень откровенно! Но Розенберг

«забыл» добавить, что основными «принципами» крестоносцев были грабеж чужих территорий и угнетение чужих народов. Не будем спорить с утверждением Розенберга, что эти принципы полностью совпадают с внешнеполитическими установками гитлеровской Германии: ему, руководителю внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, виднее...

Философия грабежа и угнетения чужих территорий проскальзывает и в ряде других высказываний Розенберга. Вот например характерные «мысли» Розенберга об Африке:

«Африка тоже возрождается: ее расы не едины, не равноценны; моральные качества среди «черных» выявляют большие различия. Фактом, однако, является то, что действительной черной культуры не существует и что черно-белое расовое смешение приводит к вырождению».

Вывод напрашивается сам собой: «Отсутствие у Африки собственной государственности означает в международно-политическом отношении право белых на колонии» (стр. 304). Но Розенберг не довольствуется грабежом чужих земель: он резко выступает против «цивилизаторской» деятельности империалистических государств и обосновывает необходимость полного угнетения колониальных народов. Говоря о праве белых на колонии, Розенберг подчеркивает:

«Пользуясь этим правом, белые должны и в Африке отказаться от всей либеральной «идеи воспитания», от всех попыток сделать «европейского культурного человека» из совершенно иначе сложившегося черного» (стр. 304). Эта рабовладельческая философия выглядит особенно занимательной на фоне полного провала всех захватнических проектов и стремлений германского неоимпериализма получить хоть какую-нибудь «колонишку». Впрочем, рабовладельческая откровенность Розенберга по отношению к колониальным народам мало вяжется с широкой пропагандой «цивилизаторской» роли кайзеровской Германии в колониях, проводимой не без участия розенберговского «внешнеполитического отдела» многочисленными колониальными организациями фашистской Германии.

В связи с приведенными высказываниями Розенберга о «праве белых» на угнетение колоний небезынтересно упомянуть его рассуждения об антиимпериалистическом движении угнетенных народов. В рецензируемой книге имеется статья «Запад и Восток», посвященная Брюссельскому антиимпериалистическому конгрессу 1927 г. Автор обрушивается на те органы немецкой буржуазной печати, которые выражали свои симпатии Брюссельскому конгрессу. Розенберг усматривает в этом угрозу белой расе:

«В тот момент, когда различные народы земного шара под коммунистическим руководством об'явили в одной из европейских столиц войну белой расе, наше отношение к этому новому орудию III интернационала не может не быть отрицательным». Это прислужничество немецких фашистов к мировому империализму чрезвычайно характерно для всей внешнеполитической концепции Розенберга.

Интересны высказывания Розенберга о Польше. Напоминаем, что рецензируемая книга об'единяет статьи Розенберга, напечатанные до 1934 г., т. е. до польско-германского соглашения. Однако составитель книги не включил в сборник наиболее антипольские высказывания своего шефа. Известно, что к полякам Розенберг питает прямо звериную ненависть; нелишне напомнить, что в своем главном «труде» («Миф XX столетия») Розенберг весьма нелестно отзывался о поляках и о чехах. Достаточно привести следующее место из «Мифа XX столетия»:

«В великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб, какую ныне ведет столь творческая нация, как Германия, недопустимо

считаться с поляками, чехами и т. п. нациями, столь же импотентными и ничтожными, сколь и требовательными и нахальными».

Однако и в рецензируемой книге имеется ряд антипольских высказываний Розенберга, относящихся к 1930—1932 гг. Мы говорим о двух его речах в германском рейхстаге, направленных против уступок Польше со стороны догитлеровских германских правительств. Касаясь вопроса о положении немецкого нацменьшинства в Польше, Розенберг заявил в германском рейхстаге 5 декабря 1930 г.:

«Речь идет не о временном или постоянном ущемлении немецкого нацменьшинства в Польше, а о развернутой кампании с целью уничтожения немцев в Польше, о кампании с политической целью дискриминации Германии за ее пределами» (стр. 275). Далее, Розенберг прямо обвиняет Польшу в прямом и очевидном срыве конвенции о нацменьшинствах: «Германское правительство обязано сделать вытекающие из этого факта выводы и должно затребовать аннулирования его решения от 21/X 1921 г. (т. е. о разделе Верхней Силезии)... Мы полагаем, что наступил момент заявить всему миру, что Германия не примирилась с этой потерей». Еще более резко Розенберг выступил против Польши на заседании рейхстага 24 февраля 1932 г., заявив:

«Польша нарушила договоры от 24 и 28 июня 1919 г. об охране нацменьшинств. Признание конвенции о нацменьшинствах было предпосылкой для признания Польши вообще. Польша тогда вынуждена была обязательства этой конвенции о меньшинствах выполнить». В качестве практического мероприятия Розенберг предлагал тогда обратиться с протестом... в Лигу наций, резко критикуя «мягкотелость», проявленную правительством Брюнинга по отношению к Польше. Чувствуя все неудобство опубликования этих антипольских высказываний, автор (или составитель) снабдил эти две речи следующим осторожным примечанием:

«Если Польша теперь стремится придти к соглашению с Германией, то новая империя будет это приветствовать, исходя из интересов истинного мира».

Однако без всяких примечаний в книге перепечатан доклад Розенберга о выходе из Лиги наций, прочитанный 30 октября 1933 г. В этом докладе Розенберг снова резко обрушился на Польшу, обвиняя правительство Пилсудского в преследованиях немецкого нацменьшинства и в невыполнении своих версальских и женевских обязательств.

Эти высказывания Розенберга приобретают исключительно актуальное значение в свете последнего заявления польского мининдела Бека на пленуме Лиги наций об одностороннем расторжении конвенции об охране нацменьшинств. Вот что тогда писал Розенберг:

«В июне 1919 г. Польское государство получило международное признание. Этому признанию предшествовал сохранивший свою обязательную силу меморандум, который председатель Мирной конференции Клемансо вручил Польше. В этом меморандуме было об'явлено, что Польша получает признание при условии уважения прав нацменьшинств... Таким образом признание Польшей прав нацменьшинств является предпосылкой признания Польского государства».

Эти высказывания, не имеющие еще годовой давности, не помешали тому же Розенбергу надпях приветствовать на страницах «Фелькишер беобахтер» декларацию Бека в Лиге наций. Такая исключительная беспринципность характерна для той внешнеполитической изолированности, в которой очутилась гитлеровская Германия.

Книга Розенберга свидетельствует о крайнем убожестве фашистской «идеологии». Розенберговская философия «крови», рассчитанная на разжигание нового предвоенного патриотизма и самых низких шовинистических инстинктов, не в состоянии поднять массы. Рабочий класс и трудящиеся массы Германии, активно борясь под руководством своей героической коммунистической партии, давно уже вынесли приговор фашистскому режиму и его идеологам.

М. ГЕРЦБАХ

Уполномоченный Главлита № В 93800
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа
Изд. № 947

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 23/IX 1934 г., подписан к печати 27/IX 1934 г. Заказ № 2815

Типография газеты „Правда" Москва, ул. Горького, 48.

ИНСТИТУТ МАССОВОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ПАРТАКТИВА ПРИ ЦК ВКП(б)

доводит до сведения всех партийных и комсомольских организаций, политотделов, членов партии и комсомола, что в 1934—1935 УЧЕБНОМ ГОДУ ИНСТИТУТ ПЕРЕДАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ, рассчитанные на широкий партийный, комсомольский и беспартийный актив города и деревни, заочников партучебы, организованных радиослушателей, пропагандистов партсети и преподавателей:

I. ИСТОРИЯ ВКП(б) (18 лекций)

Курс передается с октября 1934 г. по январь 1935 г.

В октябре передаются лекции:

15/X **Рабочее движение 70—80-х годов и возникновение марксизма в России.**

20/X **Борьба Ленина за революционный марксизм, за партию нового типа в 90-х годах.**

25/X **Ленинская «Искра».**

II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА (10 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г.

В октябре передаются лекции:

16/X **Крах II интернационала и борьба большевиков за создание Коминтерна.**

26/X **Организационные основы Коммунистического интернационала.**

III. ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ И УСТАВА ВКП(б) (12 лекций)

Цикл передается с января по апрель 1935 г.

IV. ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР (28 лекций)

Курс передается с января по май 1935 г.

V. ВОПРОСЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (12 лекций)

Цикл передается с января по апрель 1935 г.

VI. ЛЕНИНИЗМ (12 лекций)

Курс передается с февраля по апрель 1935 г.

VII. КАК ИЗУЧАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Консультации передаются с октября 1934 г. по май 1935 г. по 2 лекции в месяц.

В октябре передаются лекции:

19/X **Как изучать «Коммунистический манифест».**

22/X **Как изучать статью Ленина «Карл Маркс».**

VIII. ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (24 лекции)

Цикл передается с октября 1934 г. по апрель 1935 г.

В октябре передаются лекции:

17/X **За выполнение решений июньского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве.**

27/X **Улучшение породы молочного скота и племенное дело.**

IX. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СССР (9 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г.

В октябре передаются лекции 14, 21 и 28-го числа.

X. ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ И КОНСУЛЬТАЦИЙ (22 лекции)

Циклы передаются с октября 1934 г. по май 1935 г.

В октябре передается цикл лекций по вопросам современной художественной литературы.

2/X **Литературная молодежь нашей страны.**

5/X **Колхозное движение в произведениях советских писателей.**

11/X **О современной мировой литературе.**

XI. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА (21 лекция)

Лекции передаются с октября 1934 г. по май 1935 г.

В октябре лекции по текущей политике передаются 3, 7, 13 и 23-го числа.

Радиолекции Института передаются через станцию им. Коминтерна с 18 ч. 30 м. до 19 ч. 30 м. по московскому времени.

Лекции слушайте в специально оборудованных радиоаудиториях при политотделах, в парткабинетах, а также у себя дома на индивидуальных приемниках.

Вопросы, отзывы и замечания о радиопередачах направляйте по адресу: Москва 12, Ильинка, 21, Институт при ЦК ВКП(б), Корреспондентское бюро

Директор Института В. УВАРОВ

Цена 40 коп.